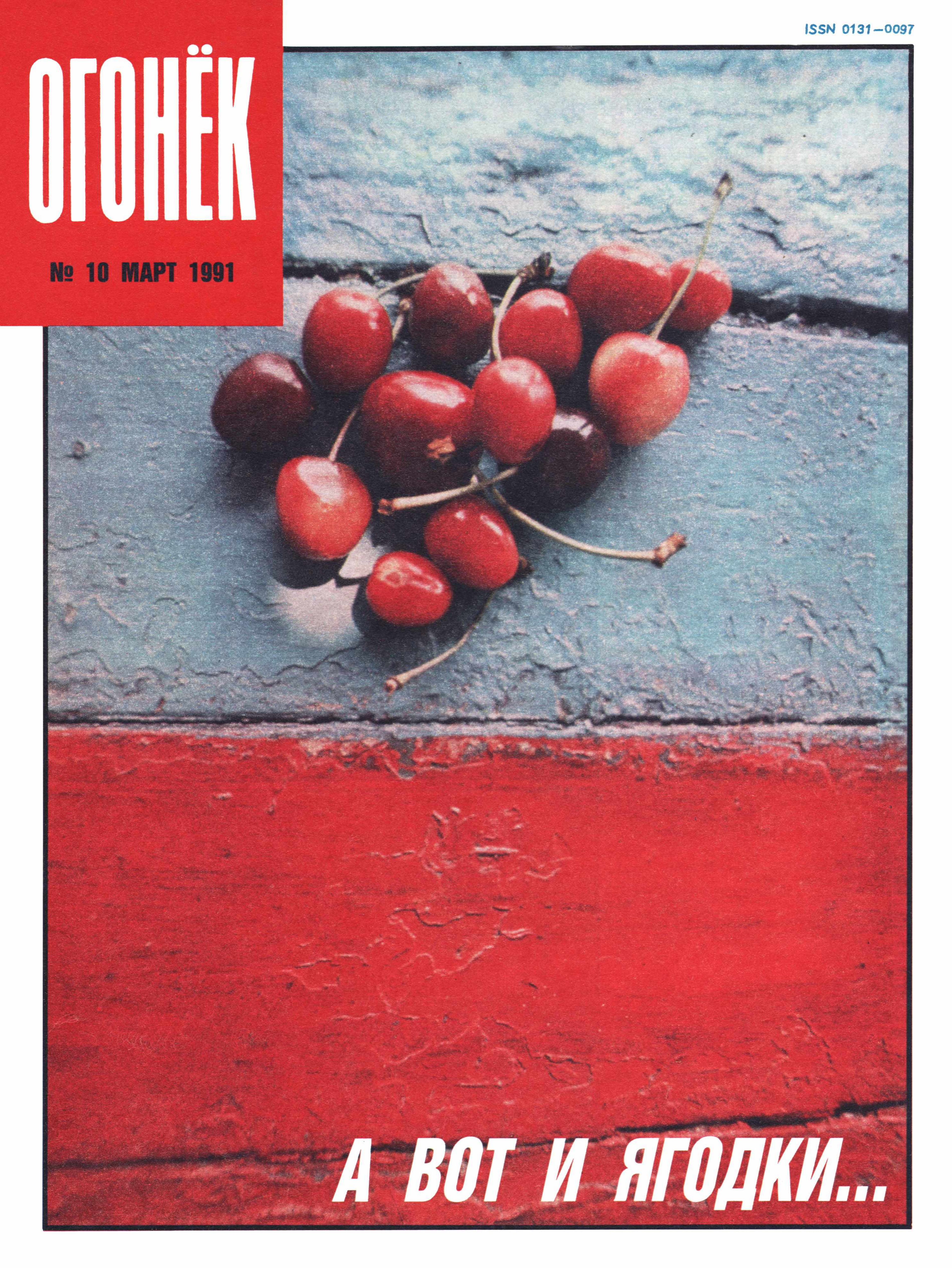

ISSN 0131-0097
ОГОНЁК
№ 10 МАРТ 1991
А ВОТ И ЯГОДКИ...

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

Выходит с 1 апреля 1923 года
УЧРЕДИТЕЛЬ —
ТРУДОВОЙ КОЛЛЕКТИВ
РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК»

№ 10 (3320)
2—9 марта

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Фотоэтюд Якова Шубина. (См. в номере материал «Душевное целое».)

Оформление В. В. ВАНТРУСОВА
при участии Г. Н. СИДОРОВОЙ.

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ.
Цена подписки на год — 46 руб. 80 коп.,
на полгода — 23 руб. 40 коп.,
на квартал — 11 руб. 70 коп.
Цена одного номера в розницу — 1 рубль.

Сдано в набор 11.02.91. Подписано к печати 26.02.91. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Усл. кр.-отт. 17,50. Уч.-изд. л. 12,05. Тираж 1 790 000 экз. Заказ № 165. Цена 1 рубль.

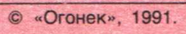
Адрес редакции: 101456, ГСП,
Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-22-69; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Литературы — 212-63-69 и искусства — 212-22-19; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных приложений — 212-22-13, 251-90-55.

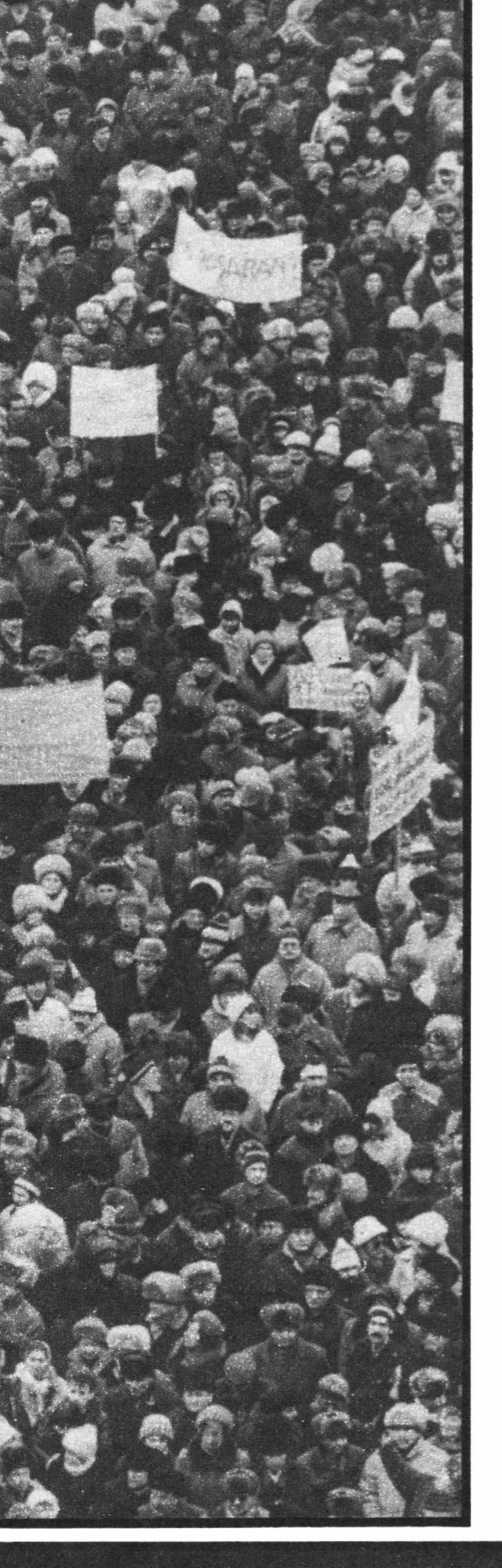
Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Издательство ЦК КПСС «Правда». Типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». Москва, А-137, улица «Правды», 24.

И снова зазвучали речи о том, насколько народ наш велик, могуч, мудр и многострадален: традиционное начало всякого из сегодняшних митингов.

В конце февраля — начале марта митингов даже прибавилось. Лозунги изменились мало: неизбывен зов к чистоте духовной, соблюдению традиций. Библейские заповеди «не укради», «не убий» звучат с прежней частотой, но — и это, пожалуй, новость — все больше стало лукавых указок с трибуны в сторону тех, кого организаторы митингов (а директивных собраний среди митингов становится все больше) хотели бы растереть в пыль. Поэтому к усердно цитируемым ораторами заповедям хотелось бы добавить еще одну — «не сотвори себе громоотвода!».

Прекрасно видеть сотни тысяч лиц, лучащихся надеждой, доверчиво обращенных к трибуне. Митинги наши продолжают свидетельствовать о народном небезразличии, о жажде справедливости и надежде.

Но все чаще, особенно в последнее время, в митинговых президиумах заметны поигрывающие желваками начальники в погонах и без погон, заученно объясняющие, что справедливость не там, где люди ее ищут. Что двести тысяч бездомных профессиональных армейцев — это, к примеру, не тема для армейского митинга. Что в неустроенности выводимых из Восточной Европы советских армейцев виноваты кто угодно — от министра иностранных дел до журналистов, но никак не отечественные маршалы, сосредоточившиеся на устройстве своих дел. Что матери погибших в мирное время советских солдат портят праздник.

О законе, как организующей и направляющей силе, говорят далеко не все. Просто о силе — очень многие.

«Не позволим!» — кричат старательные плакаты. Тем, кто эти плакаты велел изобразить, обидно, что у них, таких важных, позволения не спрашивают. И, говоря свое «Не позволим!», люди эти исходят из привычного для них приоритета насилия перед силой закона.

Вспомним многие митинги последнего времени. О чем шла речь? О многом и очень важном. Но тревожно ощущать все более паническое и все более напористое желание некоторых ораторов сотворить себе громоотводы. И вот уже люди, скомпрометировавшие, разорившие армию, кричат, что не дадут ее, родимую, в обиду. Люди, цинично паразитировавшие на партийно-революционной идее, клянутся не поступаться высокими идеалами. Бывший министр финансов, под чьим руководством печатные станки изнемогли, штампуя горы разноцветных денежных знаков, объявил, что это злодейские буржуйские банки задумали разрушить нашу экономику, бросив в обращение внутри советской страны кучи ничем не гарантированной бумаги (той самой, которой советское и никакое другое правительство рассчитывалось со своими согражданами).

Не сотвори себе громоотвода.

Когда телеэкран старательно воспроизводит лозунги, сочиненные на уровне базарного хамства и предназначенные для оскорбления главы российского Верховного Совета, то, возможно, надо вспомнить не только правила приличия, но и то, что недопустимо воскрешать сегодня терминологию времен борьбы с «врагами народа», унижать, а не спорить. Вроде бы руководители все равны перед законом? Или одни все-таки равнее других?

А пугать именем народа вообще недостойно. Ей-право, с перепугу все эти намеки, что, мол, люди у нас «долготерпеливы, но...», так же как угрозы от имени армии, в которой-де не рекомендуется «дразнить человека с ружьем». Все это происходит от веры, что в советской стране по-прежнему нетрудно быть сильнее закона. Порой митинги делаются похожими на известную телеинсценировку, где возбудившийся репортер грозил пальцем окну, уверяя, что именно оттуда вот-вот начнут уничтожать «наших».

А этих-то «ихних» никто и не брал в прицел; убивали как раз они, а не их. А для спасения сотворяли громоотводы.

Когда нам предлагают новые и новые порции «лжи во спасение», следует задуматься: во спасение кого именно?

Потеплело. Кипят митинги. Народ устал и от ожиданий, и от обещаний, и от угроз. Только общими усилиями можно отвести беду. Митинг — одна из форм таких усилий. Впрочем, не самая главная.

Есть такая весенняя поговорка: «Что посеешь — то пожнешь». Беда наша в том, что одни сеять не хотят, а другие пожинать боятся.

НЕ СОТВОРИ СЕБЕ ГРОМООТВОДА

Фото
Сергея ПЕТРУХИНА,
Юрия ФЕКЛИСТОВА
и Льва ШЕРСТЕННИКОВА

В СУББОТНИЙ ПОЛДЕНЬ НА МАНЕЖЕ...

ЗАМЕТКИ ОЧЕВИДЦА

Александр БОЛОТИН

В субботу, 23 февраля после митинга на Манежной площади я пришел домой, швырнул в угол шапку, напялил латанную-перелатанную тельняшку и задумался...

Армия! Ей-Богу, имею право утверждать, что знаю ее не понаслышке, но изнутри. На своей шкуре познал аскетизм и жестокость сурового армейского быта, жил по ратным законам постоянной военной готовности, замерзал на заснеженных полигонах и плавился в жаре казахстанских космодромов, хоронил товарищей, ибо смерть — нередкая гостья в частях и в мирное время. И всегда испытывал впитанное с молоком матери чувство глубокого преклонения перед армейским братством, чувство глубокого уважения к старикам — участникам Великой Отечественной, к рядовым и пахарям-офицерам, несущим на своем горбу крест весом в... двадцать пять лет нелегкой военной службы.

О человеке в погонах всегда старался говорить с добром и симпатией. И дороги мне написанные в разные годы очерки о героических десантниках и подводных моряках, о «крестьянском сыне» — маршале Митрофане Неделине и о кристально чистом человеке — первом Герое Советского Союза, генерале Анатолии Ляпидевском, о своем друге-одногодке, лейтенанте, который так и не стал генералом и никогда не увидел с акватории Черного моря, как горит зеленая лампа в окне чеховского кабинета, потому что сгорел на старте вместе с взорвавшейся ракетой... О других боевых товарищах. И вот сегодня оказалось, что я есть заклятый враг армии. И, естественно, мучительны мои размышления: кто пытается столкнуть нас лбами, штатских и военных, кому и зачем выгодно это противостояние?

Пути Господни неисповедимы, и никто не знает, что еще придумает партократия, но сегодня очевидно, что в механизме кликушески-агрессивной истерии, декларирующей приоритеты отжившей свой век системы, появился новый мощный привод, именуемый борьбой с антиармейскими настроениями. Не я, выходит, один; у армии нашей, оказывается, очень много врагов, готовых разорвать ее на части, ошельмовать, оболгать, уничтожить... Трехсоттысячная толпа, собравшаяся у стен Кремля в субботний погожий полдень, стенала, требуя «защитить», «отстоять», «возродить»... Кто знает, может быть, в последнем призыве и следует искать смысл этого так широко разрекламированного накануне в партийной печати сборища. Ибо не армию пришли защищать сюда некоторые его участники, их привело на этот сход неутоленное желание возродить диктатуру партийной власти, вернуться к старым добрым застойным порядкам, которые всегда устраивали наиболее оголтелые деклассированные слои наших сограждан.

Общество тотальной люмпенизации, общество неумелых и нерадивых, готовых всю жизнь получать низкую зарплату за низкопроизводительный труд, общество пренебрегающих законами общечеловеческой цивилизации делегировало на субботний Манеж самых достойных и ярких своих представителей. Как когда-то, неслись с трибуны хорошо отрепетированные и завизированные в МГК КПСС речи «от имени рабочих», «от имени представителей технической интеллигенции», «от имени военнослужащих и ветеранов»... Шатались в толпе какие-то стертые и перевернутые лица, злобно и истерично выкрикивающие оскорбления в адрес демократических перемен, и показалось даже, будто «день открытых дверей» объявили сегодня городские психиатрические больницы, хотя если задуматься, то люмпен всегда по своей натуре хам, а для последнего правил игры не существует, и даже почудилось что-то знакомое, бунинское, словно «...возле Соборной площади порядочно народу, но стоят бессмысленно, смотрят на всю эту балаганщину необыкновенно тупо. Были, конечно, процессии с красными и черными знаменами, были какие-то размалеванные «колесницы» в бумажных цветах, лентах и флагах, среди которых стояли и пели, утешали «пролетариат» актеры и актрисы в оперно-народных костюмах, были «живые картины», изображавшие «мощь и красоту рабочего мира», «братски» обнявшихся коммунистов, «грозных» рабочих в кожаных передниках...— словом, все, что полагается, что инсценировано по приказу из Москвы...»

Все возвращается на «круги своя». Поистине наступают для нас окаянные дни!

— Здорово, мужики! — бросил развязно в толпу популярный артист, а затем истошно, срываясь на фальцет, начал рвать на себе рубашку: де все развалилось, государственности — нуль, военно-промышленный комплекс заставляют делать кастрюли, а американец не дремлет и вот-вот врежет по нашим границам... Пели симпатичные мальчики-афганцы, вызывая снисходительные улыбки на лицах высших руководителей российской компартии, армии и КГБ, будто никто из них, руководителей, не причастен к тому, что эти мальчики были брошены в пекло гигантской военной авантюры и многие из них навсегда остались на чужой афганской земле... И плыли над морем голов транспаранты, красноречиво свидетельствующие, что почем.

Когда в ясный день наводят тень на плетень — все средства хороши. И грубые, и неуклюжие... Превалировал тот самый «демониальный элемент в марксизме», о котором предупреждал еще великий русский философ Николай Александрович Бердяев, и поистине пророчески вспоминались его слова, что неистовый коммунист «находится в отрицательной зависимости от царства сатаны, от зла, от капитализма и буржуазии. Он не может жить без

врага, без отрицательных чувств к этому врагу, он теряет пафос, когда врага нет. И если врага нет, то врага нужно выдумать. Процессы «вредителей» связаны с этой потребностью создать классового врага. Если бы классовый враг исчез окончательно и коммунизм легко было бы осуществить, то коммунистический пафос тоже исчез бы».

А пока разрастается снежный ком самых разнообразных вопросов... Полковник Советской Армии, имеющий академическое образование, работающий на пределе человеческих сил и возможностей и получающий оклад меньше, чем водитель автобуса... Кто виноват? Бедолага-офицер, мыкающийся с семьей по частным квартирам, не имеющий ни кола ни двора... Кто виноват? Замордованный дедовщиной солдат-первогодок, боящийся казармы как черт ладана... Кто виноват? Может быть, правящая 73 года партия, приведшая страну к развалу и хаосу, может быть, беспомощное союзное правительство, правая рука которого никогда не знает, что делает рука левая, может быть, высшее армейское руководство или его политические структуры, упорно вбивающие в головы идеологию абсолютного послушания, готовые вершить суд над любым сомневающимся в правильности единственного социалистического пути развития?

Ничего подобного: во всех бедах армии виноваты эти демократы Ельцин, Попов, **Собчак, Бунич**, Шаталин, Афанасьев, Станкевич... Во всем виновата, будь она проклята, демократическая пресса — «Московские новости», «Комсомольская правда», «Юность», «Огонек», «Известия»... И, конечно, главный оппонент маршала Ахромеева академик Арбатов, тотчас зачисленный на одном из транспарантов в покровители сионистов. Удивительно, как стыдливо камеры Центрального телевидения избегали в воскресном показе митинга откровенно антисемитские лозунги, где объявлялась общим врагом шестиконечная звезда, или пронизанные животной ненавистью к прибалтам имперские притязания типа: «Клайпеду — России, Вильно — Белоруссии»... Невольно задумаешься: кто же все-таки является архитектором обострения межнациональной неприязни?

Подобные, размалеванные в разные цвета парадные манифестации — удобная драпировка для тех, кто желает оставить все как есть, и уходит, словно вода сквозь песок, возможность решения больших и малых общеармейских проблем, отступают на задний план первоочередные нужды военных, тонет дело в демагогических вскриках и декларациях. Бей своих, чтоб чужие боялись,— вот и весь сказ.

Возможно, я субъективен, но мне показалось, что присутствующие на митинге военные — какая разница, переодетые или непереодетые — ощущали неловкость, ибо были втянуты в качестве статистов в сомнительное политическое шоу, единственной целью которого был не долгожданный путь к гражданскому согласию, а возвращение на новый виток социальной конфронтации. Незримо витал в воздухе призыв: дайте сильного и властного хозяина, дайте жесткую власть, способную одернуть, приструнить, поставить всех и каждого в серый, безликий ряд! И только, словно лучик надежды, как солнечный зайчик на отмытом стекле, мелькали то там, то здесь по-мальчишески чистые лица лейтенантов. И еще запомнился огромный солдат, с безмятежной детской жадностью уплетающий одну порцию мороженого за другой на углу здания гостиницы «Москва»... Может быть, им уготована лучшая участь?

И все-таки есть суровый мужской праздник 23 февраля. И в этот день, когда принято добрым словом вспоминать армию и флот, я поднял тост за сынов Отечества, защитников Родины, за их великий ратный подвиг и тяжелый труд. С праздником, воины!

КАК ЭТО БЫЛО

ИЗ ИСТОРИИ СОВРЕМЕННОСТИ

Конец 1967 года я провел в Чехословакии. Много ездил. Говорил с самыми разными людьми.

Все были недовольны. Открыто фрондировала интеллигенция. Обострились отношения между чехами и словаками. А. Новотный — тогдашний президент и партийный лидер — стал предметом злых насмешек, главным героем бесчисленных анекдотов. Всюду бросались в глаза свидетельства нарастающего кризиса.

23 декабря открылся очередной Пленум ЦК КПЧ. В те дни я жил в партийной гостинице, где размещались многие члены ЦК КПЧ и где каждый вечер активно обсуждался ход Пленума. Было ясно, что старое партийное руководство обречено, наступают новые времена.

Однако посольство СССР горой стояло за Новотного, поддерживало окружавшие его «здоровые силы» и клеймило его противников по меньшей мере как «ревизионистов», а то и как передовой отряд «ползучей контрреволюции». Именно в таком ключе составлялась информация, направлявшаяся в Москву и формировавшая настроение в Политбюро ЦК КПСС. В этом я мог убедиться, вернувшись в Москву и ознакомившись по долгу службы (я работал тогда одним из консультантов Отдела ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран) с почтой, поступающей из Праги.

Считая вопрос чрезвычайно важным, я написал записку «К урокам чехословацких событий» и 18 января 1968 года передал ее в секретариат Л. И. Брежнева. Никакой реакции не последовало. Вопрос был решен иным путем.

Предавая эту бумагу гласности, я рассматриваю ее как еще один дополнительный штрих, который позволит современному читателю лучше понять те, уже далекие времена «застоя».

А. БОВИН

* * *

«Сов. секретно

К УРОКАМ ЧЕХОСЛОВАЦКИХ СОБЫТИЙ

Последние события в Чехословакии ставят перед нами ряд проблем общего значения. Некоторые из них перечислены ниже.

1. Об информации. Очевидно, что соответствующие органы и прежде всего посольство СССР в Праге, располагая значительным количеством фактов, все же не смогли правильно оценить ситуацию и соответственно не смогли правильно ориентировать ЦК КПСС. Причина, по-видимому, в том, что поступающая информация обрабатывалась с предвзятой точки зрения. Не исключено, что этой же болезнью страдают и другие совпосольства, в результате чего ЦК КПСС вновь может оказаться перед неожиданным развитием событий.

Представляется целесообразным внимательно проанализировать материалы, поступившие в ЦК КПСС с октября по декабрь 1967 г. в связи с положением в КПЧ и ЧССР, сопоставить оценки и предложения с действительным ходом событий. По материалам такого анализа следовало бы провести в ЦК КПСС совещание наших послов в социалистических странах и остро, по-партийному поставить вопрос об объективности информации.

2. О положении в руководстве братских стран и партий. Кризис в руководстве КПЧ заставляет более внимательно, чем прежде, изучить положение дел в руководстве других стран и партий. Имеющиеся данные позволяют предположить, что аналогичные процессы назревают в Монголии и Болгарии; сложная борьба ведется вокруг тт. Гомулки и Тито; есть свои сложности в Берлине и Будапеште. В настоящее время соответствующая информация (насколько мне известно) никем и нигде специально не обобщается. ЦК КПСС недостаточно осведомлен о расстановке сил в руководстве братских стран и партий, политических позициях того или иного лидера (второго и третьего эшелонов) и т. п. Все это существенно ограничивает наши маневренные возможности, вынуждает активно поддерживать уже политически отжившие фигуры, что соответственно вызывает рост неблагоприятных для нас настроений в братских партиях и странах.

Представляется целесообразным поручить специально созданной группе обобщить весь имеющийся материал по затронутому вопросу и выводы доложить руководству ЦК КПСС.

3. О внутреннем положении в братских странах. Отношения внутри руководства КПЧ, приведшие в конце концов к открытому конфликту, в немалой степени связаны с личными симпатиями и антипатиями и, возможно, с карьеристскими настроениями отдельных товарищей. Вместе с тем нельзя не видеть, что борьба внутри руководства (и это относится не только к Чехословакии) отражает — хотя и не всегда прямолинейно, непосредственно — борьбу различных тенденций и сил внутри социалистического общества. В каждой братской стране есть, разумеется, своя специфика, но если отвлечься от частностей, то довольно отчетливо вырисовывается общая для многих стран проблема: общество, партия, люди переросли (или перерастают) существующий уровень руководства, его компетентность, существующие формы организации общественной жизни. С постепенным осознанием этого противоречия и опасностей, которые могут явиться следствием его углубления, связаны экономические реформы, интенсивное обсуждение роли партии и характера партийного руководства, новые моменты в государственном строительстве и т. д. Благотворность этих мероприятий (оставляя в стороне крайности югославского варианта) несомненна. Однако они проводятся не всегда вовремя и не всегда последовательно. Отсюда — широкое распространение настроений неудовлетворенности, недовольства — настроений, которые накладывают отпечаток и на положение внутри руководства.

В основе своей такие настроения вызваны законным и естественным стремлением к дальнейшему совершенствованию социалистических общественных отношений — и в экономике, и в политике, и в духовной сфере. Но поскольку, во-первых, на позициях и поведении определенных кругов общества сказывается сильное воздействие со стороны антисоциалистических сил (в основном из-за рубежа, но не только), постольку указанные настроения могут приобретать нежелательные, опасные для дела социализма формы. Задача, следовательно, состоит в том, чтобы разобраться в чрезвычайно сложной, противоречивой, запутанной картине общественной жизни братских стран, отделить здоровые и перспективные процессы от наносных, искажающих их явлений, понять, какие социальные группы (и какие лидеры) представляют те или иные тенденции. Если не сделать этого, то мы рискуем поддержать не те силы и тенденции, которым принадлежит будущее.

Представляется целесообразным поручить соответствующим организациям подготовить для ЦК КПСС информационные материалы по следующим направлениям:

— ход экономических реформ — с акцентом на встретившиеся трудности, на борьбу мнений вокруг предполагаемых или осуществляемых мероприятий;

— роль партии в современном социалистическом обществе — с акцентом на разные подходы в разных странах (Югославия, Румыния, Чехословакия) и с выделением общих, главных тенденций;

— совершенствование социалистической демократии с акцентом на реформы избирательного права, повышение роли органов государственной власти.

При анализе указанных проблем следует обратить особое внимание на отношение к ним в разных слоях общества, на характер и уровень дискуссий в общеполитической и научной печати, на позиции руководящих деятелей соответствующих стран и партий.

4. Об авторитете КПСС и СССР. События в Чехословакии отрицательно сказались на авторитете нашей страны и партии. Это связано с тем, что в глазах широкой общественности, в глазах большинства коммунистов Советский Союз рассматривался (и, видимо, не без оснований) как сила, препятствующая обновлению руководства. Аналогичные ситуации могут возникать и в других странах. Но дело не только в отношении к руководству. Как известно, советская печать фактически ничего не пишет о тех преобразованиях, которые в той или иной степени осуществляются в социалистических государствах и которые воспринимаются там как прогрессивные. Этот факт рассматривается как молчаливое неодобрение происходящего и, следовательно, как поддержка тех сил и людей, которые тормозят начавшееся движение к более зрелым формам социалистического общества.

Все это еще и еще раз настоятельно требует тщательно разобраться в обстановке, определить и отчетливо выявить свое принципиальное отношение к действительно прогрессивным и назревшим преобразованиям. Это один из реальных путей повышения авторитета КПСС и СССР и усиления нашего влияния на процессы, происходящие в мировой системе социализма.

Таковы, на мой взгляд, главные и основные уроки, которые можно было бы извлечь из недавних событий в Чехословакии».

■

Во времена «культа личности» существовал такой анекдот. Идеологическая комиссия явилась в детский сад выяснить, ведется ли кампания по борьбе с космополитизмом. «А как же»,— говорит заведующий и ведет комиссию в спальню. Там через всю комнату протянут плакат: «Космополитизм — бяка».

Мне кажется, что на таком же уровне ведется борьба с бродящим по всей Восточной Европе (и у нас в том числе) призраком капитализма. Кроме того, что он — «бяка», других серьезных доказательств его вредности не приводится. Да их и мудрено сыскать: из наших же газет узнаем о положении в Южной Корее, Гонконге, странах Западной Европы, Северной Америки. Узнаем, откуда приходит к нам благотворительная помощь. Материалов для сравнения вполне достаточно. И незачем, краснея, употреблять иностранное слово «приватизация», когда есть адекватные свои слова — «передача в частные руки».

Только поэтапная приватизация дела не спасет. Землю крестьянам? А где крестьянин будет приобретать удобрения, комбикорма, необходимые инструменты, строительные материалы, вплоть до гвоздей? Кто окажет ему самые необходимые бытовые услуги?

Частные магазины? А где они возьмут товары? А производитель, который мог бы им продать товар, где он возьмет сырье? Опять у государства?

Не кажется ли вам, что постепенная приватизация похожа на пресловутую попытку преодолеть пропасть в два прыжка? И никакие призывы «прибавить в работе» дела не спасут. Экономисты говорят, что капитализм — саморегулирующая система.

Я помню, как вводился нэп. Без всякой постепенности.

Мандельштам тогда писал:

Ну что ж, попробуем: огромный, неуклюжий,
Скрипучий поворот руля.
Земля плывет. Мужайтесь, мужи.

Тогда опыта не было, теперь он есть, завещан предками. Так не взяться ли, благословясь, снова за руль? Не повернув его, не вытянем гибнущий корабль. Быть может, придется преодолеть рифы, водовороты, понести мучительные потери. Но времени у нас остается, может быть, не дни, а часы.

А. ПАЛЕЙ, писатель
Москва

■

Наша власть всегда обращалась с нами достаточно беспардонно, но формулировка вопроса для референдума о будущем СССР — это неприкрытое лукавство, которое понимает всякий думающий человек. Во-первых, нельзя требовать однозначного ответа на развернутый вопрос — это аксиома. Во-вторых, в самой формулировке вопроса есть противоречия и неопределенности, позволяющие трактовать его как угодно.

«Обновленная» федерация — что это? Никто не знает. «Федерация равных суверенных республик» — очевидный нонсенс, поскольку может быть либо федерация — суверенное государство, состоящее из самоуправляемых национальных или территориальных образований, либо союз суверенных государств по типу современной Западной Европы. Соединить то и другое невозможно, получается «жареный лед». Наконец, единственным характеристическим признаком «обновленной федерации суверенных...» выбрано равноправие наций. Вспомним, что этот принцип был зафиксирован во всех конституциях, включая ныне действующую. Если же упор делать на словах «будет обеспечено», то стоит задать вопрос: а как именно? Как в Вильнюсе?

Итак, под заманчивыми словами скрывается очень знакомое — за семьдесят три года были возможности узнать поближе — лицо. Таким образом, голосуя «за», мы голосуем за консервацию нынешнего тупикового пути. Не пора ли свернуть с него?

А. ЛАЗАРЧУК
Красноярск

■

Не так давно по телевидению был репортаж из Финляндии, в котором рассказывалось, что финны ставят памятники не только своим погибшим солдатам, но и их противникам. В истории России тоже есть такой пример — на Бородинском поле.

Я двенадцатилетним парнишкой с матерью попал в оккупацию. Было это под Ленинградом, в 41-м. Всякое повидал и всякое испытал. Но не быть бы нам с матерью живыми, если бы не один немец, пришедший ночью по лесу в ноябре 43-го к нам в землянку (деревни были у нас все выжжены) и предупредивший об облаве, которая должна была состояться на следующий день. До сих пор не знаю, откуда он знал место, где мы жили в лесу, но явно знал и, рискуя своей жизнью, предупредил. Они, четверо солдат, охраняли мост через речку Курею, что на шоссе Красные Струги — Новоселье. Той же ночью ушли все, кто поверил немцу, а кто не поверил, был расстрелян полицаями.

Теперь о главном. В Германии очень много людей, которые не знают, где сложили головы их отцы, братья, мужья. Пусть и не за правое дело, но я ведь говорю о солдатах...

И родные их, наверное, были бы благодарны, узнав места их захоронения.

Я живу во Мге. Это поселок в Ленинградской области — самый край знаменитых Синявинских болот. Я знаю три немецких кладбища, вернее, то, что от них осталось,— место и почти невидные бугорки (в 46-м еще сохранялись кресты).

Хочу, чтобы там, в Германии, узнали об этих кладбищах. Время теперь изменилось, и в ответ на протянутую руку помощи нашему содрогающемуся от смуты государству надо сделать доброе дело. Некоторые меня не поймут, но Бог с ними. Я жизнью обязан тому немцу, может, он еще жив.

И. ЕРМОЛАЕВ
Мга Ленинградской обл.

■

«Приказ № 83/12 Ирбитского Уездного Исполнительного Комитета по политико-просветительному Комитету. 10 сентября 1921 г.

За последнее время в городе семейные танцевальные вечера приняли эпидемический характер. Для устранения подобного рода явлений и для урегулирования вопроса с организацией разного рода спектаклей, концертов и вечеров предлагается принять к неуклонному исполнению следующее:

1. Все увеселительные вечера (както: семейные, общественные, ученические, интимные) должны быть заблаговременно зарегистрированы в Уполитпросвете с предоставлением программы увеселений.

В случае неудовлетворительности программы Уполитпросвет имеет право не разрешать таковые.

2. При регистрации представлять обязательно программу вечера-спектакля с точным указанием номеров и их исполнителей, а также ответственного распорядителя вечера, спектакля и помещения, где будет устраиваться таковой.

3. По получении разрешения к постановке того или иного спектакля или вечера от Уполитпросвета ответственный распорядитель обязан зарегистрировать о таковом явочным порядком в Полит-Бюро и в Уезд милиции.

4. Разрешений на постановку спектакля или вечера от Коменданта города брать не требуется.

5. Устройство танцевальных семейных вечеров, устраиваемых молодежью в частных домах, категорически воспрещается.

Уполитпросвет может разрешать только пластические и национальные танцы в редких случаях, доступных широким слоям населения, в клубах и нартеатре. Танцы: танго, кэк-уок, тустеп и т. п. безусловно не разрешать.

6. При несоблюдении этого приказа спектакли и вечера будут прикрываться, а ответственные распорядители их несут ответственность в административном порядке.

7. Начугормилиции на каждый спектакль или вечер высылать из числа свободных милиционеров караулы и иметь неослабное наблюдение за исполнением сего приказа в точности.

Предуисполкома Шадрин
Зав. Уполитпросвет Лихачев
Завлитуправ. Елизарьев
Секретарь Уисполкома Плотников».

Уважаемая редакция, высылаю вам копию приказа Ирбитского уисполкома как яркий пример регламентации жизни в начале двадцатых годов. Не дай Бог нам прийти сейчас к тому же!

А. ЕРЕМИН
Ирбит Свердловской обл.

■

Сейчас, когда Съездом народных депутатов РСФСР легализовано право частной собственности на землю, решено еще провести референдум по этому вопросу. Зачем?

Ведь признано, кажется, всеми — и правыми, и левыми, и центром,— что альтернативы рынку нет. Значит, нет альтернативы рынку капитала, рынку труда, рынку земли. А рынок земли бессмыслен без частной собственности на нее, без права собственника покупать и продавать землю.

Лично я считаю, что на предстоящем референдуме, если он состоится, большинство избирателей России выскажется за частную собственность на землю с правом купли-продажи. А если я ошибаюсь в своих прогнозах? Тогда поджимай ремешок: наша колхозно-совхозная нищета протянется еще на годы...

Поднятием рук или опусканием бюллетеней в урну нельзя ни утвердить, ни отбросить законы нормальной экономики, законы стоимости, законы рыночных отношений. Это то же самое, что проводить референдум по вопросу о том, всходить утром солнцу или не всходить.

И. КАШКЕТОВ,
дер. Печерская Буда
Смоленской обл.

■

Уважаемая редакция, обращается к вам бывшая гражданка СССР, а теперь государства Израиль, ваша постоянная подписчица до последнего дня в Союзе.

Я не изменница, я очень люблю свою родину, там у меня остались родственники и самые лучшие друзья. Кто знает, сумею ли я здесь, в Израиле, найти таких — для этого нужно время.

Я уехала, спасая детей от чернобыльской трагедии. В Союзе некуда было ехать, а потому пришлось решиться на этот крайний шаг.

И вот сейчас война в Персидском заливе. Сижу у телевизора, смотрю программу «Время» из Советского Союза и слышу, что моя родная страна сделала очень много, чтобы предотвратить войну. Но когда мы слышим по радио объявления о воздушной тревоге и о том, что Ирак бомбит нас ракетами советского производства, то становится не по себе.

Советское правительство, заботясь о том, чтобы пополнить карман валютой, не подумало, что это грозное оружие способно убивать людей. Говорят, что деньги не пахнут. Но они пахнут, и еще как. У тех, кто их зарабатывает честно, они пахнут потом, а такие деньги пахнут кровью.

А мы следим за тем, как американцы, англичане и другие бойцы антииракской коалиции стараются обнаружить и уничтожить ракетные установки, созданные руками советских специалистов.

И еще. Я вижу, как армия обороны Израиля защищает своих жителей. По ночам патрульные самолеты бороздят небо, по городу ездят военные и полицейские машины. По радио каждый час транслируются передачи на русском языке, поддерживающие нас, рассказывающие о военной обстановке. В газетах, по телевидению можно узнать, как пользоваться противогазом, как заклеить комнату в случае химической атаки. Объявления о воздушной тревоге — на всех языках...

И я вспоминаю, как в первые дни после аварии на Чернобыльской АЭС нас выгнали на демонстрацию с детьми. Мы ходили по улицам, слабели и не знали, что с нами...

С уважением к вам

София ГАМЕРНИК
Израиль

■

Мне бы хотелось заняться странным в наше время делом — восстановить доброе имя собаки. Я, довоенный мальчик, прекрасно помню, как популярные тогда погра-

ничник Карацупа и его собака воспевались в газетах, журналах и детских книжках. Благодаря им граница была на замке, а детям хотелось быть сразу и пограничником, и собакой.

Детская память самая крепкая, и можете мне поверить, что собаку Карацупы всегда звали Индус — и первую, и всех последующих. Это имя воспринималось совершенно нормально и без всяких изменений печаталось, в том числе и в «Огоньке». Но именно в «Огоньке» в период, когда Н. С. Хрущев и Н. А. Булганин впервые поехали с дружеским визитом в Индию, собака Индус вдруг стала Ингусом.

Когда меняли кличку собаки, то думали о том, как бы не оскорбить чувства индусов. Но ведь именно в Индии, как нигде, любят животных. И собака никого там не могла оскорбить.

Исказили имя знаменитой собаки люди, которым никогда не понять, что такое любовь собаки к хозяину и хозяина к собаке. А искаженное имя Ингус ровно ничего не значит, и мне очень обидно за бедного Индуса и его потомков. Давайте его реабилитируем, а?!

Все это написано к тому, что в номере 52 «Огонька» за прошлый год вскользь упомянута собака Ингус...

В. МАЕВСКИЙ,
спортивный журналист
Киев

■

В разных публикациях встречаются сведения о родственных связях Генриха Ягоды. Сведения, абсолютно не соответствующие действительности. Я не знаю, нужно ли кому-нибудь, чтобы я распутала этот клубок?

Отец Генриха Ягоды, Григорий Филиппович Ягода, был двоюродным братом отцу Якова Свердлова — Михаилу. У Григория Филипповича и Марии Григорьевны, урожденной Массинзон, было восемь детей. Пять дочерей — Эсфирь (моя мать), Роза, Тася, Фрида и Лиля. (Была еще Мина, умершая во младенчестве.) И три сына — Миша, Лева, Генрих. Вся семья жила в Нижнем Новгороде. Миша погиб во время сормовских событий, был зарублен казаками, а ему еще не минуло 16 лет. Лева был мобилизован в колчаковскую армию и расстрелян вместе с другими солдатами, отказавшимися идти расстреливать рабочих.

У Рыбакова в «Детях Арбата» и еще где-то говорится о Генрихе как об аптекаре. Никогда ни от мамы, ни от кого я об этом не слышала. Да и когда бы он успел стать аптекарем, если уже в 1915 году ушел на фронт? Он уходил из нашей квартиры на Долгоруковской (ул. Каляева), дом 36, кв. 51. Его собирала мама, а я стояла рядом и помню его в длинной шинели. После фронта он работал в Высшей военной инспекции вместе с Подвойским и моим отцом. А затем — работа в ЧК. Далее его биография известна. Что касается моего деда, отца Генриха, то он был часовым мастером.

Итак, разобравшись с сестрами и братьями, перейдем к племянникам.

В одной из публикаций я прочла, что Ягода подписал ордер на арест своей невестки. Ягода действительно подписал ордер на арест, но не «невестки», а племянницы Дины, моей старшей сестры. Почему-то пишут, что сын Ягоды пропал. А он не пропал, сейчас ему 61 год, и живет он в одном из городов в сутках езды от Москвы.

В некоторых воспоминаниях сказано, что Леопольд Авербах был женат на племяннице Ягоды. Ну а коль скоро этими племянницами в то время могли быть только я и моя сестра Дина, то мне уж доподлинно известно, кто были наши мужья. Так вот, Леопольд Авербах и Ида Авербах, жена Ягоды, были родными братом и сестрой. Они — дети Софьи Свердловой, по мужу Авербах, то есть племянники Якова Свердлова.

Может, кому-то эти сведения «генеалогического древа» Ягоды еще и понадобятся?

В. ЗНАМЕНСКАЯ
Москва

■

Если сравнивать уровень жизни при царе-батюшке и послереволюционный, то за пример можно взять хорошо изученную жизнь семьи Ульяновых.

Глава семьи, Илья Николаевич, служил инспектором народных училищ. Мать, Мария Александровна, растила и воспитывала шестерых детей: Александра, Марию, Анну, Ольгу, Владимира и Дмитрия.

Так сколько же должен был получать инспектор, чтобы содержать такую большую семью, снимать двухэтажный дом, где у каждого члена семьи была своя комната? К тому же надо взять во внимание обслугу.

О нынешнем уровне жизни говорить не приходится. Так зачем же большевики взяли власть в 17-м?

А. БЕБЯКОВ,
рядовой пенсионер
без всякого значения
Северодвинск

■

К вам обращается бывший алкоголик, лечащийся в ЛТП-1 гор. Бежецка Тверской обл. Дело в том, что подходит к концу мой срок пребывания, кончаются два года, которые я провел за забором без пользы для себя. Никакой медицинской помощи, никакого лечения здесь нет и в помине, медикаментов нет, даже таких, как валидол. Если в начале пребывания здесь меры к подавлению алкогольного влечения применялись, например, такие, при которых терял сознание и т. п., то сейчас на это нет ни препаратов, ни желания медицинского персонала что-то сделать.

В наше время, когда рынок отбирает наиболее предприимчивых и квалифицированных рабочих, нам, алкоголикам, не будет места под солнцем. Ведь не секрет, что после выхода отсюда мы получаем трудовую книжку с такой записью, от которой бледнеют работники отделов кадров.

Сейчас главное — выжить. Но найти свое место в жизни и приличному человеку трудно, а о нас, прошедших через ЛТП, и говорить нечего.

Н. МАЙОРОВ
Бежецк Тверской обл.

■

На днях на предприятии, где я работаю, «давали», то есть продавали, колбасу по 3 рубля за килограмм. Это напоминало игру в регби. Люди вырывались из толпы с горящими глазами, прижимая к груди куски колбасы.

Зрелище прегадкое и отвратительное. Я бы даже не пытался добыть колбасу, но был вынужден поневоле предпринять попытку. Дело в том, что на этом же предприятии работает моя жена, и она добывала-таки кусок. Она нередко говорит мне: «Я знаю: у вас в цеху давали сгущенку по три банки и конфеты по две коробки, а ты опять ничего не взял». Или: «А тебя опять облапошили».

И все-таки колбасы мне не досталось. Я не слабый. Занимался боксом. Нокаутировал 35 хулиганов. Несколько раз дрался против двоих и против троих. Один из побитых мною имел 2-й разряд по боксу и был значительно выше меня и тяжелее. В Амурском заливе есть остров Скребцова, до которого более двух километров. Я на него плавал туда и обратно в шторм. Причем обратно плыть было во много раз труднее. Ко мне подплывали на лодках, но я помощи не просил, несмотря на встречные волны.

Но чтобы добыть кусок колбасы, у меня не хватает ни мужества, ни силы, ни выносливости.

Сегодня жена на работе. Я отдыхаю. Колбаса — в холодильнике, но я к ней не притронусь.

Наверное, цены надо повышать, но в первую очередь на то, чего не хватает, и до такого предела, чтобы люди все-таки покупали.

И пусть икра будет по 50 рублей, а колбаса по 10. Продажа на предприятиях по дешевке превращает людей в зверей.

Если вдруг решите опубликовать мое письмо, то не называйте фамилию.

В. К.
Владивосток

■

Я обращаюсь к вам как к последней инстанции, так как другие обращения результатов не дали.

Выполняя просьбу гражданки Канады Анны Григорьевны Шустер (1900 г. р.), я пыталась разыскать ее пропавшего сына, увы, безуспешно...

Сын Анны Григорьевны Яков Аронович Шустер родился 21 августа 1926 года в Кутно (Польша), с 1927 по 1942 год жил в Куйбышеве, затем в Белебее Башкирской АССР. В 1943 году ушел в Красную Армию, служил радистом-телеграфистом штабной батареи 15-го артиллерийского полка 39-й стрелковой дивизии. Последнее письмо пришло в июле 1945 года.

В Центральном государственном архиве Советской Армии имеются сведения о том, что Яков Аронович Шустер служил в Советской Армии с 12 ноября 1943 года по 10 апреля 1950 года.

Более сорока лет мать безуспешно ищет своего сына, ведь в списках погибших или пропавших без вести он не значится. Если у вас, уважаемые товарищи, имеются какие-то сведения, пожалуйста, напишите Анне Григорьевне: N. Shuster 371 Ellerlie ave. Willowdale. Ontario Canada M2R 1B8.

Л. ОЧЕРЕТНЕР
Москва

■

Однажды, прочитав в «Правде» печально известную статью о Б. Ельцине, я взял квитанцию, написал на ней, что воспитываю троих детей, что хочу вырастить их порядочными людьми, и отослал в редакцию, сообщив, что отказываюсь от подписки. Жаль, что нельзя отправить квитанцию на телевидение. Руководство его не волнует, что миллионы людей каждую пятницу ждут «Взгляд». Лично я объявление об отмене «Взгляда» воспринял как сообщение о введении военного положения. Почему Кравченко считает, что ему все можно? Не потому ли, что за его спиной стоят более могущественные люди?

В фильме «Слуга» Хозяин говорит своему бывшему шоферу: «Ты верно угадываешь мои мысли, но каждый раз перебарщиваешь».

Я полагаю, товарищу Кравченко стоит над этим задуматься.

А. СЫСОЕВ
Нижний Тагил

■

Нет более покорного и терпеливого народа, чем россияне. Силу и строгость наш народ любит, особенно старшее поколение. И надо сказать, что нынешние советские люди более покорны и раболепны, чем их предки во времена крепостного права. Тогда крепостной крестьянин, которого пороли розгами на конюшне, чтил в качестве начальства помещика, исправника, старосту и попа. Но ни лавочника, ни полового в трактире, ни приказчика, ни шинкаря он начальством не считал. Наоборот, они все к нему относились с почтением, ибо им все равно было, кто к ним пришел: поротый крепостной или граф, ремесленник или банкир. Им нужны были все клиенты, независимо от принадлежности к сословиям. А уж после 1861 года им было и подавно все равно.

В царской России действовал главный принцип рыночной экономики: «покупатель — король, продавец — слуга». Купцы, лавочники, ремесленники знали, что они прогорят, если в их магазинах, ресторанах, лавках, мастерских, парикмахерских будут грубить и обсчитывать. Поэтому они очень быстро увольняли грубых и нечистых на руку. И давали такие характеристики, что трудно было устроиться на работу.

Современный же россиянин, помимо начальника на работе и участкового милиционера, подчинен еще и любому работнику нашего навязчивого сервиса. И многие считают, что так и должно быть. В нередкой перебранке клиенты всегда будут на стороне продавца, кассира, официанта. Спросите кого угодно, и вам скажут, что «все правильно, все так и должно быть — начальство есть начальство, и его надо уважать...» А то, что мы платим из своего кармана да еще за это позволяем себя унижать,— это в порядке вещей...

Д. ГУСЕВ
Москва

Юрий ЧЕРНИЧЕНКО

КРАСНЫЙ ОСТРОВ

Как я 500 га получал

I

Самым богатым землевладельцем послеоктябрьской России я пробыл полдня. В день моего выступления на II Съезд народных депутатов РСФСР пришла телеграмма, взбудоражившая и пресс-центр, и наэлектризованный депутатский корпус.

«Съезд срочная

Общее собрание колхозников Нижегородской области Сеченовского района решил как в порядке исключения выделить Черниченко 500 га земли безвозмездно на вечное пользование председатель колхоза делегат XXVIII съезда КПСС Айсин».

Странный русский язык списали на телеграф.

Хохот, хлопки по плечу, сарказм аграрной номенклатуры — и ядовитый интерес газетной братии: как, господин помещик, берешь, отказываешься?

Что это их так разобрало?

А примеряют на себя. Если ты лет двадцать отслужил на телеке демонстратором социальных моделей (вот как победивший колхозный строй свеклу мотыжит, вот как одну корову на четыре двора держат и т. д.), то и внезапное твое богатство станет объектом примерки: а мне бы сгодилось? Надо быть конченым мизантропом и нудьгой, чтобы препятствовать людям потешиться. Я воспитанно принимал поздравления.

Но что дело нечисто, сердце подсказало тотчас. «Общее собрание колхозников района» — такого, извините, не бывает. И органа такого нет, и просто здания нету в российском райцентре, чтобы вместить. Если бы дарил район, то и подписался бы кто-нибудь из районного начальства, а не один председатель колхоза. Да и колхоз *не может* подарить мне землю, как я, допустим, не могу подарить ему Останкинскую башню. И земля, и башня — средства нашего производства, владеет и *распоряжается* ими советская власть. В районе — Совет народных депутатов, серьезный хозяин это знает. А размер подарка? В тех местах нагрузка на колхозника не более 15 гектаров пашни. Значит, таинственный даритель наделял меня сразу тридцатью тремя нормами! Или моя скромная персона за годы всесоюзного спора приобрела в глазах председательского корпуса гулливерские размеры, или... Как оно бывало: «Ах, ты земли хотел? Так нá, нажрись!»

Скорее всего — *вызывают*. По-латыни «вызов» звучит просто: провокация. В словаре та «провокация» объяснена четко: «предательские действия, совершаемые агентами полиции и реакц. партий, направленные на дискредитацию и в конечном счете на разгром профессиональных, революционных организаций». Ясненько.

Но я толком и не знаю, кто таков Айсин — на кой ляд ему *вызывать* меня? Впрочем, с партконференции пошло, а на съездах КПСС и партии Полозкова закрепилось некое явление — блиц-диспут, свара, словесная мала куча, сразу не определишь. Председатели в перерывах узнавали кого-то из противников колхозной монополии (скажем, В. А. Тихонова или меня, грешного), с отвагой фагоцитов окружали и, сдерживая аргументы физические, внушали средствами аудио-видео: как же ты, такой-рассякой, против колхозной системы, если не был у меня? На асфальте живешь? Со мной не тягался — и не одолел? Дрянь всякую наблюдаешь и в строку суешь, а меня, демократа, умницу, любимого людьми, не изучил и не описал? Собственная личность тут бывала главным аргументом, как и несовершенство оппонента,— самым весомым доводом. Над схваткой обычно зависали три-четыре телекамеры Объединенной Европы, и лучшим выходом для себя я признал опускаться на корточки и промеж чьих-то джинсов давать дёру. Минут через пять ярость обнаруживала пропажу, и толпа красных мужчин с криками: «Сбежал! Держи! Вон он!» — устремлялась то ли на эскалаторы, то ли в белизну кремлевских писсуаров.

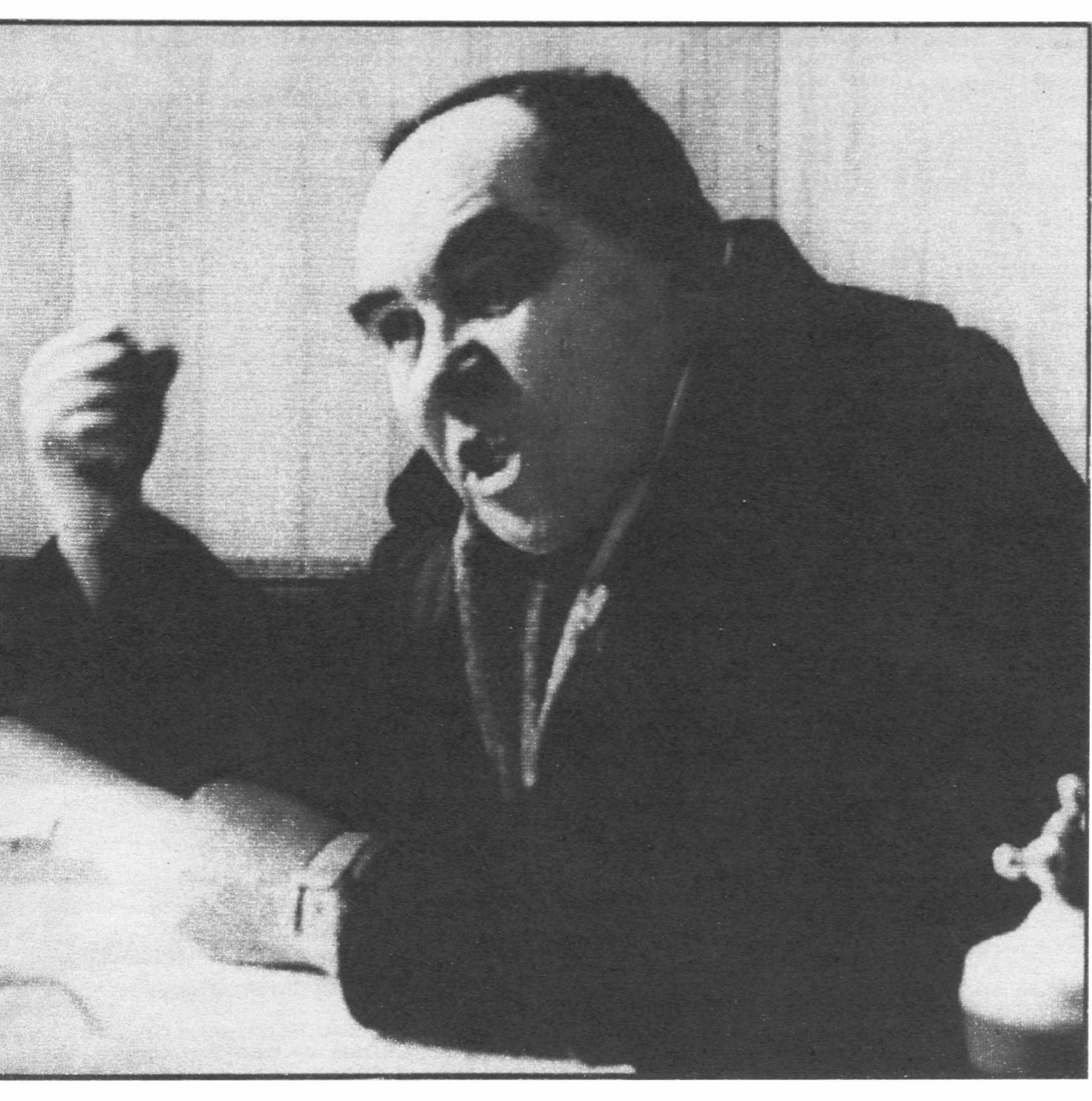
Среди таких энергоносителей был, помнится, кто-то с Волги, не то чуваш, не то татарин, простотой в полковника Петрушенко, а по фамилии... Ну да, Айсин. Выходит, он и дал телеграмму. Если бы кто использовал его имя — не было бы путаницы в грамматических родах («собрание... решил»). Нет, никто не правил. Сам, лично — от имени всего района! Ловец человеков...

Сказка меж тем сказывалась, и следующим утром я был предупрежден об опасности. Человек «из аппарата», назвать его не могу, отыскал меня и, не глядя, в одно касание, всучил вторую депешу — тоже с красным правительственным ярлыком.

«Срочная Москва ЦК КП РСФСР

Труженики колхоза Красноостровский Нижегородской обл Сеченовского района возмущены тем что

Сахарова в первый этаж громадного дома, где рядом шалман с пивом, и все, значит, видят, судачат... Нормально!

А реанимировали древнее имя — жуть взяла. Бросьте, разве ж это Нижний Новгород? Главный торг России? Встреча Европы с Азией? «И всюду меркантильный дух», веселивший болдинского жителя? Всероссийская торгово-промышленная и художественная выставка, миллиардные обороты — товары со всего света, включая и первый русский автомобиль, и паровозы Сормова, и всегдашнюю стерлядь, белугу, севрюгу, икру зернистую, паюсную, свежепробойную, даже окорок тамбовский, которого не будет знать советский предсовмин? Как же не быть меркантильным, если и первый гражданин Козьма Минин — *говядарь*, торговец мясом! Патриотизм и рыночное мышление в сфере пищепрома — не антагонисты, но близнецы-братья.

«Карман России» — ладно, но и культурная жизнь — любой столице впору! Короленко и Шаляпин, Мельников-Печерский и великий фотограф Карелин, театры, опера и Максим Горький... Само имя — как раскатистый пароходный гудок: Ни-ижни-и-ий...

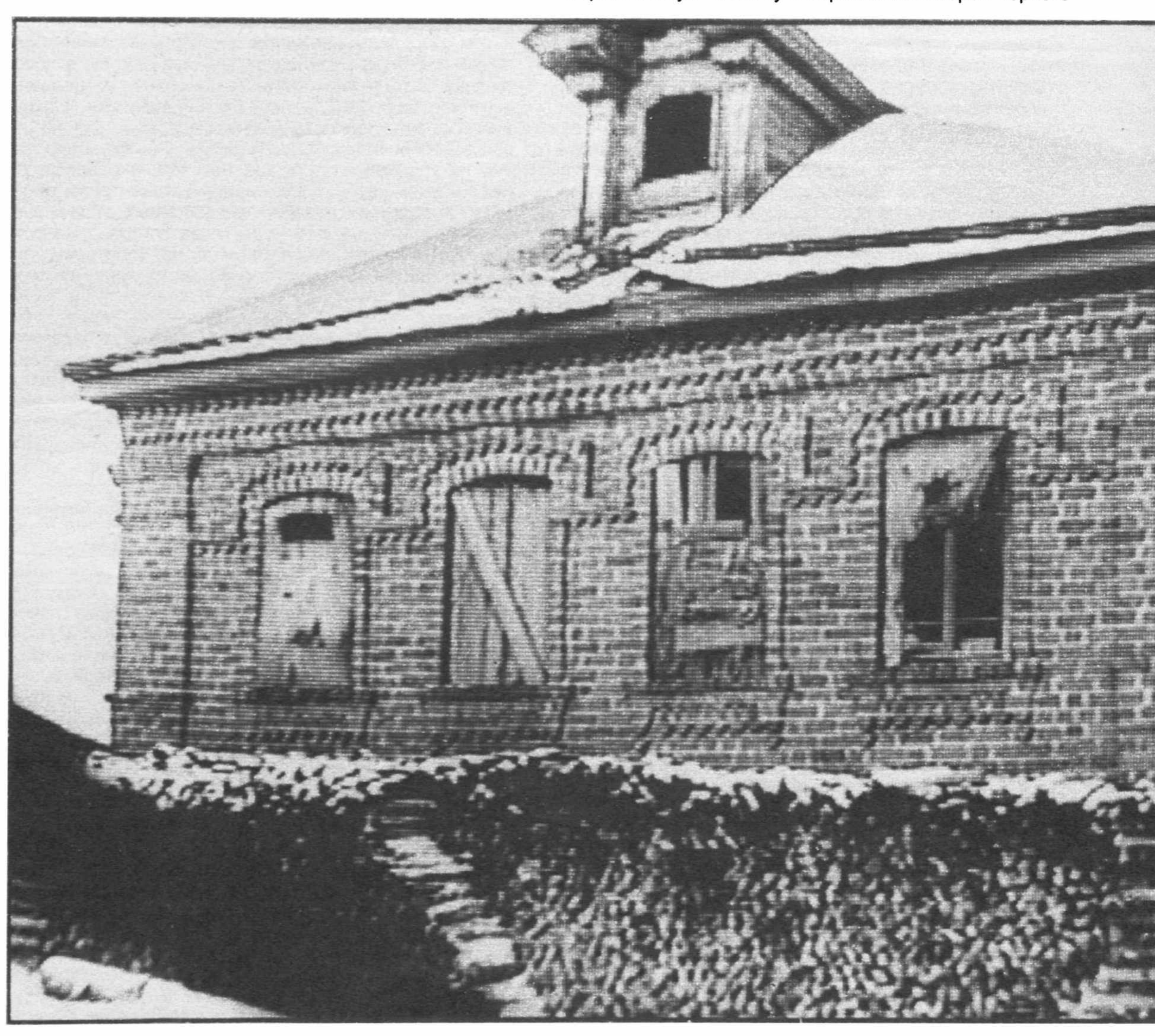
Когда ныне стоишь на Гребешке лицом на Оку, когда из кремля, за шинельками мерзнущих детей-часовых, видишь угрюмые безлюдные останки ярмарки, родовая память взыскивает с тебя за все. За толкотню барж на стрелке — кому что мешало? За пестроту павильонов, за зримое перепроизводство товаров по сравнению с выпуском треклятых виттевских империалов — и ихнее тогдашнее ощущение удали и могущества... От *торга* идут *торжество, торжественный*. Торговать — значит праздновать.

Зачем же так сразу? Был Горький — можно было переименовать в Бедный. Или в Голодный. Были ж и такие мастера пера...

«Хлеб наш насущный даждь нам днесь» — не следует понимать буквально! Да — но не только! Не исключительно! Отчего, скажите на милость, хорошая снедь понимается в СССР как материя если не взрывная, так разоружающая, аполитичная наверняка? Ведь правда же, нежная розоватая сельдь — залом, тугой и сочный крымский кандиль, осетровое полено, шашлык по-карски и те же шаланды, полные кефали, для вас и меня есть или принадлежность нэпа, времени смешного и жалкого, как Паниковский и Балаганов, или гнусная вылазка социал-предателей, идейный соблазн?

Не говорите, что все указанное выше, добавляя к нему и массандровский мускат, и твиши, снатку, сырокопченую колбасу с вкраплением зерен черного

Кадры из телефильма, снятого оператором Р. Карменом (независимая киностудия «Камера» Союза кинематографистов СССР)
Фото Ю. ФЕДОРОВА

принимается закон о земле не посоветовавшись с народом земля принадлежит народу требуем провести всенародный референдум председатель колхоза делегат XXVIII съезда КПСС Айсин».

«Судьба Онегина хранила...» Телеграммы поданы с разрывом в 28 минут. Значит, храбрец и получаса не вытерпел! «Вы там не подумайте чего, я свой, пароль — «референдум», у меня военная хитрость, заманить противника...»

А «противнику» тяжелей всего было не засветиться! О люди, порождение крокодилов, ваши поцелуи — кинжалы в грудь, у вас одни и те же *труженики колхозов* выступают и ярыми сторонниками, и лютыми противниками реформы! И т. д., и т. п.

Кончай базар. Раз в этой социальной сказке тебе доверена некая роль, даже амулет выдан, спасающий от капкана зла, то ты просто обязан действовать согласно сюжету — и завершить дело победой над коварством. Хотя бы в воскресной телепередаче «Сельский час»! «Молчи, скрывайся и таи», чего бы это южной болтливой натуре ни стоило.

Но нет, не вытерпел бы я целых полтора месяца, если бы не два обстоятельства.

Первое — переименование Горького.

Казалось бы, мне-то что? Да хоть горшком... Ан нет: пока стоял на слиянии Волги с Окой Горький, все было терпимо. И стекла, не мытые кое-где с нэпа, и психопатия бездельного стояния у магазинов при отсутствии изделий и рабочих рук, и ссылка

перца, реабилитировано и почти воспето в «Книге о вкусной и здоровой пище» с цитатой из товарища Сталина на первой странице — книге-разрешении, почти рекомендации рабочим, колхозникам и советской интеллигенции вкушать по достатку и не чураться утех плоти.

Нет, нормой в нашем генетическом коде остается все же барачная элементарность, *жизнепригодность* пищи («жила бы страна родная...») и строгая секретность меню — секретность, идущая тотчас за качеством вооружения. Что ем — не выдам! Это Державину, Пушкину, Гоголю был досуг упражняться в описании гурманств — на Булгакове кулинарное знание кончилось! Советская беллетристика — одеяло, под которым жуют тайно. Иной раз дойдешь до мысли: а определяет ли бытие сознание? Материалисты ли мы еще?

Так вот. Ходить голодным по вновь учреждаемой ярмарке дико и неэффективно. Что́ бы ни калякали о загадочности славянской души, а стол все проясняет.

Лосось малосольный, янтарный, распластанный на блюде у самого входа в трактир; очевидная индейка с устремленными вверх культяшками, прошедшая горнило духовки; пармский окорок, фиолетовый на срезе, выдержанный на чердачных сквозняках до пряной зрелости; сыр пармезан, король Средиземноморья, требующий ровно сорок литров молока на каждый золотой свой килограмм и абсолютно необходимый к макаронам из твердых пшениц; да наш пошехонский сыр, пахнущий таким разнотравьем, что приходит на ум весь репертуар Зыкиной, или просто свиной филей, по-белорусски — павенглица, приготовленный без торопливости в как бы домашней коптильне на осиновых опилках, или рыба сиг из Ладоги, рыба со спинкой почти льдистой, почти прозрачной от жира, или тот же грибок боровик, маринованный или жаренный пластами белый гриб, будь он неладен,— мы его считаем насквозь русским, ибо швед да финн толку в нем будто не видят, а он фактически переметнулся в Объединенную Европу, натурализовался и скоро в тысячах ресторанов пойдет за новую монету «экю» — все это разгадки мнимых потемок российской души, элементы гуманизма, Ренессанса, и, может быть, они быстрей расположат к новому Новгороду, чем загадочная терпеливость отроков и отроковиц в шинелях у Вечного огня в январе на волжском откосе.

Черная картошка будет — в это мы верим. И качество «насущного» тоже достигнуто — в нижнем его пределе. Надо ж и в другую сторону. Имея в виду не рынок даже — ярмарку! Раз нарождается, попросит есть. И у меня на примете есть человек, готовый прикрыть мясную сторону проблемы. Это Николай Романов — довольный, в отличие от венчанного тезки удачливый человек. Лично мне кажется — единственный, кому на Руси жить хорошо. Разошлись с директором совхоза, как в море корабли, а теперь ушел и из челюстей заготконтор: сбывает свинину просто на рынке. Не дали построить путный свинарник — вырыл траншею двадцать на четыре, поросята веселые, привес, как на дрожжах. Не нарадуется на жену, на троих ребят, рюмку оставил в прежнем существовании, а теперь «видик» приобрел, фильмы гоняет, даже картины рисует — лебедей, красавиц, цветы. Пришли к нему трое рэкетиров — Романов с деревенской прямотой угостил их так, что сам потом отправился к участковому: сдаваться. Страж мудро решил: «Ожидать заявления». Ждут по сей день, значит — консенсус достигнут. Из родных, кто побогаче, оставил город, уже строится рядом с ним. Чего желать?

— Земли! Земли!

Все в области Нижегородской знают фермершу Тимофееву. Из тех ладных женщин, что коня на скаку остановят и т. д., она вроде бы желанна и заведующим социальной жизнью для процента и демонстрации на случай спроса. А она на своем хуторе буквально сушит сухари. Нижет куски хлеба и натягивает шнуры под потолком над печью. Во-первых, хлеба ей в сельпо не продают. Инородное тело! И двое детей, и муж, и скотина всякая во дворе, и лошадь, и техника — все это в сумме *инородное тело* в здоровом организме государственной экономики, отбрасывающей коньки. Затем — никак не сдать откормленных свиней, заготконтора план выполнила, значит — финансовая блокада. Тоже рэкет кругом, но такой, которому жердь из забора не страшна.

— Земли, своей земли и независимости!

Проклятая ситуация, когда земли́ людям не дают одни, а отвечать (письменно) приходится другим.

«В 1958 году я был изгнан из Московского института цветных металлов как неблагонадежный. Дед по отцу был царским полковником. То ли он не принял революции, то ли она его не приняла, но — пропал без следа. Дед по матери — православный священник. Арестован в 1934 году. Похоронен неизвестно где. Отец и мать — горные инженеры. Мать погибла в шахте, отец умер. Мне 55, женат, двое сыновей в армии.

Я очень люблю землю и хочу работать на земле. Хочу быть фермером, получить землю не могу. Неужели мне и моим детям для того, чтобы свободно трудиться и свободно жить, нужно бежать в Америку, Австралию, Канаду или к черту на кулички? Ведь наши предки и мы — самые преданные люди России, и она всегда на нас может положиться. Мы не продадим и не предадим. Помогите же в конце концов получить землю для работы!

Кечиев Виктор Павлович
Алмалык, Ташкентская область».

Когда третий год ты слушаешь казенную рапсодию «Где вы видали крестьянина», а писем, подобных этому, сотни и сотни, когда телефон день и ночь со всех удалений — «земли, земли!», то уже ни охоты, ни права нет отвечать, что ты — такой же изгой в своей стране, как любой прочий, что ни шиша за душой у тебя нет, кроме упований,— и начинаешь верить в везение, «пруху», обыкновенное счастье. Вдруг да упадут тебе с неба пятьсот га земли, и ты вместо извивов, вранья и утешений заорешь в трубку:

— Приезжай! Бросай все, в аэропорт — и сюда! Есть чернозем. Конкурс будет, не дрейфишь? Ребята подбираются — зубры. Ну, давай, жду!

Гасить страсти, кормить юридическими завтраками — значит, служить буфером при председательском Агрогулаге. Работенка гадкая морально и материально. Куда слаще бегать регистрировать ассоциацию фермеров «Пролетарский гудок» или крестьянский кооператив «Смерть империализму!».

Я не делал тайны из этих своих желаний, и «Московские новости», орган изощренный, отозвались с усмешкой:

— *Пармский окорок от Черниченко!*

А простецкая «Земля нижегородская» реагировала в классовом ключе:

— *Вот приедет Юрий...*

II

Село зовется Красный Остров. Территория — пять тысяч пахотных га, население — семьсот работников, занятие населения — выполнение планов и самопрокорм, форма правления — Айсин. Достиг он высшей власти тринадцать лет назад, но шел к ней (боюсь, не безгрешно) всю жизнь: зампред, сельсовет, главный агрономом, парторг.

Пыльца иных мировоззрений оседает теперь на депутатах-аграриях: австрийским костюмом, финской обувкой или впечатлением от страны Голландии. Айсин прост, как «Правда». Принадлежит он к тем счастливым натурам, у которых источник бед, помех и сложностей всегда вне его самого, а абсолютная истина настигнута и покорена. У Щедрина этот тип шел как «умница» и «красавчик», Гоголь же — за неуклонность критики всех тех, кто не ты сам,— обозвал его Собакевичем. Обыкновенно таким натурам живется лучше, чем тем, кто зависит от них. Скажем круче: определенный эгоцентризм таких натур и породил, наверно, в зависимых от них русскую идиому: «бежать куда глаза глядят». Но остров есть остров, да и пишу я не собственно об Айсине Загиде Самиулловиче, но о типе русской жизни.

Говорю: прост... Ему и в голову не придет, что даже при нашей юриспруденции его могут привлечь за разбазаривание колхозного имущества (все-таки 500 га!), что выказанное им двоедушие в телеграфной игре есть причинение тому же Красному Острову морального ущерба. Не то чтобы Айсин остановился где-то на уровне комбеда. Нет, он эволюционирует: и мечеть построил, раз вышла такая концепция (в колхозе много татар), и подряд провозгласил. Но правовое правление на Острове еще подчас уступает инерции диктатуры.

Чтоб не оставалось сомнений... Доктор Федоров — капиталист. Сшибает миллионы с эмиратов, а нижегородского мужика оперировать не станет. Академик Тихонов охаял колхозный строй и тем подтолкнул его к развалу. Горбачев развалил партийное руководство, а ничего путного не сделал (Айсин критикует только Генерального секретаря, на съезде партии голосовал «против»; Президента же, было подчеркнуто, не оценивает). Нужно вернуться к 1985 году, нужен Андропов, чтоб навести дисциплину и подтянуть производительность труда! Демократы — с ними дело настолько дрянь, что я не решаюсь даже передать выражений.

И не вините меня в доносе: Загид Самиуллович как раз хотел все это высказать по телевидению, настаивая, что процентов 80 председателей так же думают, как он! Вы сейчас спро́сите, на кой же черт тогда было обещать телекомментатору полтыщи га, а я отвечу: для этого самого! Чтоб облегчить душу. Иметь телевидение с доставкой на дом. Себя посмотреть, людей обозвать. Без подарка они ж не приедут. Но это, согласимся, наружное. Внутренняя мотивация — Красный Остров, по прямому слову Айсина, достиг в развитии пика и теперь идет на спад. В кризисе виновны не колхоз как система и тем более не Айсин как форма правления, но оба: и Горбачев, и Ельцин.

Ельцин виноват в предоставлении ранних пенсий и близком уходе от Айсина пятидесяти доярок и такого же числа трактористов. Кроме того — порочные и прямо предательские законы о земле. Горбачев разумен в блокировке ельцинских заносов референдумом, но и тут изъян: к опросу никак нельзя допускать население городов — Москвы, Новгорода и вообще всех, кто не состоит в колхозной системе! Айсин не говорит прямо — «спросите меня, и дело с концом», но явно выражает тенденцию к островному, скажем так, референдуму. Голосовал бы один архипелаг, достаточно. Возможно, он читает в сердцах и тех 80 процентов, и самих проектировщиков опроса.

Горбачев виноват во всем остальном (как генсек, повторим: Президента Айсин предусмотрительно не касается). В заваривании каши!

Если без натужного юмора, то Айсин обобщенный, Айсин более откровенный, чем все Стародубцевы вместе, предупреждает вас, что колхозы пик прошли, катятся с горы и ожидать от них при таких экономических отношениях с государством *нечего*! Для того и вызывается посол инакомыслящей структуры: «Объявляю вам, что вы довели общество до беды — вам и отвечать перед ним».

Нет, никакой потери власти еще нет. Это в райцентре райком ушел за ширму — в колхозе парторг за ширмой и состоял. Импульсы из «Белого дома» РСФСР слабы, с элементами помех уже на выходе — и пространственную толщу до области, до райцентра почти не пробивают. Если и пробьют, то будут уловлены приемниками айсинского исповедания, расшифруют сигналы по-своему. К моему приезду в Красный Остров был, спасибо, предусмотрительно прислан областной землемер В. Баранов, чтоб не держать ТВ в недоумении. Пашенных га в Нижегородской области — 2160 тысяч, из них уже отобраны для внекомандного земледелия... 16 тысяч. Веселись, мужичина. Много это или мало? По данным АПО, в Сеченове из 76 тысяч га его минимум треть пашни подходит к отводу в фонд запаса и разделения, значит, меж жаждущими внеостровной жизни. Тут три года подряд собирают на 20 процентов меньше, чем средний урожай. Значит, отбирать в черный передел можно.

Можно — но не *нужно*. Не обязательно. И — некому. Как лошадь нельзя пристрастить к говядине, так выдержанного в аппаратном растворе служилого человека нельзя приучить охотно и по своей воле ограничивать Айсина, отреза́ть какие-то доли его власти. Абсолютная власть над островом теряется с потерей любой части острова, где провозгласят независимость от монарха. Айсину это дано скорее в ощущениях, но своевременно, даже с опережением политической реальности. Нет органа реформы, способного взыскать, наказать, потребовать. Едва ли не главная строка ельцинского блока законов, строка, сто́ящая всей столыпинской реформы, строка о том, что *согласия трудового коллектива не требуется* для ухода из колхозной структуры, не овладела массами и... не стала материальной силой. По Айсину, и ныне будут семьсот против одного, т. е. все население острова, за которое дает телеграммы он, встанет против одного пловца в океане — и побег почти исключен.

Если бы я поверил первой телеграмме и стал бы стучаться в районные двери — кто б мне открыл? Посредника нет. Нет посредника между Айсиным и вольным хлебопашцем, а без него все суета сует: в бюрократическом государстве и для благого дела нужен чиновник. Кто, гордец, не снимет шапки в Сеченове перед делегатом XXVIII съезда — и кто, безумец, пойдет навстречу авантюристу из сомнительных иных укладов? Оставь надежды, чудак-человек. Без принципа «за ушко да на солнышко» никакой землемер и среди черноземного моря не найдет островка для конкурента Айсину.

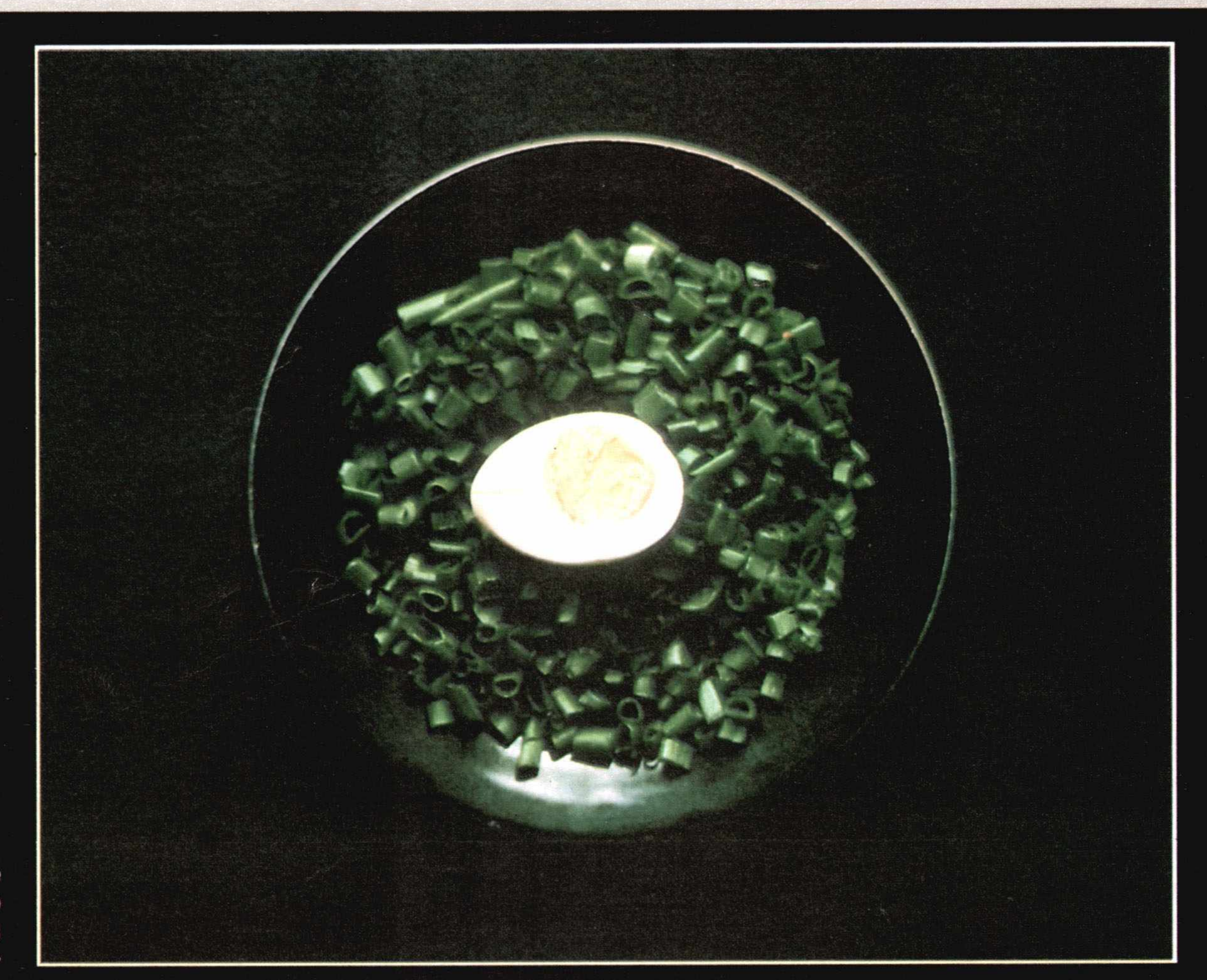
Но парадокс в том, что землю Айсин давал! Или согласен был бы дать, если бы я согласился на два условия. Пахать одинаково с ним (равенства технологии, машин, возделываемых культур) и привлекать тех, кому он позволит платить сколько острову не вредно. Всего два условия — а вышел бы еще один колхоз! Видимо, диалектику Айсин учил все-таки по Гегелю: «Все действительное разумно, все разумное действительно».

Не смогу я, уважаемый Загид-ага, пользоваться такой же, как у вас, техникой, потому что она оставляет на полосе до четверти урожая, вон у вас и зерновые ушли частью под зиму,— а мне это смерть. Вам миллиарды списывают, а тут — кредиты отдай! Уж не взыщите, а я буду всячески изворачиваться, чтобы заполучить гэдээровский комбайн

Окончание на стр. 24.

ФОТОВЕРНИСАЖ

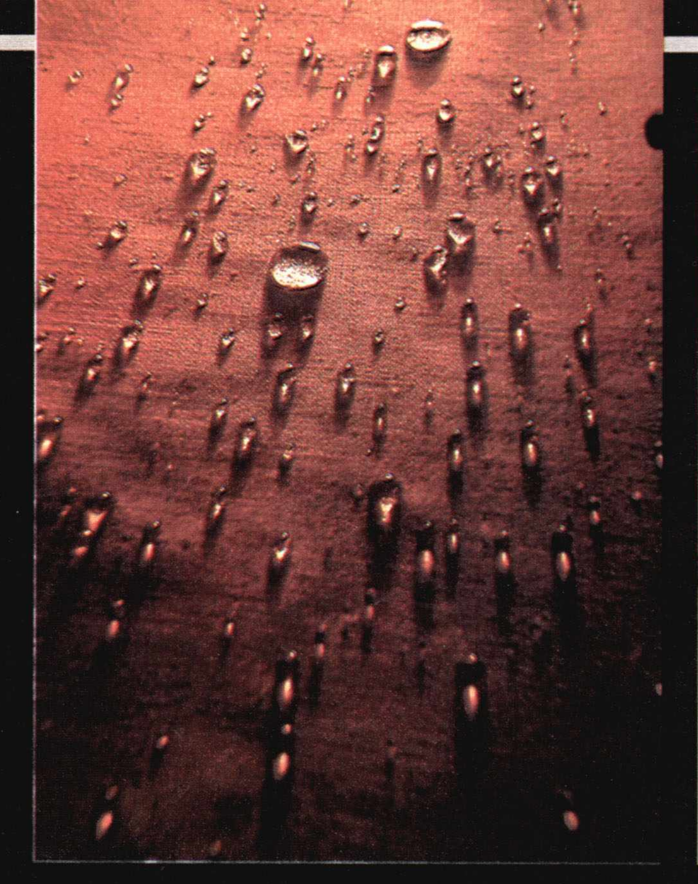
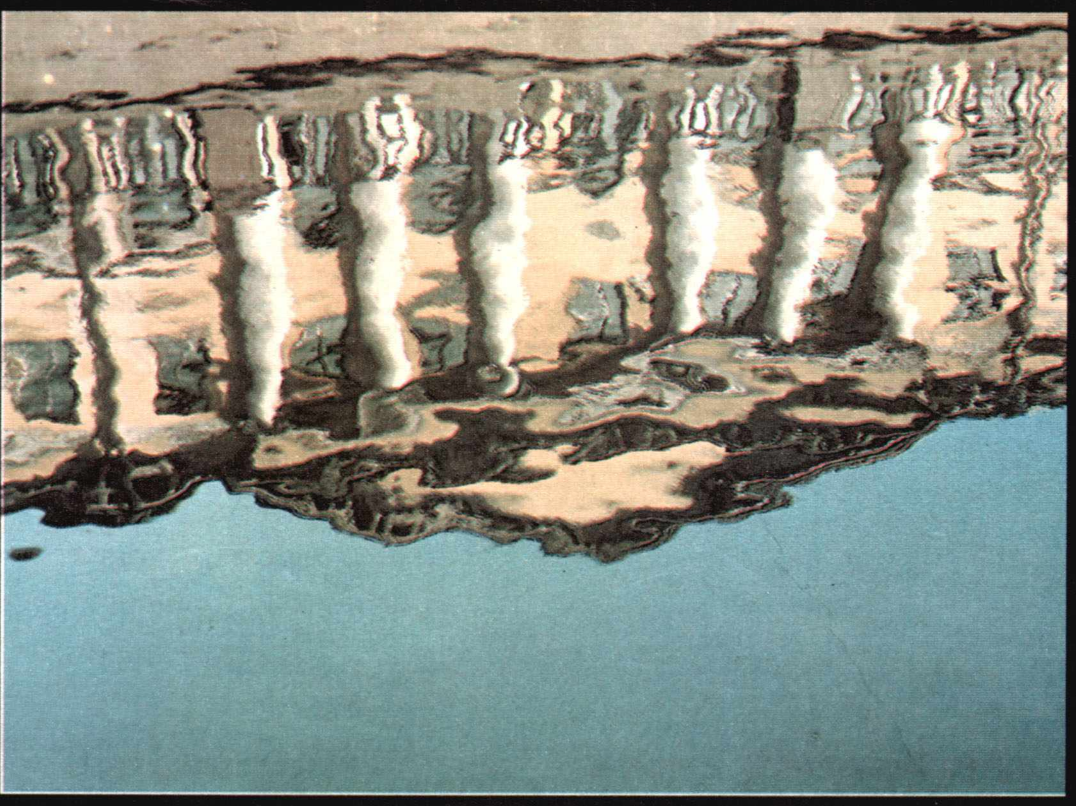

ДУШЕВНОЕ ЦЕЛОЕ

Фотохудожник Яков Шубин долгие годы заведовал литературной частью Запорожского театра кукол, написал множество песен для спектаклей и сти-

хов. Что не случайно — ведь и светопись Шубина так же поэтична.

Его работы прежде всего просто красивы. Рискну сказать, что уже одно это делает честь фотохудожнику, который, не мудрствуя лукаво, не играя в интеллектуальные игры, задался целью показать в своих слайдах мир краше, чем мы его видим в суматохе обыденной жизни.

И все же есть в этих картинах и скрытая идея — поиск гармонии природного и человеческого, рукотворного и нерукотворного, одушевленного и находящегося в вечном покое. Объекты в кадре какой-то неведомой силой направляют свое движение к центру, дабы уравновесить, успокоить этот непростой и тревожный мир, соединить составляющие его в единое душевное целое.

Михаил ЛЕОНТЬЕВ

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЦЕЛИ

Сергей АНДРЕЕВ

Идет война законов, битва бюджетов. Верховные Советы работают так, будто не граждане одной страны выбирали своих депутатов, а враждующие племена; экономика разваливается на глазах, и целые социальные слои оказываются жертвами кризиса. Сквозь все это железным тараном прокладывает себе дорогу аппаратный вариант нашего будущего, и логика такого варианта просматривается однозначно: глушить любые проявления свободолюбия, касается ли дело народнохозяйственной сферы или общественной жизни. Чтобы — властвовать.

Пока экономисты ломают головы над оптимальными моделями, а политики скрещивают шпаги вокруг проектов законов (многие из которых устаревают уже к моменту принятия), административная система шаг за шагом реализует собственную программу, делая всех нас своими заложниками. Существуют ли силы, опираясь на которые можно противостоять чудовищному натиску бюрократии, уже разрушившему перестройку, превратившему ее в миф, в очередную нереализованную мечту,— противостоять, чтобы все-таки повернуть вектор общественного развития в будущее, а не в прошлое?

Попробуем в этом разобраться.

* * *

Наше время характеризуется резкой поляризацией сил — в политике, экономике, общественной жизни. Фактически речь идет о принципах управления: либо это жесткие командные методы «сверху», либо инициатива «снизу», регулируемая лишь некоторыми регламентирующими правилами. Любые другие вопросы сводятся к этим. Соответственно опорой административному варианту служат (в условиях отсутствия рынка) те управленческие структуры, которые несут на себе функцию распределения — сырья, заказов, финансовых средств. Политическим представительством таких структур выступает аппарат КПСС (при потворстве рядового состава членов компартии), а в законодательной сфере, органах Советской власти — подавляющее большинство хозяйственных руководителей, избранных туда вкупе с представителями командных чинов армии, КГБ и т. д. Подобная оккупация идеологической, народнохозяйственной и государственной сферы со стороны командной системы, какой бы критике ни подвергались ее вожди и функционеры, позволяет ей держать общество в подчиненном положении сколь угодно долго.

В самом общем плане существует оппозиция, которая на всех уровнях могла бы оказать сопротивление бюрократии — при наличии определенных условий. В экономике нарождаются альтернативные формы деятельности, не зависящие от административных структур. На политической арене появляются зачатки новых партий. Наконец, под давлением общественного мнения принимаются законы (в основном на уровне республик), позволяющие предприятиям работать в режиме здравого смысла и выгоды в отличие от того, что было до сих пор.

Однако обрести истинный размах все это может лишь в том случае, если будет создана серьезная общественная сила, позволяющая принимать необходимые государственные решения, менять состав правительства, вводить те или иные правила, регулирующие народнохозяйственную деятельность,— и все это в интересах людей, а не бюрократии. О путях формирования такой силы, о состоянии дел на сегодняшний день и пойдет у нас разговор.

Для начала разберемся, какие политические течения созданы в стране и в какой степени они определяют общественную жизнь.

Еще два года назад по мере того, как крепли демократические тенденции, но крепло и сопротивление им, мелкие, сходные по ориентации группы начали сливаться в блоки и движения. С одной стороны, создавались Народные фронты, с другой — объединения типа Фронта трудящихся или общества «Память».

Политизация населения возрастала пропорционально ухудшающемуся положению в экономике. Народные фронты в городах России, например, подошли к фазе взаимодействия на уровне республики, однако в конце концов оказались не готовы к образованию даже крупных межгородских ассоциаций (хотя такие попытки и были сделаны, в частности, в Ленинграде). Нечто подобное предпринял и Объединенный фронт трудящихся: его акция с приглашением представителей двух десятков городов и прибалтийских лидеров интердвижения носила достаточно формальный характер.

Однако потребность в направленных политических действиях, поднятая на новый уровень, потребность населения выразить себя активно привела к тому, что начали создаваться прообразы новых всесоюзных партий. Процессу способствовала отмена монопольного присутствия КПСС в статье шестой Конституции СССР.

В дальнейшем создание таких партий стало основной тенденцией общественного развития, не считая рабочего движения, о котором у нас состоится отдельный разговор. Оставим сейчас в стороне менее выраженные проявления, типа создания полупрофессиональных-полуполитических формирований (Союз независимых экономистов; Ассоциация науки, культуры и права и т. п.). Не станем затрагивать и деятельность всевозможных фронтов, чья роль для демократии постепенно начнет определяться следующим: смогут ли они стать блоком организаций левоцентристской направленности и избавиться от национализма — там, где это доминирует. Будем говорить о партиях. А поскольку создавались они, как правило, «под идею», то проверим на прочность идеи, которые выдвинуло время: способны ли они объединить сограждан? В какой степени отражают потребности общества? Есть ли за всем этим в конце концов перспектива?

Для того, чтобы консолидировать людей ради какой-то цели, необходим короткий лозунг, который затрагивал бы и головы, и сердца, и желудки сограждан одновременно. Который — продолжим мысль — объединял бы всех в борьбе за понятную большинству задачу понятными же средствами, с выраженным результатом в конце, а результат этот должен был бы сказаться на содержании кошелька. Во всех остальных случаях дело повисает в воздухе. Поскольку поиск такого объединяющего стимула шел практически вслепую, без серьезных теоретических разработок, при отсутствии ярко выраженных лидеров общественного толка, постольку неизбежно на правах старшинства стала набирать силу идея социал-демократии, представительницы «мягкой» формы философии действия.

Как предтеча появления новой партии в январе 1990 года состоялся учредительный съезд социал-демократической ассоциации (СДА). Одна из главных задач СДА вырисовалась сразу: получить парламентское представительство. Группа из ста депутатов согласно регламенту могла представлять в Верховном Совете и на съезде реальную силу.

Возник вопрос о том, в каком виде СДА представляет будущее страны. Интересно, что своей задачей ассоциация видела построение социализма, а не реставрацию капитализма, при условии объединения лучших черт того и другого общества. Какие это черты и как их «объединить», социал-демократы, однако, умалчивали. Еще одной отличительной чертой форума стала установка на взаимодействие в рамках СДА всех без разбора сил — либерального ли толка, социалистических ли демократов, или демократических коммунистов. Безусловно, тезис оказался привлекателен — настолько, что уже в феврале 1990 года о своем желании участвовать в СДА заявило более 160 организаций из 100 городов Союза, и рост рядов продолжался. В-третьих, социал-демократия не ставила себе задачи возглавить рабочее движение, рассчитывая, что рабочие самостоятельно придут к выводу о необходимости союза с интеллигенцией (составляющей социальную базу СДА).

Ориентация же, повторимся, шла на парламентскую и муниципальную деятельность. То есть на вхождение членов организации в те или иные органы власти и расширение своего влияния именно там. Там, а не в массах! Участие в избирательных кампаниях, связь с народными депутатами и воздействие на них, разработка в кружках и семинарах законов и программ...— все это взято из установок СДА.

Очень мило, конечно. Да, действительно, как указывается в программных документах ассоциации, за более чем столетнее свое существование социал-демократия нигде не повлекла за собой диктатуры, не прибегла к насилию или однопартийности. Зато неоднократно была этой диктатурой раздавлена, и пролитая после этого кровь пала в том числе и на умные и интеллигентные головы социал-демократов: и в Германии времен Гитлера, и в России времен тоталитаризма. Неспособность сопротивляться оголтелому фашизму заложена в самой сути социал-демократии, поскольку фашизм опирается на темные, звериные инстинкты масс, а интеллигенция — на общие рассуждения о справедливости, которые требуют достаточно высокого уровня — не личностного даже, а общественного — сознания. Пока что такой уровень достигнут в мире на нескольких благодатных островах среди хаоса стихий, и рассчитывать, что социал-демократическая идея окажется цементирующей для сегодняшней России,— иллюзия. Понятно, почему у СДА ориентация идет именно на парламентскую форму работы: «простой народ» нужно еще очень долго просвещать, прежде чем он осознает главенство справедливости высокого порядка над позывами спалить дом соседа только потому, что он на пол-этажа выше.

И в ответ на здравые высказывания некоторых членов СДА о том, что без реальной смычки с интеллигенцией рабочее движение обречено,— в ответ на такие высказывания можно ответить: да, конечно, обречено! Но только мостиком к такому союзу социал-демократическая идея послужить не может. Не потому, что она плоха, напротив, в ней заложены принципы, возможно, гораздо более прогрессивные, чем в программах многих партий-однодневок. Действительно, нет ничего лучше приоритета общечеловеческих ценностей над классовыми и национальными. Но приводные ремни истории России оказываются надеты сегодня на иные маховики, а именно на те, которые связаны с раскрепощающимся чувством хозяина и собственника, то есть интересами классов и наций, а отнюдь не общечеловеческими. Подобное с понятием вселенской справедливости, исповедуемой СДА, имеет лишь теоретическую общность.

Вот почему, когда в мае 1990-го состоялся учредительный съезд не ассоциации уже, а социал-демократической партии, который провозгласил в качестве программных целей выработку новой системы общественных и человеческих ценностей, «система» эта носила столь абстрактный характер, что стать главным общественным движителем, естественно, способна не была. Чего стоит хотя бы выдвинутый там принцип «разума, а не силы», столь привлекательный для вечно избиваемой в СССР интеллигенции! Примерно так звучала

бы выписка из решения общего собрания мышей: повесить колокольчик на шею коту, чтобы всегда знать, когда он подкрадывается. Кому такое может не понравиться? Около двухсот региональных социал-демократических организаций уже существовали к моменту учредительного съезда партии. Однако в условиях, когда обществу нечего становится есть, гуманистические идеи общего толка отступают перед требованиями гораздо более низкого, бытового порядка, и социал-демократические доктрины отметаются вместе с их носителями.

Обратимся к конституционным демократам, чья деятельность была запрещена в 1917 году и вновь возродилась в 1989-м. В принципе кадеты выступают за равенство всех граждан перед законом, если закон, в свою очередь, ориентирован на «общепризнанные нравственные ценности». Цивилизованное общество к тому же, по мысли кадетов, должно гарантировать свободу личности. Ну, а тактика — участие в выборах.

Сегодня каждая партия выдвигает свою экономическую доктрину развития государства. Конституционные демократы считают, что делу поможет фиксированное льготное налогообложение, дающее простор наиболее сильным предпринимателям. Ни о каких кардинальных перестройках уклада речи не идет, хотя одного лишь того, что кадеты поддерживают идею Учредительного собрания, достаточно, чтобы вызвать к ним симпатию населения. Вот соберется Учредилка, она и рассудит... Не столь давно подобные надежды возлагались на Съезд народных депутатов, куда выбирали лучших, как тогда казалось, представителей. Представители собрались — и несколько раз подряд с небольшими интервалами проголосовали за программы правительства, развалившие экономику. Где гарантия, что пресловутая Учредилка, куда должны проходить выборы от различных партий (а те сегодня находятся в зародышевом состоянии), не окажется сборищем горластых дилетантов, которых столь же легко будет направить в нужное административной системе русло, как и нынешних народных избранников?

И еще одно замечание. По мнению кадетов, закон должен быть ориентирован на общепризнанные ценности. Возникает масса вопросов, например: рынок — это общепризнанная ценность? А частная собственность? И что делать, если какой-то социальный слой против тех ценностей, за которые выступают остальные? Например, по некоторым социологическим опросам, неквалифицированные рабочие в большом числе — против рынка. Как и хозяйственная бюрократия (это уже без всяких опросов), для которой рынок означает потерю властных функций. Так какие же критерии требуется вводить для того, чтобы определить, нравственно или нет для общества то или иное действие либо закон? Вряд ли кадеты дадут внятный ответ на подобные вопросы.

Либерально-демократическая партия, в момент создания положившая в свою основу пять принципов: правовое государство, многопартийность, многоукладная экономика, президентская власть, деидеологизация общественных институтов... Безликость программы очевидна. Мелкие требования — типа отмены прописки, всех видов характеристик, отметок о национальности в паспорте — действительно могут сойти за смиренные просьбы по поводу либерализации режима. Только партийный ли масштаб у таких требований? По-настоящему масштабным является заявка о выходе страны из всех военных блоков, но желание на основе этой доктрины сплотить демократические силы вряд ли состоятельно. А прожекты относительно «деидеологизированного государства» (государства «просто так»?) — очередная иллюзия, уводящая в сторону от реалий. В условиях, когда вновь набирает силу тоталитарное господство бюрократии, мысль о царстве безыдейности выглядит не более чем благоглупостью, типично либеральной болтовней.

Особое место в формировании новых организаций занимает Демократическая партия России (ДПР). Фактически ведущим ее лидером с самого начала стал Н. Травкин, известный своими резкими взглядами. В качестве кредо ДПР взяла разгосударствление и демонополизацию производства и суверенитет России. Что касается технических деталей проекта, который собиралась реализовывать Демпартия, то здесь налицо скорее развернутая хозяйственно-экономическая программа, нежели политическая доктрина. В ней присутствует и суммарная ставка налога на прибыль, и регулирование государством верхнего предела цен, и модель выкупа основных фондов, и формирование централизованных заказов...

В обращении инициативной группы по созданию ДПР предлагалось сплотить демократически мыслящих граждан на основе этой программы. Нечто подобное предлагают, кстати, и социал-демократы, и либералы, да и многие другие группы и партии. Идея блока левых сил витает в воздухе, необходим лишь стержень, на который можно нанизать разные взгляды тактического плана. Демпартия России представляет собой, пожалуй, наиболее радикальное крыло, но реалии таковы, что даже под весьма правильными лозунгами подписываться в массе своей граждане не торопятся. Показательным примером служит попытка ДПР в ультимативном порядке потребовать от Верховного Совета СССР отставки правительства, принятия экономической программы группы Шаталина и национализации собственности КПСС. В случае игнорирования этих требований ДПР оставляла за собой право «обратиться непосредственно к народу и призвать его ко всеобщей забастовке». Руководство ДПР утверждало, что выступает от имени рабочего движения страны. И что же? Руководство Н. Рыжкова оставалось у власти, программу группы Шаталина зарезали, как тельца, да и компартия собственностью отнюдь не поступилась. Забастовки же, тем более всесоюзной, не было. Произошел типичный выстрел в воздух, показавший, что ДПР отнюдь не пользуется всенародной поддержкой и в плане организационном, и в идейном.

Возникает вопрос: почему? Почему вообще демократия как способ существования созревает медленнее, нежели крепнут сейчас разрушительные для нее тоталитарно-административные тенденции?

Ответ тут может быть только один: потому что народ не видит связи между демократизацией и наличием колбасы на прилавках. Административная система обещает ему гарантированный минимум (одновременно отнимая право на максимум). Свободомыслящие же лидеры общественных организаций предлагают максимум, но без всяких гарантий, да к тому же завтра; для этого, ко всему прочему, людям нужно будет еще и попотеть. В условиях ужесточения экономических условий простой человек выбирает маленький кусок хлеба сегодня, нежели гипотетическое завтрашнее изобилие.

Вот почему радикальные идеи ДПР тонут в непонимании масс. Ко всему прочему в Демпартии начался внутренний раскол, от нее отошло северо-западное крыло, создав в Ленинграде собственную Свободную демократическую партию России. И еще один немаловажный фактор: ярый антикоммунизм, как одна из основ ДПР, заставляет поеживаться миллионы рядовых членов КПСС. Да, справедливое разбирательство в отношении КПСС, в частности ее имущества, созданного народом и в большой степени узурпированного аппаратом,— такое разбирательство необходимо, и носить оно должно гласный характер. Причастных к развалу народного хозяйства тоже надо знать поименно. Но это вовсе не значит, что членство в КПСС следует объявлять коллективным преступлением и карать за это запретом на профессии, например.

...Появилась на небосклоне Союза и социалистическая партия, избравшая своей программной установкой защиту городских наемных рабочих от любых видов эксплуатации. Но разве имеются у нас «не наемные» рабочие? И почему речь идет о городских, а не сельских тружениках? Наконец, что означает «защита от эксплуатации», когда главным эксплуататором выступает сама форма изъятия государством средств из кармана граждан, по большей части на потребу классу хозбюрократии?

Вопросов много, ответов меньше. Так же, как и при взгляде на партию христиан-демократов, чьи прекрасные лозунги, касающиеся справедливости, солидарности и свободы, а также любви друг к другу и реализации своих талантов, лучше всего звучали бы в церкви, но отнюдь не среди экономического хаоса и надругательства административной системы над народом. В качестве мер общехозяйственного порядка христиане-демократы предлагают пустить в продажу всю землю, недвижимость и средства производства. Видимо, имеется в виду, что любой желающий может купить то, что ему больше из всего этого понравится. Учитывают ли лидеры партии, что с равенством во Христе могут начаться некоторые накладки, когда крупные заводы будут скуплены отнюдь не простыми тружениками, а дядями из верхнего эшелона или пресловутыми «теневиками»? В условиях сохранения старой структуры управления подобные мероприятия закрепят власть номенклатуры на новых рубежах, тогда начнется сплошное безбожие.

В качестве определенного антипода для христиан выступают анархисты. Анархизм как цельная теория существует с XIX века, но претерпел у нас достаточную трансформацию. Сегодня в организационную структуру партии входят группы более чем из 30 городов страны (данные взяты на осень 1990 года).

Следует пояснить, что, по мнению самих анархо-синдикалистов, анархия — это не хаос, а гармонично сочетающиеся свободные интересы личностей. Фактически речь идет о децентрализации власти и о ее концентрации в низовом звене. Каком? Ну, предположим, на уровне федеративного объединения трудовых коллективов или областей. При этом министерства заменяются банками информации, влияние государства исчезает из сферы культуры, науки и т. д., его функции передаются на районный уровень. Неясно, правда, как быть с обороноспособностью страны в целом или проведением, скажем, общей политики экспорта-импорта. Ну, да это мелочи, утрясется как-нибудь, считают анархисты.

Рисунок Алексея МЕРИНОВА

В вопросах ключевых, в том числе о собственности, у анархо-синдикалистов между собой нет принципиального согласия. Московская группа придерживается мыслей М. Бакунина, считавшего коллективную форму собственности более прогрессивной. В Ленинграде следуют за идеями американца Б. Таккера, который признавал практически все виды собственности, включая частную. Кстати, Б. Таккер считал, что свобода одной личности заканчивается у кончика носа другой личности. Бакунин же настаивал на отсутствии всяких ограничений понятия свободы. Ну и так далее. Слабоватая теоретическая подстилка под основными проблемами современности привносит в отношение к анархо-синдикалистам элемент экзотичности, особенно у любящих основательность россиян. Это делает движение в некотором смысле изолированным от народного сознания — с перспективой таковым и оставаться.

Продолжает функционировать партия Демократический союз (ДС). Не вдаваясь в детали, следует сказать, что создавалась она как альтернатива КПСС ради альтернативы — без крепкой позитивной программы и продолжает оставаться «голой альтернативой» сегодня. Второй отличительной особенностью ДС является форма деятельности, зачастую основанная на скандалах, несанкционированных действиях и т. д. Это вполне естественно с политической точки зрения, если иметь в виду, что ДС привлекает внимание граждан к очевидному факту: диктатуре партаппаратчиков пора положить конец!

Всего по СССР число членов Демократического союза — около двух тысяч. В самой партии не существует теоретического единства, а также общих представлений о новом строе, который должен воцариться после падения самодержавной номенклатуры. Дальше учредительного собрания ДС не заглядывает. Поэтому, несмотря на личное мужество членов организации, подставляющих головы под резиновые дубинки, вполне понятно отсутствие их популярности в народе.

Затронем монархистов, или, иначе, Православную конституционно-монархическую партию России. Задачи она перед собой ставит скромненькие: завоевание парламентского большинства, которое, в свою очередь, передаст власть Земскому собору. Именно собор призовет государя из дома Романовых. После этого партия, выполнившая свою задачу, будет распущена. Но по дороге к роспуску монархисты требуют того, чего у других партий нет: восстановить попранное достоинство русской армии, в частности офицерства. А на пути к своим целям — включить и механизм прямого подкупа госаппарата и КГБ при помощи дарованных царем-батюшкой земель. Учитывая, какой популярностью пользуются лозунги, поддерживаемые монархистами, о том, что Родина и социалистическое государство — две вещи разные, что церкви и храмы должны принадлежать религиозным общинам, что нам нужна **сильная** власть,— у партии могут найтись сторонники самого разного плана. Но поднять массы людей подобными лозунгами?..

Напоследок, для контраста, возьмем общество откровенных любителей диктатуры. Это так называемая Марксистская рабочая партия — партия диктатуры пролетариата (МРП—ПДП). Города разных республик участвовали в ее учредительном съезде в марте 1990 года. Во главу угла оказываются поставленными, как нетрудно догадаться, интересы рабочего класса, который должен возглавить борьбу крестьянства и интеллигенции за освобождение от эксплуатации чиновниками. Каким образом? При помощи диктатуры, разумеется, которая единственно может спасти от гражданской войны.

Лозунги более мелкого порядка выбрасываются со стороны МРП—ПДП самые замечательные. Правда, случаются и неувязки типа того, что рынок, оказывается, вовсе не нужен, поскольку тогда появятся богатые и бедные (сейчас их, похоже, нет). Отчетливая ориентация идет на тех, у кого отшибло историческую память, и на шариковых, коих вполне способен привлечь принцип «всем — поровну».

...Не затрагивая иные многочисленные общественные организации и партии, в том числе совершенно особую их разновидность — республиканские, где мотив национальный доминирует даже над концепциями более крупного порядка, обратимся к тому общему, что можно вычленить из спектра перечисленных (и не перечисленных) здесь политических течений.

Какую бы идею ни поставить под пресс, чтобы проверить на прочность,— ни одна не выдерживает сегодня нагрузки, необходимой обществу для консолидации. Такую идею не нащупали до сих пор ни демократы, ни приверженцы анархии, ни «правые», ни «центристы». Почему? Ответ тут один: никому и в голову не приходит, что в отличие от подхода, заложенного и принятого в КПСС, когда коммунисты стремятся выразить волю «всех», следует при формировании партий ориентироваться не на общие принципы, а на конкретные экономические интересы совершенно определенных социальных групп. Чем ярче отражены такие интересы и чем большие по численности социальные слои стоят за партией, выдвинувшей такую программу, тем больший успех ей обеспечен.

Если исходить из этого, то главными на политической арене должны выступить рабочая партия (разумеется, название условное); крестьянская партия; партия кооператоров и мелких хозяев; организация, сплотившая творческую интеллигенцию; партия служащих. Не идеи либерализма или социал-демократии должны сегодня сыграть решающую роль, а конкретно-экономические требования, отстаиваемые партиями путем политического давления! Консенсус таких требований (в зависимости от удельного веса представителей) и даст, во-первых, новое коалиционное правительство, а во-вторых, поможет сбалансировать интересы всех групп общества. Включая, кстати, и специалистов-управленцев, которые сегодня не без посредства КПСС управляют всеми процессами в государстве, а завтра окажутся категорией нанимаемых служащих.

Ни одна из доктрин, провозглашаемых сегодня различными партиями нового толка, не несет в себе грубой, осязаемой мысли, доступной массовому сознанию, конкретному восприятию большинства сограждан. «Общечеловеческих» постулатов оказывается явно недостаточно. Поэтому идет замена большой цели вопросами мелкого порядка и, что особенно опасно для демократического движения, проблемами сугубо национальными (если не националистическими).

Возникает вопрос: что же именно могло бы послужить если не законченной формой, то хотя бы ее предтечей для кристаллизации стержневой идеи? Где тот стимул, который способен объединить миллионы самых разных по статусу тружеников (речь о них, а не о паразитических надстройках над ними)? В поисках ответа следует обратиться к рабочему движению, которое среди разнообразия проявлений и рождает, возможно, именно такую форму.

Шахтерские забастовки 1989 и 1990 годов, которые потрясли страну, в конечном итоге кончились провалом. По сути дела, рабочие угольной промышленности добились для себя определенных уступок от правительства в основном за счет того, что средства для удовлетворения нужд горняков были взяты с других отраслей. Горький этот шаг следует признать со всей определенностью. Более того. Шахтеры выступали с требованиями, которые касались работников многих иных министерств (факт, старательно затушевывавшийся прессой), однако ни к какому изменению народнохозяйственного уклада в стране это не привело. Даже экономическую самостоятельность большинство шахт не получили: в условиях убыточности это обернулось бы массовой безработицей. Отрасль как сидела на дотации, так и осталась; эксперимент с хозрасчетом «угольных» территорий свернули при помощи подзаконных актов, и уже сами шахтеры на своем втором съезде просили (!) о государственном субсидировании из бюджета...

Урок весьма ценен своими выводами. Во-первых, ясно, что срабатывает железное историческое правило: выигрывает та система, которая лучше организована (в данном случае — хозбюрократия). Во-вторых, кроме задач прикладных и отраслевых, кроме изменения некоторых пунктов, регулирующих экономику, любому крупному общественному движению сегодня необходимо иметь вынесенную в будущее цель — а именно кардинальные перемены **всего** народнохозяйственного уклада. Усилиями трудящихся даже такой мощной отрасли, как угольная, дела не поправишь: требуется объединение многомиллионной армии работников самых разных профилей, с общими требованиями. Какими?

Ответ подсказывает проходивший в декабре 1990 года съезд представителей трудовых коллективов госпредприятий страны. Поскольку главным на сегодняшний день выступает вопрос о собственности, а пресловутое чувство хозяина упирается в проблему участия работника в дележе прибыли предприятия, постольку и противостояние бюрократии и демократии в сфере хозяйственной, важнейшей, обнажается здесь наиболее полно. Кто осуществляет сегодня от лица государства контроль над собственностью? Верховный Совет СССР поручил это Совмину, тот — отраслевым министерствам, а они, в свою очередь,— администрации предприятий. Администрация нанимает от лица государства работников: такова схема, когда общество оказывается в найме у бюрократии.

Если же идти от обратного, то всю цепочку следует изменить. Верховный Совет республики (собственник) должен делегировать право распоряжения своей собственностью коллективам предприятий, а те уже станут нанимать для себя управленцев-администраторов. В том числе и на уровне министерств, превращая их, таким образом, в функциональные органы координации, лишенные властно-распорядительных функций. Покупаться предприятиями будут лишь те услуги специалистов, которые необходимы для производства.

После того как коллективы получат возможность **распоряжения** собственностью, они — на следующем этапе — смогут выбрать и форму, в которой удобнее всего будет собственностью **владеть**. Возможны самые разные варианты: аренда, безвозмездная передача фондов в руки коллектива, выкуп, акционерное общество и так далее. Естественно, подобные вопросы должны согласовываться с республиканским Верховным Советом в лице специального органа, созданного при нем. Не исключено, что рабочие захотят остаться наемными служащими у государства с сохранением определенных гарантий,— это также их право. Когда коллектив вступает во владение собственностью, он и нанимает себе администрацию, наделяя ее широкими хозяйственными полномочиями.

В результате такой двухходовки — от распоряжения к владению, от состояния нанимаемых тружеников к состоянию коллективного собственника, расчетливо отбирающего для себя технически грамотных управленцев,— переворачивается вся пирамида хозяйственной власти. Ломается основа режима, его административная подоплека. Хозяйственный управленческий аппарат, представляющий собой сегодня мощный общественно-политический класс, сводится к статусу социальной группы нанимаемых служащих с оплатой труда по конечному результату. Мирным путем осуществляется борьба с диктатурой бюрократии — борьба, в конечном итоге определяющая переход к новой стадии общественных отношений.

Итак, появляется лозунг, о котором мы вели речь вначале: право распоряжения собственностью — коллективу, он сам и решит, какую из форм собственности выбрать. Экономический смысл: соучастие рабочих в дележе прибыли. Политическая подоплека: наем администрации на заводе и в министерстве и разрушение хозбюрократии как сковывающей общественное развитие силы.

Очевидно, что ни созданные для экстремальных ситуаций стачкомы, ни перелицованные профсоюзы, ни новые вызревающие партии подобной задачи в ближайшее время не выдвинут и реализовать ее вряд ли смогут. В этом их слабость. Центр тяжести для решения важнейшей политической задачи, как ни парадоксально, смещается внутрь трудовых коллективов, ложится на их органы самоуправления. Уже создан Союз трудовых коллективов страны, который взял на себя функцию координации такого рода действий (в условиях начавшегося форменного разгрома самоуправления на производстве, осуществляемого административными структурами). В труднейших условиях движение нашло точку опоры, и те политические силы, которые окажутся способны противостоять тоталитаризму, должны прямым образом использовать свои рычаги, опираясь на эту точку. Раньше или позже административно-командную пирамиду при помощи таких рычагов удастся перевернуть и поставить с головы на ноги, а в результате всем нам — стать совладельцами того, что мы же и производим.

Лучше бы все-таки раньше!

* * *

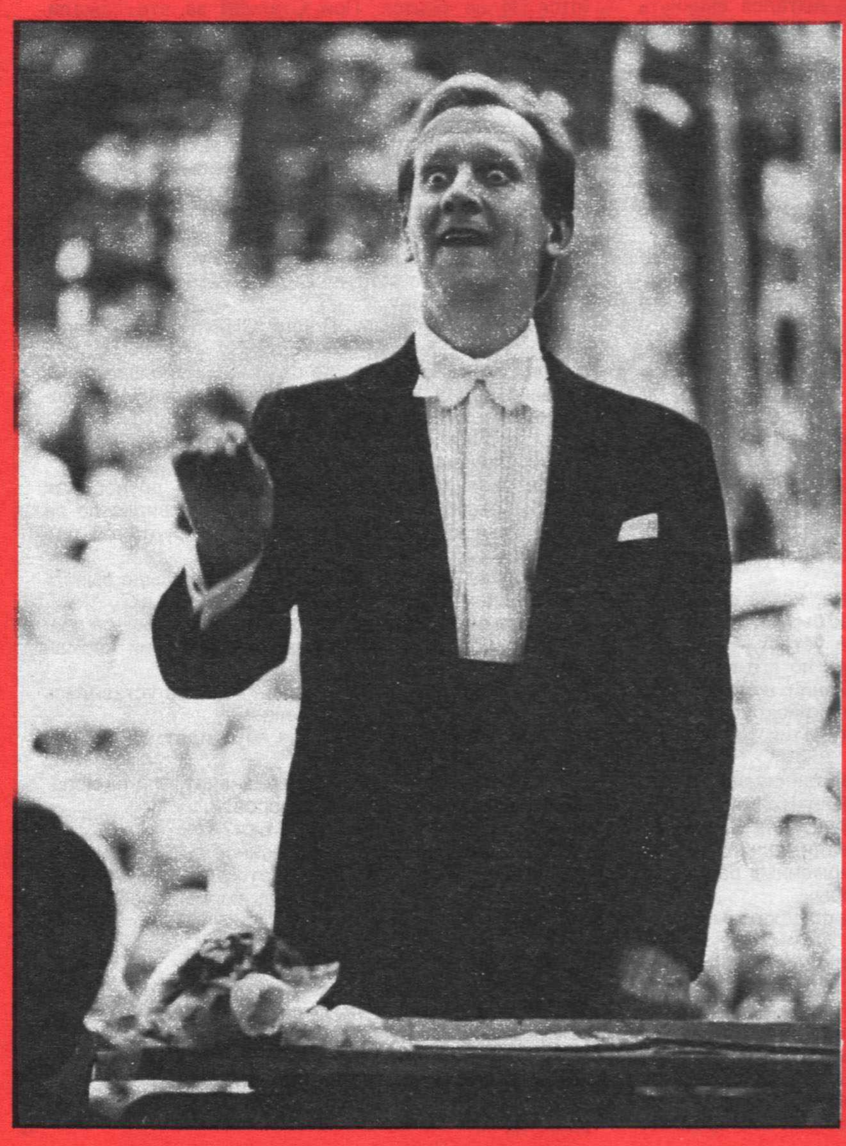
Когда статья была уже написана, в РСФСР приняли Закон — не без участия Союза трудовых коллективов,— в котором некоторые изложенные здесь положения нашли прямой отклик (возможность делегирования права распоряжения собственностью от государства — трудящимся предприятий и другие). Практическая их реализация, однако, даже в таких условиях затруднительна, хотя бы в силу противоречий с союзным законодательством. Главная борьба развернется все-таки на заводах и фабриках, и речь здесь идет о сломе административно-командной системы не в одной лишь России, разумеется, а по всей стране в целом. Политическая сила, которая сможет объединить трудящихся, их органы самоуправления, получит самые крупные шансы вывести всех нас из тупика, куда нас упорно загоняет командно-бюрократический аппарат. Кто выиграет эту борьбу, тот фактически и определит дальнейший ход событий.

ФОТОКОНКУРС

Фото
Анатолия БУРЬБО. Белгород.
Владимира ИСАЧКИНА. Смоленск.
Султана ИСХАКОВА. Казань.
Кости РУССКО. Тирасполь.
Леонида ШЕВЧУКА. Житомир.

Земля у нас одна

МЯСО
Режим работы
с 10 до 20

Виктория ТОКАРЕВА

РАССКАЗ

КИРКА И ОФИЦЕР

Майору Сидорову пришла почтовая открытка следующего содержания: «Дорогой Миша, если ты завтра, шестого ноября, в семь часов вечера не придешь к третьей колонне Большого театра, я повешусь. Кира».

Сидоров ничего не понял, перевернул открытку, прочитал адрес: «ул. Ленина, д. 22, кв. 10. Сидорову М. А.». Все правильно, адрес сходится. Но никакой Киры он не знал.

Сидоров поднялся на свой третий этаж без лифта и уже на втором этаже сдышал запах жареной рыбы. Возле его дверей этот запах сгущался.

Сын Валерик выскочил под ноги и закрутился вокруг отца. Он все время крутился, как будто имел внутри себя неиссякаемый мотор и взбивал в пространстве бешеный коктейль. Волосы у Валерика дыбились от грязи. Он не переносил, когда шампунь затекал в глаза, так визжал и нервничал, что родители жалели ребенка, берегли от психического ущерба и мыли голову раз в три недели.

Сидоров поцеловал Валерика, от его головы пахло старыми сухарями. Потом протянул жене открытку. Она прочитала и тоже ничего не поняла.

— Это тебе? — спросила жена.

— Выходит, мне, — ответил Сидоров, раздеваясь.

— Ну, правда... — не поверила жена.

Сидоров молча расшнуровывал казенные ботинки. Жена покорно ждала.

Внешне она отдаленно напоминала актрису Доронину, относилась к типу женщин «мечта офицера» и нравилась всем мужчинам без исключения — блондинка в теле, яблоня в цвету. Цвет к сорока годам пооблетел, но зато настало время плодов. Дочь Нелли, восемнадцати лет, дитя любви. И сын Валерик восьми лет. Поскребыш. Жена знала: Сидоров любит Валерика так, что ни одной бабе там делать нечего. Ни одна не отвлечет от сына, хоть у нее будет бриллиант в одном месте. Да и откуда у Сидорова бабы? На них деньги нужны, свободное время и свободная душа. А у Сидорова ни первого, ни второго, ни третьего. Да и чего там долго рассусоливать? Семья — дело серьезное, как сад: и вскопал, и взрастил, и удобрил. Некогда отвлекаться на чужое.

— Ну, правда... — повторила жена.

— Чего непонятного? Какой-то Миша обманул какую-то Киру, выдумал адрес. Первое, что на ум пришло. А так как улица Ленина есть в каждом городе, и дом 10, и квартира двадцать два, то письмо пришло к нам.

— А «Сидоров» почему совпало? Сидоров же не Ленин,— усомнилась жена.

— Правильно. Ленин — один. А Сидоровых миллион. Третья самая распространенная фамилия: Иванов, Петров, Сидоров.

Жена подумала и сказала:

— Наверное, этот Миша лечился у тебя в госпитале.

Мысль была проста, как все гениальное. Сидоров работал в военном госпитале, заведовал кабинетом политпросвещения. Политически просвещал. Мало ли через его руки прошло этих Миш...

Сели к столу. Жена приготовила борщ, овощи были нарезаны крупно, как скоту. На второе — рыба, перемороженная, сухая, как опилки. Продукты были плохие, и, чтобы приготовить хороший обед, требовались время и воображение. Жена жалела время. Зачем тратить часы на то, что будет уничтожено за десять минут? Все равно в желудке все смешается. Но что ей действительно удавалось, так это компот из сухофруктов. Жена не ленилась разрезать сухофрукты пополам, и тогда запрятанное в них лето как будто вырывалось на волю, пахло солнцем, сливой и яблоком.

Валерик сидел рядом и наворачивал с аппетитом, шумно подсмаркивая. И было странно, куда это все девается? Наверное, сгорает в беспрерывной моторике. Валерик был худенький, с большими глазами, без щек и походил на рыбку кильку в аквариуме, когда она смотрит, уткнувшись носом в стекло.

После обеда Сидоров проверял у Валерика уроки, воспитывал, грозил пальцем. Валерик не верил в строгость, пережидал отцовы нравоучения, торопился посмотреть по телевизору «спокойку». Но вместо «спокойки» мыли волосы. Валерик визжал на каких-то нечеловеческих частотах, режущих слух. Все устали от перенесенного стресса. Ну что делать? Хоть бери да брей наголо и протирай голову мокрой тряпкой.

В девять часов Сидоров смотрел программу «Время», пытался разобраться в своих чувствах к Ельцину и Горбачеву. Он политически просвещал солдат, находящихся в госпитале на лечении. Значит, самому надо было иметь в голове ясность. Ясность у Сидорова была и состояла в том, что партия — наш рулевой. Если бы он заседал в Верховном Совете, то составлял бы агрессивное большинство. Да и как тут не быть агрессивным? В старом особняке, где размещался партком, решили устроить валютный бар для богатых иностранцев с интердевочками. Куда уж дальше? В святая святых бордель устроили. Городу, видишь ли, валюта нужна. Так что теперь, все продать за эту самую валюту? И что получается: иностранцы и у себя хорошо живут, и здесь им лучшие куски перепадают. А нашему человеку что?

Кроме программы «Время», по телевизору нечего было смотреть. Патлатые парни, голые девки бесновались с гитарами. Глаза бы не смотрели. Сидоров пошел спать.

Перед сном он любил почитать газету «Правда». Сегодня в «Правде» сообщались основные направления по стабилизации народного хозяйства и переходу к рыночной экономике. Сидоров пытался вникнуть в основные направления, но его отвлекала эта дурацкая открытка. Неведомая Кира, должно быть, влюбилась в Мишу или забеременела, а может, то и другое. Вызвала на разговор. Пригрозила повеситься. А вдруг и в самом деле повесится?

Сидоров подумал о дочери Нелли, которая уехала учиться в Ленинград, крутится там без отца, без матери.

Жена Сидорова шуршала по хозяйству. Потом тоже легла. Смотрела в потолок.

— Миш! — позвала она.— Завтра суббота. Выходной день.

— Ну? — Сидоров и так знал, что суббота — это выходной.

— Съезди в Москву, дойди до Большого театра. А то вдруг правда — возьмет и повесится. А мы будем виноваты.

— Она дура, а мы виноваты?

— Могли предотвратить и не сделали. А молодые — они все дураки.

Сидоров вздохнул: до Москвы четыре часа. Там час. Обратно четыре. Девять часов. Утомительное мероприятие. А с другой стороны: что такое девять часов в сравнении с целой жизнью, со спокойной совестью?

Сидоров обнял жену. Он любил, когда она была хорошая. Злым и плохим человек бывает от безлюбья и от усталости. А если жена устает,— виноват муж. Значит, жена бывает плохая по его вине.

Сидоровы заснули в общем дыхании, в общих мыслях, в общем мировоззрении. Они одинаково взирали на этот мир в последнем десятилетии двадцатого века.

Сидоров приехал в Москву в одиннадцать утра и до семи вечера бродил по магазинам. Жена просила купить чайный сервиз и курточку для Валерика.

В магазине «Хрусталь» продавали только пустые коробки для вилок и ножей, выложенные бархатом. И статуэтку «Хозяйка медной горы».

— А что,— спросил Сидоров,— фарфоровые заводы уже не работают?

— Работают,— объяснила молоденькая продавщица.— Но население тут же все раскупает.

— А-а-а... — сказал Сидоров.

В магазине «Ткани» продавались кооперативные куртки-варенки по кооперативным ценам. Сидоров еще раз порадовался, что государство за верную службу снабжает его формой, не надо связываться ни с теми, ни с другими, ни с частным сектором, ни с государственной легкой промышленностью. Легкая промышленность не справляется в связи с развалом экономики, а кооператоры — это вчерашние фарцовщики, спекулянты. Еще вчера их отлавливали и сажали в тюрьму. А сегодня они стоят — наглые и мордастые. Да Сидоров лучше голый пойдет среди бела дня, но не будет поддерживать трудовым рублем недостойные элементы нашего общества.

«Застой», «стагнация», «болото»... Слова-то какие... А выходит, в болоте лучше жилось. Тепло и сыро. А сейчас правды захотелось. Вот и ешьте свою правду. И одевайтесь в нее.

Сидоров устал душой и телом. Зашел в кооперативное кафе. Поел за двенадцать рублей. Вкусно, ничего не скажешь. Но кто может питаться за такие деньги? Однако очередь выстроилась. Черт-те что и с боку бантик.

После обеда Сидоров прошелся по Арбату. Опять черт-те что... Вроде Москва, Россия, а вроде Париж какой-нибудь. Что хотят, то и делают. Какая-то баба надрывным голосом к чему-то призывала, и баба вроде не сумасшедшая. Шла бы домой внуков нянчить...

Толстый парень торговал гороскопами. На кого-то он был похож... Вспомнил. Года два назад в госпиталь поступил призывник, зад — как раскрытый парашют, ни одна пижама не налезала. В своей ходил. Диагноз: вегетативно-сосудистая дистония. Как у старика. Здоровый бугай. Ясное дело, прячется от армии. Мамаша прячет. Артистка московского театра. Концерт для раненых организовала, известных артистов навезла. В актовом зале выступали. А к тем, кто без ног, индивидуально в палаты пришли. Артистка в возрасте — плакала, жалела ребят. Героев жалела. Лучше бы своего симулянта пожалела. Значит, одни должны терять руки, ноги, глаза, а другие за мамкины юбки прятаться. Зады наращивать. Он так ей и сказал после концерта. Артистка глазки вытаращила, все внутри слиплось от страха, даже жалко стало. Он сказал: «Я действую согласно воинского устава. Я служу».

А она ему: «Но ведь вы не собака»... Ничего себе... Пусть скажет «спасибо»: вышел указ — студентов в армию не забирать. Ее счастье, а то он упек бы этого вегетативно-сосудистого. Показал бы, кто собака, а кто хозяин...

Сидоров подошел к Большому театру в точно назначенное время. Без пятнадцати семь. Народу было немало, хотя и немного. Сидоров слышал где-то, что в скверике возле Большого театра собираются гомосексуалисты. Это их смотровая площадка. Не стесняются. И не боятся. При Сталине за это сажали. А сейчас совсем распустился народ.

Рассказывали, что во время кинофестиваля какой-то иностранный придурок встал на Красной площади с лозунгом на груди: «Свободу гомосексуалистам в СССР». Они там, на Западе, с жиру бесятся, совсем с ума посходили от скуки. И наши туда же. И название себе придумали: сексуальные меньшинства. Куда конь с копытом, туда рак с клешней. Один артист по телевизору с серьгой в ухе выступал и с крашеными глазами. Советский человек. И фамилия русская, не еврей, не татарин. Русский человек. Вот что особенно обидно. Сидоров вспомнил и даже сплюнул в сторону.

Киру он узнал сразу. Понял: ОНА. Почему? Непонятно. Узнал, и все.

Она стояла, озираясь по сторонам. Большое лицо, большие бедра. Высокая. Молодая. Без шапки. Волосы неестественно белые, как Луна.

— Здравия желаю! — Сидоров по привычке приложил пальцы к фуражке.— Вы Кира?

Она окинула его взглядом с головы до ног, как товар. Товар не понравился. Это было видно по ее лицу. Выражение стало брезгливым, будто ей под нос подвесили кусочек дерьма.

Сидорову захотелось отойти, но надо было выполнить задание, а уж потом быть свободным.

— Это ваше? — Сидоров достал открытку, он специально положил ее поближе, во внешний карман шинели.

— А как это у вас оказалось? — Кира уставилась на него с активным недоумением.

— По почте. Так что Миша не придет. Не ждите.

— А вы откуда знаете?

— Раз открытка пришла мне, значит, она не попала к Мише,— разъяснил Сидоров.

— А почему она пришла к вам?

На ее лице застряло недоуменное выражение. Не-до-уменное в прямом смысле этого слова. Сидоров даже заподозрил нижнюю грань нормы, после которой начинается слабоумие.

— Миша дал вам мой адрес.

— Зачем?

— Чтобы не давать свой.

— А-а-а... — Кира наконец поняла. — Козел...— оскорбилась она.

Обида, оскорбленное самолюбие — вполне нормальная, адекватная реакция на событие.

Задание было выполнено. Можно идти. Но Сидоров медлил.

Рисунок Вячеслава ЛОСЕВА.

— Вы... это...— начал он.

Кира ждала. Сидоров не знал, как оформить свою мысль. Он хотел сказать, что жизнь дается человеку один раз и не следует ее самовольно прерывать из-за неудачной любви.

— Чего? — поторопила Кира.

— Ну... это...— Сидоров мучился с напряженным лбом и Кира, в свою очередь, заподозрила в нем умственную недостаточность.— Вы тут пишете, что повеситесь.

— Зачем? — не поняла Кира.

— От несчастной любви, наверное...

— Прямо... — Кира усмехнулась.— Буду я вешаться из-за каждого козла вонючего. Вас, знаешь, сколько?

Из текста Киры автоматически получалось, что и он, майор Советской Армии, тоже вонючий козел. Следовало за этим ехать на край света, хоть этот край и был расположен в самом центре Москвы.

Сидоров повернулся и пошел. Ни одно доброе дело не остается безнаказанным. Кто это сказал? Не важно, кто. Правильно сказал. Пропал день. И ночь пропала. Две последние электрички отменили в связи с забастовкой. Железная дорога бастовала. Прямо как при царе. Сидоров посмотрел на часы: следующая электричка в семь утра. А сейчас — семь вечера.

При Брежневе было лучше. Как человек на протезе: неудобно, но стоит. А сейчас протез отбросили: стой на одной ноге. Не нравится — падай. Зато гласность. Правда. Вот и езжай домой на правде верхом.

Сидорова тронули за рукав. Может, гомосек, изнасиловать хочет. Сидоров ничего хорошего не ждал от большого города. Сейчас в Москве преступность, как в Нью-Йорке. Изнасилуют, обворуют, а то убьют. И милиция в параличе. Чикается с душегубами, пальчиком перед носом трясет. Почему их не вешают на площади, как немцев в сорок пятом году? А... Демократия. Ну хорошо, тогда я буду пистолет с собой носить. У вас ваша демократия, а у меня моя.

Сидоров обернулся. Перед ним стояла Кира. Не противная. Нормальная.

— Вы что, специально ехали? Из-за меня?

Сидоров не ответил.

— Познакомиться хотели? — догадалась Кира.

— Нет. Не хотел. Зачем мне?

— А чего ехали?

— Ну... чтобы не повесилась.

— А вам-то что?

— Жалко все же.

— Так вы ж меня не знаете...

— Ну и что? Все равно жалко.

Кира покрутила головой.

— Надо же...

— А что ты удивляешься? Нормальных людей не видела?

Сидоров незаметно для себя перешел на «ты». По праву старшего чином.

Кира с открытым любопытством рассматривала странного человека, непривычного, как пришелец. Такое бескорыстие она встречала только в книгах: приехать из другого города, спасти человека от смерти и даже не пристать. Не получить никакой компенсации. А ведь он не старый. И даже ничего. Его надо только отмыть, постричь, обрядить в западные шмотки — получится не хуже, чем прошлый Миша. Лучше.

— А у вас есть где ночевать? — спросила Кира.

Сидоров промолчал. Ночевать он мог только на вокзале, возле касс для военнослужащих.

— Если хотите, пойдемте ко мне. У меня в комнате две пустые койки. Можете спать у окна, а можете у стенки.

Сидоров молчал. Нормально выспаться на нормальной койке — это, конечно, лучше, чем всю ночь промаяться в твердом кресле. Но с другой стороны, в каком-то общежитии, с какой-то Кирой — что за общество для работника идеологии? Обворует еще...

— Боитесь? — догадалась Кира.— Не бойтесь. Вы просто так ехали. Я просто так вас зову.

Комната Киры находилась на первом этаже, и поэтому в дверь она только выходила. А входила — в окно. Для этой цели под ее окном лежал деревянный ящик из-под макарон. Нога — на ящик, коленка — на подоконник. Раму она не запирала, а только прикрывала. Надька нервничала: обворуют. Но уважающие себя воры ходят туда, где японская техника и твердая валюта. А в общежитиях для лимитчиков им делать нечего.

Конечно, удобнее ходить в дверь, как все люди, но вахтерша тетя Валя не пускает мужчин и называет их кобелями, а Киру и Надю — сучками. Забыла, что сама была молодая в послевоенные годы и пересыхала без любви, как колосок в засухе. А теперь сидит, как стог сена. Все забыла. А может, помнит. И мстит: я пересыхала, и вы пересыхайте.

А Кира, например, не может без любви. Ей надо о ком-то возмечтать, ждать, мучиться, тогда время проходит незаметно. Как в кино. Но еще больше, чем в любви, она нуждалась в деньгах. Деньги просто так

не дают. Деньги дают за красивые глаза. И за красивые ноги. Короче, Кира предпочитала миновать тетю Валю. Не встречаться с ней. Ногой на ящик. Коленкой на подоконник. И все дела.

— А почему надо лезть в окно? — удивился Сидоров.

— Нипочему,— ответила Кира, и это оказалось убедительно. Сидоров подумал: солдатам надо будет так же отвечать в трудных случаях. Слишком много стали задавать вопросов.

Сидоров, не рассуждая, последовал за Кирой, ловко перебрасывая свое тренированное тело.

В комнате оказались три кровати, три тумбочки и шкаф.

Кровать в центре принадлежала Кире. У окна — Наде. Надя ушла на два дня на аборт. Аборты она делала легко. Не брала в голову.

Кровать у стены пустовала вообще. Прежде на ней спала третья малярша из их бригады — Рита Шутова. Но Рите повезло, как Золушке в сказке. Вышла замуж за американца. Американец совсем никудышный, самое широкое место — талия, как у рыбы камбалы. И зубы — огород с гнилой картошкой. Каждый зуб испорчен на свой манер: один бежеватый, другой зеленый, третий серый. По всему миру жену себе искал. Никого не мог уговорить с такой внешностью. Ни одна западная баба не решилась. А наша Рита — из общежития, от малярного ведра — куда хочешь и с кем хочешь. Тем более в Америку. Пишет письма: скучно, хотя овощи и фрукты — круглый год.

Кира и Надя тоже стали ходить по местам туризма: в цирк, к Большому театру. Но с иностранцами не получалось. Языковой барьер. Только жестами. Однажды, правда, «нарыли» двух арабов, привели в общежитие — каждая на свою койку. Так то ж арабы... Положили деньги на тумбочку, и все дела.

С Мишей Сидоровым познакомилась в Черном море. Она плыла, и он плыл. Прямо в воде любили друг друга. Волны нежно бились в их тела. Малиновый шар солнца стоял на горизонте, все больше проваливаясь в море. Хорошо было. Было и прошло. Где лето? Где Миша? Нету ничего. И ничего не будет. Только прораб Скороспелов, коммунист, взяточник, из девчонок бутыли вымогает и при этом норовит пристроить свой вялый член. Входит в недостроенный дом, как зверь в чащобу, озирается: нет ли свидетелей, нет ли опасности? Боится, что начальству донесут, аморалку пришьют, жене доложат. Он хочет все себе позволить и ни за что не отвечать. Привык так жить. Смотрит подозрительно, с прищуром. На лице опыт грязи.

Кира вздохнула от разъедающего несоответствия. От разлада мечты с действительностью.

— Чаю хотите? — предложила она.— У меня плавленый сырок есть.

Сидоров достал из портфеля целлофановый пакет с бутербродами. Жена собрала. В каждый бутерброд был вложен зеленый лук. Витамины. Жена на окне круглый год выращивает. Сидоров вспомнил свой подоконник со стрелками лука, и ему стало жалко жену, сына и себя вместе с ними.

Кира почувствовала его сиротство и не проявила сексуальной инициативы. Пусть освоится человек.

— Ты где работаешь? — спросила она, переходя на «ты». Кира чувствовала себя увереннее на своей территории.

— В госпитале.

— Врач?

— Замполит.

— А зачем он нужен? — Ей казалось, в госпитале болеют и лечат. И этого достаточно.

— Значит, нужен...

Кира отвинтила от термоса крышку, разлила чай по чашкам.

— Ты коммунист?

— А как же? — удивился Сидоров.

— У нас на стройке три коммуниста из партии вышли.

— Ну и дураки.

— Почему?

— А вот посмотришь: мы еще свое слово скажем,— пообещал Сидоров.

— Так вы уже сказали. Семьдесят четыре года говорите свое слово.

— И еще семьдесят пять будем говорить.

— Армию сокращают,— напомнила Кира.

— Да...— согласился Сидоров.— У нас многие в кооператив пошли. Бычков выращивать.

— И правильно,— поддержала Кира.— Лучше народ мясом кормить, чем разговоры разговаривать.

Сидоров промолчал. Одно дело — накормить мясом. Другое — напитать идеями. Но Сидоров не стал доказывать, рассыпать бисер перед свиньями. Кира — молодая женщина и, значит, потребитель, как все молодые. Им бы только потреблять бездумно, ничего не давая взамен.

— Ничего,— упрямо сказал Сидоров.— Кабинеты политпросвета везде нужны.

Кира промолчала, в свою очередь. Родильный дом имени Крупской, в котором лежала Надька, заражен стафилококком. В Америке такие дома сжигают в открытом огне и на три метра в глубину. А у нас марганцовкой моют и хлоркой посыпают. А стафилококку от этой хлорки не холодно и не жарко. Так и с политпросветом, с торжеством коммунизма. Отказались — значит, надо жечь. А они только марганцовочкой сверху. Посмотрела кино «Так жить нельзя». И в самом деле нельзя. А вот сидит напротив хороший человек и говорит: «Так жить надо». Кого слушать?

Можно, конечно, никого не слушать. Жить своими мыслями. Но свои мысли крутятся только в одном направлении. Выйти замуж по страстной любви, любить мужа, как любовника, и путешествовать, менять картинки перед глазами. Индия, например, со слонами, Египет с пирамидами, Венеция с каналами и гондольерами.

А что она видит? Стройка зимой — замерзшая грязь, как застывшие волны. Стройка осенью — грязь, без конца и края, как жидкая планета. Секции строящегося дома — железобетонные и холодные, как пчелиные соты, сработанные чертом. И прораб Скороспелов.

Сидоров вдруг поднялся, стал двигать мебель. Кровать Киры вплотную придвинул к Надькиной. А на место кровати притащил шкаф, поставил, как ширму. Отгородился.

— Зачем это? — удивилась Кира.

— Я спать хочу,— дипломатично объяснил Сидоров.

Кира слышала, как он раздевается. Потом ложится. Их разделяло нечто большее, чем шкаф. Она ощущала отчужденность, почти враждебность Сидорова, будто это был не половозрелый мужчина, а бурый медведь. Странно даже.

Кира тоже разделась и легла. Потушила свет. Стало тихо. Офицер не спал. Дышал за шкафом.

— Как ты живешь? — поинтересовалась Кира, вытягивая на контакт.

— В каком смысле?

— Ну, расскажи свой день.

— Зачем? — Сидоров сопротивлялся контакту.

— Интересно. Вот утром встал. Дальше что?

— Чай пью, на работу иду,— нехотя ответил Сидоров.

— А там что?

— Там? — Сидоров задумался. В самом деле, что там? Солдаты. Живые и мертвые. И полуживые. Выкарабкиваются из пропасти. Пока карабкаются, ни о чем не думают. Приезжают матери, невесты, привозят варенья, соленья, поддержать своих. Сидоров говорит солдатам, что они герои. Герои, конечно, но калеки. Вот об этом они и думают после того, как выкарабкаются. И смотрят перед собой в одну точку.

— Там работа,— сухо ответил Сидоров.

— Ну а дальше? После работы.

— Иду домой. Обедаю.

— Что ешь?

— Картошку с мясом. Компот.

— А потом?

— Уроки у сына проверяю. Телевизор смотрю. Спать ложусь.

— С женой?

— Само собой.

— А ты давно женат?

— Двадцать лет.

— Двадцать лет с одной и той же?

Сидоров удивился вопросу.

— Женат двадцать. А еще встречались три года. Так что двадцать три.

— А пистолет у тебя есть?

— Есть. А что?

— Застрелись.

— Это почему?

— Чем так жить, лучше застрелиться. Каждый день одно и то же: политпросвет, мясо с картошкой, жена.

— А у тебя что, каждый день разное?

— У меня мечта есть.

— Это какая?

— Любовь и путешествия.

— Ты уже путешествовала. Чуть не повесилась.

— Ну и что? Жизнь — движение. А у тебя — болото стоячее.

— Так это, если не любить,— спокойно возразил Сидоров.— Тогда действительно можно застрелиться. Когда все противно. А я в своем дне все люблю: и работу, и семью, и телевизор. В этом все дело...

Кира подумала над сказанным. Сделала заключение:

— Ты не можешь начать новую жизнь и не можешь застрелиться. У тебя только один выход: воспевать свою убогую жизнь.

Сидоров промолчал.

— Обиделся? — проверила Кира.

— С такими, как ты, в разведку не пойдешь,— посожалел Сидоров.

— Какая разведка на фиг? — удивилась Кира.— Это пятьдесят лет назад в разведку ходили, на животе ползли. А сейчас разведка со спутника... Знаешь, в чем твое счастье? Твое счастье в том, что ты не догадываешься, КАК ПЛОХО ТЫ ЖИВЕШЬ.

Вот тут, по Кириным расчетам, Сидоров должен был возмутиться и даже, может быть, вскочить. Пойдет разборка. Потом примирение. И все окончится тем, что они заснут рядом. И она положит голову на его плечо. Можно даже больше ничего. Только вместе заснуть и чувствовать во сне надежное теплое плечо.

Из-за шкафа донеслось ровное дыхание. Офицер уснул. Не отреагировал. Странно даже. Уснул, медведь несчастный.

Сидорову снилась финская баня с громадными раскаленными камнями на топке. Когда на камни попадали брызги воды, они отвечали адским шипением. Вдруг отворилась дверь, и кто-то швырнул на камни его сына. Сидоров проснулся от собственного крика. Проснулся, сел и в ту же секунду понял, что этот ужас был сном. СНОМ. А наяву он в чужой комнате, и перед ним стоит голая баба. Сидоров подумал, что это продолжение сна. Видение № 2. Но проморгавшись, понял, что это Кирка. Стоит и таинственно улыбается.

Сидоров чего-то испугался, спустил ноги на пол и начал торопливо одеваться.

— Да ладно, ложись,— добродушно сказала Кира.— Испугался...

Она отошла. А Сидоров продолжал и продолжал застегивать свои бесчисленные пуговицы. Потом подхватил шинель и вышел через окно. Как и вошел.

По небу быстро плыла Луна, значит, ветер гнал облака. Было и темно, и светло одновременно. Кирка смотрела, как он уходит с прямой спиной, твердо ступая сапогами.

— Эй! — позвала она. Не спросила, как зовут. Но тут же сообразила: Миша. Как того, из моря.

— Миша! — окликнула Кирка. Но Сидоров прибавил шагу, свернул за угол и стал недосягаем для глаза.

Кирке стало обидно. Вот. Ушел. Порядочный мужик. Любит свою бабу двадцать три года. И все. И она за ним, как за каменной стеной. А Кирке все какие-то прощелыги попадаются. Други игрищ и забав. Бог с ними, с путешествиями. Осесть бы с порядочным человеком. Дите родить, комнату свою, прописку московскую. Все, как у людей. Кирка стала толкать шкаф на место, но он кренился набок. Норовил упасть. Пришлось нагнуться, тащить за нижнюю планку. Заболела поясница.

Кирка села на кровать передохнуть. Посмотрела на часы: шесть утра. Через два часа на работу. Подойдет прораб Скороспелов, спросит: «Ну?»

— Чего? — как бы не поймет Кирка.

— Когда увидимся? — И глазами по сторонам: не услышал ли кто.

— А зачем? — наивно спросит Кирка.

— Непонятно?

— Непонятно.— Кирка искренне будет смотреть на него голубыми глазами. Интересно, какие он найдет слова, зачем?

— Ну, смотри...— пригрозит прораб.

— Сам смотри,— посоветует Кирка на том же голубом глазу. Прораб ворует кирпичи, фундаментные блоки, оконные рамы, половую доску — все, что можно своровать, и продает дачникам за тройную цену.

Ворует прораб. Вор и бабник. Он это знает. И Кирка знает. И он знает, что она знает. Пусть он ее боится. Не ОНА его. А он ее. Вот так. Прораб уйдет, упрятав злобу. А Кирка возьмет свое ведро и кисть. Что приятно в ее работе — так это то, что результат труда наступает сразу. Подоконники и дверные коробки становятся голубовато-белые, ровненькие, как яичная скорлупа. Железобетонные секции на глазах превращаются в уютное жилье. Сюда можно будет въехать и жить.

Сидоров влез в первый попавшийся автобус. До отхода поезда два часа, и он успеет на вокзал в любом случае, даже если этот автобус идет в другую сторону.

Спать не хотелось, но настроение было мутное. Почему-то опять вспомнилась актриса с ее сыном. Бабе под шестьдесят, а парню восемнадцать. В сорок лет родила. Вот и нервничает. Это ему, Сидорову,— он задастый. А матери — сыночек единственный, и не для того она его растила, копила, чтобы армия разбазаривала по частям. Хорошо еще с Афганистаном завязали. А то и вовсе получила бы без рук, без ног. Она сказала: «Вы же не собака». Вот именно что собака, которая стережет чужое добро. А что у него есть своего? Шесть соток садового участка, дома стоят, нюхают друг друга окнами. И все за бетонным забором, как в зоне. Только колючей проволоки не хватает. Даже эта проститутка понимает: как плохо он живет. Сидоров вдруг увидел ее светящееся в темноте перламутровое тело с тугими резиновыми грудями, с бедрами, грешным треугольником. И чего сбежал?

Но он уже сбежал от Кирки и не доехал до вокзала. И болтался по улицам и переулкам в неизвестном каком-то маршруте.

В 1980 году имя Василия Аксенова было вымарано из всех «поминальников» советской литературы, его книги были изъяты из библиотек. Один из лучших прозаиков оказался насильственно отлучен от нас на долгий срок — сюжет, увы, знакомый.

Сегодня Аксенов возвращается. Восстановлено советское гражданство, появляются журнальные публикации. В самом конце прошлого года в издательстве «Огонек» — «Вариант» выпущен (впервые на родине после десятилетнего перерыва) двухтомник писателя, в него вошли романы «Ожог» и «Остров Крым». Василий Павлович приехал в Москву на презентацию, встречался с читателями. Статья, которую он передал нам, посвящена истории создания и разгрома альманаха «Метрополь». Это не только свидетельство о еще одной печальной странице советской литературы, но и предупреждение.

ОТДЕЛ ЛИТЕРАТУРЫ

Василий АКСЕНОВ

ПРАЗДНИК, КОТОРЫЙ ПЫТАЛИСЬ УКРАСТЬ

В свое время по горячим следам метропольской «траншейной войны» я написал роман «Скажи изюм!». Начал его через несколько месяцев после высылки, в ноябре 1980-го, то есть именно в тот момент, а может быть, и в тот день и час, когда Брежнев со своим верным санчо пансой Георгадзе, кряхтя, покарали меня лишением гражданства, и окончил в декабре 1983-го. Слетевший на крышу Исторического музея ангел с фотокамерой, Вадим Раскладушкин, был, разумеется, провозвестником перестройки.

Скоро этот роман выйдет в Москве, и читатель получит нечастую возможность не только содрогнуться перед художествами, но и развлечься. Все подобные «книги с ключом» предлагают своего рода игру — отгадать, кто из реальных лиц скрывается за персонажами или, наоборот, высовывается из-за них.

Боюсь, однако, что с большинством догадок даже умудренный в литературных делах читатель попадет впросак. Прежде всего хотя бы потому, что я не ставил целью создание хроники «Метрополя». Решение сделать героев фотографами, а не писателями, вначале продиктованное лишь желанием отойти на несколько шагов от первоосновы драмы, то есть создать воздушное пространство романа, в дальнейшем стало диктовать условия игры и проявлять метафизику романной ситуации. Конспирация полностью уступила место метафоре. Вряд ли кто-нибудь из участников альманаха скажет, что он узнал себя в ком-нибудь из составителей фотоальбома «Скажи изюм!» и членов группы «Новый Фокус». Все-таки это история не писателей, а фотографов, история борьбы не с реальными чекистами, вроде недавно раскаявшегося полковника Я. В. Карповича и нераскаявшегося генерала Ф. Д. Бобкова, но с вымышленными демонами и демонятами, «фишками» Идеупра, не с писательскими бонзами «застоя», вроде Кузнецова, Куняева и Кобенко (К-К-К, как их называли метропольцы), а с воплощенными характеристиками растленности и продажности руководства Росфото.

Иными словами, это история из жизни не только «Метрополя», но и всего нашего художественного поколения, оспорившего наглую власть идеологии над искусством.

Сказав это, я отодвигаю в сторону роман, чтобы больше уже к нему в этих заметках не возвращаться.

Идея «Метрополя» зародилась в начале 1978 года в стоматологическом центре Тимирязевского района столицы. В большом светлом зале над двумя дюжинами пыточных кресел чехословацкой работы висел небросский лозунг «Пятилетке качества — рабочую гарантию!»; обстановка, словом, была вполне кафкианская. В двух соседних креслах полулежали два обвисших пациента, 45- с чем-то-летний я и мой младший друг, 30-летний Виктор Ерофеев. Наш общий мучитель, доктор Гуситинский, сделав нам уколы новокаина, удалился. Лучшего момента для разговора о текущей литературной ситуации не найти. Виктор пожаловался, что у него опять что-то зарубили, да и у Женьки, мол, Попова положение ничуть не лучше. Я сказал, что хорошо бы нам всем уехать на какой-нибудь остров и там издать что-нибудь неподцензурное. Должен признаться, что к этому времени уже вовсю шла работа по ликвидации Перекопского перешейка, то есть по созданию «Острова Крыма», потому и островная маниловщина сразу пришла на ум. Да что нам острова искать, промычал Виктор, давай здесь издадим альманах чего-нибудь хорошего. Так под влиянием не исследованных еще свойств зубной анестезии зародилась идея.

К этому времени мое положение в советской литературе было более чем двусмысленным. Летом 1977-го по мою душу явились «гости дорогие», полковник Ярослав Васильевич Карпович и его младший коллега Владимир Николаевич Зубков, чином, стало быть, пониже, капитан или майор. Военизированное тайное ведомство было чрезвычайно озабочено моим романом «Ожог». Откуда-то, скорее всего из-за границы, была выкрадена копия рукописи, проанализирована литературоведами высшего ранга. Теперь ведомство предупреждало: «Если вы, Василий Павлович, напечатаете «Ожог» за рубежом, нам придется с вами попрощаться». Что бы это означало, поди знай!

Надо сказать, что до прихода «бойцов невидимого фронта» мысль о печатании на Западе «Ожога» редко меня всерьез посещала. Штучка, уж точно, позабористее, чем «Фауст» Гете. При всем, скажем так, недостатке уважения к социалистическому реализму выпадать из привычного литературного мира, поджигать свои жалкие бумажные кораблики не хотелось. К политическому «диссенту» душа не лежала. Сочинительство — это был мой единственный удел. На Запад рукопись я отправил лишь для того, чтобы ее не постигла судьба гроссмановского романа.

После визита все переменилось. С этого времени, хоть и была мне обещана полная лояльность, я всегда чувствовал за плечом их дыхание. Да они как бы и не скрывались, а, наоборот, подчеркивали свое присутствие. То машина дежурила у подъезда, то пара типчиков в гнусных шляпенках появлялась под окнами, то вдруг В. Н. Зубков начинал слишком часто мелькать в поле зрения. Однажды он даже прислал мне в подарок книгу, однотомник переводов К. Воннегута. Открыв ее, я увидел свой портрет. Что-то уж очень изощренное, подумал я, но потом вспомнил, что на некоторых снимках мы с Воннегутом почему-то очень похожи, хотя в жизни ничего общего. Изощренность, однако, в этом страннейшем подарке все-таки присутствовала. Вступительная статья к сборнику шла под заголовком «Сигнал предостережения», и в этом, очевидно, был весь смысл.

Странным образом это пристальное внимание давало противоположные результаты, подвигло меня к решению все-таки опубликовать книгу. Иначе все проглотят. Все проглотят, никто ничего и не заметит. Хватит уж делить судьбу «невинно пострадавших». Если уж страдать, то хоть за что-то, хоть за такую малость, как книга. Так все чаще и чаще говорил я себе.

Фото Марка ШТЕЙНБОКА.

Кое-какие мои вещи стали уже появляться на Западе без ведома властей. «Ардис» напечатал «Стальную птицу». По этому поводу меня призвал на ковер руководитель писательской организации Ф. Ф. Кузнецов, написавший ранее немало статей о литературе «четвертого поколения». Странно было слышать в устах бывшего товарища интонации, а порой и целые периоды речи полковника Карповича. Весьма вежливые интонации и вполне мягкие периоды, от которых, впрочем, весьма разило ржавеющей машиной.

В писательских кругах между тем время от времени возникали упорные слухи о том, что я уже точно собрался «свалить за бугор». В издательских, киношных, телевизионных и прочих ведомствах делались из этих слухов соответствующие выводы. Теперь стало известно, кто фабриковал эти слухи.

Итак, к моменту возникновения идеи «Метрополя» я, может быть, был чемпионом двусмысленности в рядах СП СССР: автором как бы опасных романов, неуехавшим эмигрантом, нищим владельцем мифического «миллиона в швейцарском банке» и т. п.

Друзей, собравшихся под метропольской крышей, поначалу это нимало не смущало. Все знали цену профессионалам «дезухи». И только впоследствии, когда разгорелись страсти-мордасти, когда нашим авторам члены секретариата стали упорно ввинчивать идею, что это Аксенов, коварный, которому здесь уже терять нечего, который только о своем западном паблисити печется, втянул их всех, несмышленышей, в гадкую аферу, только тогда я иной раз стал ловить на себе вопросительные взгляды.

Поначалу же было одно вдохновение и веселье. Вдруг сплотились — среди всеобщего уныния, разброда и бегства — альманашные «заговорщики», которые о своем «заговоре» только и делали что болтали на всех литературных перекрестках. Возник даже «штаб» в писательском жилкооперативе у метро «Аэропорт». В той однокомнатной квартиренке на первом этаже несколько лет до своей кончины жила моя мама Евгения Гинзбург. Когда ее не стало, я подал заявление о передаче квартиры мне для рабочей студии. Пока вопрос решался, вернее, пока он не решался, я отдал ключи Е. Попову, которому в то время негде было жить. Здесь все метропольцы и собирались, сюда притаскивали рукописи, умеренно вредные напитки и неумеренные идеи эпохи «зрелого социализма». Сюда и В. Высоцкий, наш автор, захаживал с гитарой.

Впрочем, и по всей Москве весело гулял «Метрополь» в свой первый год, то есть именно в год своего создания. Сходились на шумные вечера под крышей у Ахмадулиной и Мессерера, на выставке беглого Сысоева в квартире Сапгира, на даче в Пахре... Сохранившиеся снимки Плотникова и Тросникова свидетельствуют о раскованной артистической атмосфере сродни той, что вдруг возникла среди разбоя гражданской войны в старом Тифлисе. Увы, у нас не было даже правительства Ноя Жордания для защиты от недремлющего ока «рыцарей революции».

Допуская присутствие халтуры в «соответствующих органах», все-таки трудно было предположить, что они ничего не знали о странной активности внутри, казалось бы, совсем уже, после стольких-то героических трудов, «консолидированной» советской литературы. Даже и сейчас, однако, трудно сказать, почему так долго не принимали меры, придется, видимо, подождать до очередного «покаяния».

Так или иначе, работа была почти закончена, двенадцать экземпляров внецензурного литальманаха «Метрополь», около тысячи страниц машинописи в каждом, были готовы. Это были тяжеленные огромные альбомы — фолианты догутенберговской эры, шутили наши авторы — с обложками из толстого картона, крытого так называемой «мраморной бумагой», содержащие сотни по полторы листов ватмана, на каждом из которых наклеено было по четыре с каждой стороны машинописных страницы. Предметом гордости дизайнеров Д. Боровского и Б. Мессерера были завязки из ботиночных шнурков. «Эстетика бедности» — так объясняли всю идею метропольцы многочисленным друзьям альманаха.

Следует подчеркнуть, что в финансировании предприятия не принимали участия ни ЦРУ, ни британская «Интеллидженс сервис», ни французское «Второе бюро». КГБ тоже ничего не подкинул из своих скромных бюджетов. Расходы по покупке бумаги и по перепечатке текстов оплачивали сами авторы на основе равноправной складчины. Клеили странички все по очереди, однако главным заклейщиком был Евгений Попов, поскольку все производство происходило в полуметре от его койки.

Вдруг в самом начале 1979 года завыли сирены в Московской писательской организации. Соответствующие органы задействовали триумвират К-К-К и примкнувшего к ним еще одного «рабочего секретаря», Л. Карелина, то есть четвертое «К». Началась вся эта позорная эпопея.

К этому времени два экземпляра «Метрополя» были уже за границей, один — в издательстве «Ардис», в США, второй — в «Галлимаре», в Париже. Сценарий у нас был довольно простой. Представить альманах Госкомитету по печати на предмет издания в СССР, хотя бы минимальным тиражом. Условие одно — наши тексты неприкосновенны, цензуре не подлежат. В случае отказа издавать за границей в упомянутых издательствах.

Что касается другой стороны, то у них либо был какой-то более изощренный зловещий сценарий, либо не было никакого, одно лишь неодолимое желание подавить все, что возникает в народе без их ведома.

Машина шантажа и дезинформации заработала на полных оборотах. Увы, рядом со старыми сталинцами, вроде Г. Жукова и Н. Грибачева, среди душителей «Метрополя» оказалось немало писателей, которых привлекли для придания нехорошему делу хоть некоторой респектабельности. Старый принцип — повязать как можно больше людей. Писателей приглашали в секретариат и предлагали ознакомиться с альманахом. По требованию К-К-К-К один из двенадцати экземпляров оригинального издания был предоставлен авторами для этой цели. Он хранился в отдельной комнате, ключ от которой всегда носил при себе молодчага Кобенко. Писателей по одному оставляли в этой комнате на один час и запирали снаружи. Предполагалось, что за это время каждый сможет прочесть 1000 страниц текстов и сделать заключение, что перед ним образчик «порнографии духа» (выражение то ли Н. Старшинова, то ли Ю. Друниной) и нечистых намерений. Затем писателям конфиденциально давали понять, что дело очень-очень непростое, инспирированное из-за рубежа, чуть ли не из ЦРУ, создана большая троянская лошадь для взятия советской литературы изнутри, а во главе стоит «хитрый сильный опасный враг» Аксенов, который собрался на Запад и этим делом обеспечивает себе мировую известность и миллионные гонорары. Не знаю, поверил ли кто-нибудь в этот бред, никто, однако, его не опроверг.

Тем временем участников альманаха по одному вызывали в секретариат. С каждым персонально беседовали к-к-к-к-исты, прежде всего, разумеется, Ф. Ф. Кузнецов. Не знаю уж, кто оркестровал всю кампанию, ЦК или ГБ, но первой скрипкой был назначен именно этот теоретик нравственности. Каждого увещевали выйти из группы, «найти в себе мужество» отказаться от западной провокации, сохранить себя для советской литературы. Поначалу вроде бы все отказывались, потом поползли слушки то про одного, то про другого, что, мол, дал трещинку дружок, накарябал что-то для к-к-к-к-истов. Метропольцы предпочитали эту тему не развивать и вообще как бы отказывались верить в возможность предательства. Наконец начались более активные мероприятия, на которых соответствующие глазки зорко следили, чтобы действовал нерушимый принцип всеобщей повязки. До сих пор ясно вижу нагло развалившихся в креслах «сталинских соколов» Грибачева и Жукова. Им явно нравилось судилище правления Московской писательской организации, они им как бы с наслаждением дирижировали. Даже бьющий все рекорды низости Ф. Ф. Кузнецов как бы признавал, что они главные, что у них перед партией больше заслуг. У других садистического кайфа вроде было поменьше, но энтузиазма тоже хоть отбавляй.

Единственным человеком на этом солидном сборище (там было, пожалуй, не менее сорока писателей), который призвал не спешить с принятием заготовленной загодя резолюции (смысл ее заключался в том, что «Метрополь» — это инспирированная извне и организованная Аксеновым акция по подрыву Союза советских писателей), оказался критик Ал. Михайлов. Пару лет назад мы с ним встретились в Вашингтоне. Знаешь, сказал я ему, признаться, я был удивлен, что хоть один решил не замазываться. Эх, махнул рукой он, потом, «в рабочем порядке» я за все проголосовал, что требовалось.

Это был, по сути дела, мой последний контакт с Союзом писателей. В декабре 1979-го я отослал в секретариат свой членский билет в знак протеста против глумления над нашими младшими друзьями Е. Поповым и В. Ерофеевым. К этому, собственно говоря, все и шло. Отказались от членства в СП и два наших поэта, Семен Липкин и Инна Лиснянская.

Известно, что слово «застой» по отношению к брежневскому стилю жизни впервые появилось в авторском предисловии к нашему альманаху. «Состояние застойного тихого перепуга» — так там было сказано. «Метрополь» вылетел из трясины, как шутиха, вызвал в СП СССР состояние уже не застойного, а лихорадочного перепуга, которое затем сменилось лихорадочным желанием не пропустить момент, забраться в кузов карьерной трехтонки, хоть на подножку вскочить, хоть за буксир уцепиться. Один из примеров этого жалкого нахрапа недавно продемонстрировал С. Куняев в своих мемуарах.

Поэта тогда не вполне устраивало, как Ф. Ф. Кузнецов ведет дело,— недостаточно все же выявляет вражеские замыслы. Хотелось обскакать вождя, указать руководству не только на «порнографию духа», но и на отчетливые сионистские душки, которые Кузнецов по каким-то пока неясным причинам не замечает, а из этого следует, что нерадив, что пора бы и место уступить более внимательным. Поэт написал большой до... прошу прощения, тут, кажется, я что-то по эмигрантской ущербности с родами перепутал... ну да, большую докладную записку в ЦК КПСС и стал ждать оттуда благостных вестей. Увы, не поняли товарищи лучших намерений. Вместо повышения получил Станислав порядочную взбучку на Старой площади, даже вроде бы кричали застойные ретрограды на товарища по партии: «Не лезь попэрэд батьки!» Далее мемуарист нарисовал картину, которая стала для меня едва ли не хрестоматийной иллюстрацией ко всей истории Союза писателей СССР. Униженный и оскорбленный, он вышел из здания, в котором сосредоточено было все для него самое дорогое, пересек улицу и сел на бульваре к подножию памятника «Героям Плевны». Непонятый, отвергнутый докладчик у памятника богатырям прошлого! Сердце какого русского человека не дрогнет от сострадания? Быть может, именно в эти минуты в душе Станислава и происходил переворот от неблагодарного марксизма к благодарной заединщине, во всяком случае, именно в эти минуты он решил пустить свою докладную записку в патриотический самиздат, превратить заурядный «стук» в один из главных текстов родной литературы, чтобы рядом с «письмом Белинского к Гоголю» отныне стояло «письмо Куняева к Беляеву».

«Метрополь» как общественный феномен оказался лакмусовой бумажкой для многих. Увы, нередко бумажке приходится и нынче краснеть вместе со щечками испытуемых временем персон, и это еще, следует сказать, не погибший вариант, не совсем бросовый материал в смысле человеческих качеств, если все-таки краснеет. Полный шлак выявляется тогда, когда щечки не окрашиваются в унисон с результатами пробы. В свое время я был ошеломлен размахом предательств и недобрых чувств в свой скромный адрес, теперь нередко столбенеешь при виде того, как в жизни осуществляется поговорка «Плюнь в глаза, все Божья роса».

То вдруг на приеме в Пен-клубе к тебе, предлагая широкое рукопожатие, направляется человек, десять лет назад с трибуны собрания требовавший твоего расстрела,— теперь он с недоумением смотрит, как при виде его протянутой руки твои руки непроизвольно убираются за спину... То вдруг в вашингтонской толпе за плечи обнимает не кто иной, как сам оперуполномоченный Феликс Феодосьевич Кузнецов... Вот напишешь такое в романе, скажут: «Слишком в лоб»,— российская, однако, жизнь, тем более на американской территории, нередко предлагает подобные неизощренные варианты, именно по лбам и шаршит. Кузнецовская грязная улыбка лезет прямо в лицо. «Ну, чего же ты, Вася, все злишься, что же ты такой злой?» — как в прежние времена говорили: «Вот такая, бля, разыгрывается «достоевщина».

Надо сказать, что никогда к этому разряду дряни злобы я не испытывал и уж, разумеется, жажды мести не питал. «Злобы у меня к тебе, Феликс, нет, а вот презрения за эти десять лет никак не убавилось»,— сказал я и, потрясенный прямолинейностью этой драматургии, поспешил удалиться.

Наконец начинают набрасываться на холст полутона, четкие линии размываются, пятна красок, мешанина настроений — начинается импрессионизм. Приезжает старый и любимый друг, о котором я доподлинно знаю, что из всех написанных против меня объяснительных записок его была самая нехорошая. Он знает, что я это знаю, и я знаю, что он знает, что я знаю, и оба мы притворяемся, что ничего между нами не произошло, что мы ничего не знаем о предательствах и знать не хотим. Последнее, впрочем, почти соответствует действительности: хотел бы я не знать о своих друзьях ничего дурного!

Нынче установилось уже общее отношение к «Метрополю»: «сочувственное» в политическом смысле, как к примеру насилия бюрократии над творческим народом, и несколько снисходительное в литературном смысле: ничего, мол, в нем, как оказалось, особенного не было. Ни того, ни другого наш альманах не заслуживает. Мы не были невинными овечками, «грешными детками соцреализма». Мы прекрасно знали, на что идем, сами разбередили дряхлого монстра, и еще неизвестно, кто выиграл, а кто проиграл тот бой. Что касается «ничего особенного», то если сборник и не устраивает нынешних тех запоздало вдруг впавших в «неистовое виссарионство» критиков по части гражданского пафоса, то вряд ли все же кто-нибудь найдет и ныне другую коллекцию текстов с таким непререкаемым артистизмом.

Вспоминая нынче прошлое и разглядывая фото-«коллективки», эти многорядные кучи друзей на чердаке ли на Поварской, или на метропольском приеме в честь Генриха Бёлля на Котельниках, я думаю о том, что, невзирая на многие разочарования, «Метрополь» навсегда останется одним из ярчайших праздников нашей жизни.

САНДУНЫ ПРОТИВ КГБ

Сандуновские бани — известнейшие в Москве — постепенно приходят в упадок. Скоро исполнится сто лет нынешнему зданию бань, а деньги на капитальный ремонт не выделялись ни разу. С целью спасти бани от полного обветшания и собрались члены вновь созданного в Москве Общества любителей русской бани. Возглавил Общество Рабочий совет. В состав Общества вошли истинные любители русской бани, именно русской, а не какой-нибудь финской, которая, как утверждают знатоки, выходит из моды. Среди них пенсионеры и дипломаты, известные артисты и ученые, директора заводов и научно-исследовательских институтов, художники и архитекторы. В общем, публика солидная и по большей части влиятельная — видимо, это должно сыграть свою роль в возрождении Сандунов. И не только Сандунов, но и в возрождении и пропаганде русской бани вообще. Ведь что такое баня для русского человека? То же самое, что клуб, скажем, для англичанина. Но мало кто умеет париться по всем правилам — в удовольствие и не во вред здоровью, мало кто знает, сколько пива можно (и говорят, даже нужно!) выпить, чтобы приятно расслабиться и не нагрузить излишне сердце. И Льву Михайловичу Гаврилину, директору Сандунов и активному члену Общества, видится в будущем не просто баня, а скорее оздоровительный центр...

Здание на Неглинной, где сейчас находится магазин «Ноты», оказывается, раньше тоже принадлежало Сандунам. В этом здании были «нумера», меблированные комнаты, ресторан с цыганами, славившийся далеко за пределами Москвы, а также продолжение бань. Это было любимое место отдыха торгового люда, приезжавшего по делам в столицу. Теперь же баням оставлено лишь небольшое место в одном крыле, а здание занято поликлиникой и... госбезопасностью. Поликлиника вполне могла бы «вписаться» в оздоровительный центр, а вот все остальное... Ветераны и просто любители Сандунов считают, что здание по праву принадлежит Сандунам и должно быть возвращено. Любители русской бани собираются бороться за него всерьез.

Итак, Общество создано и начинает действовать. Одним из его членов, композитором Рыжовым, уже написан «Гимн Сандунов» на стихи поэта В. Яковенко, тоже любящего русскую баню.

«Я НЕ ЖЕНА КАРАЧЕНЦОВА...

...и никогда ею не была! Ну что за народ: стоит поплескаться с интересным мужчиной в ванной — и сразу придумывают черт знает что...» — Ирина Грибулина — композитор, автор и исполнитель своих песен, хоть и изображала семейную сцену в знаменитом клипе с Николаем Караченцовым, категорически отрицает прошедший недавно слух. Правда, она не спорит, что сцена происходила у Николая дома, в его собственной ванной, но, как уверяет Ирина, с полного ведома и согласия его жены. Почему клип снимался у Караченцова дома? Просто не сложилась у Иры любовь с Гостелерадио. Сама она это объясняет так: «Я все делаю сама. Я не завишу от композиторов, аранжировщиков и исполнителей. Я никогда никому не давала денег, чтобы протолкнуть что-то на экран. Возможно, ошибка, но характер не исправишь». Зато Ирина популярна в Италии — ну, еще бы: русская, симпатичная, блондинка, да еще и поет... Во время гастролей в Америке Ире предлагали посниматься в качестве фотомодели для «Плейбоя» — она отказалась и теперь, как сама призналась, страшно жалеет.

Что же касается семейной жизни — есть три предложения руки и сердца. Претенденты — из Милана, из Турина, с Сицилии («похож на грузина и золота на себе носит столько, сколько может вынести мускулистый мужчина»). Но Ира хочет любви исключительно на родине... Так что пока — незавидная однокомнатная квартира недалеко от кольцевой дороги и бассет-хаунд Барри, который свою хозяйку обожает и бешено ревнует ко всем, вплоть до телефонных звонков.

Остается пожелать Ире успеха на неприветливой родине. Сейчас она готовит сольную программу, в которой наконец-то скажет всем мужчинам, что она о них думает...

СЫТЫЕ, УМНЫЕ, ИНТЕЛЛИГЕНТНЫЕ...

Выглядит это примерно так: собираются в приятной обстановке приятные люди и за чашечкой кофе обсуждают — что бы сделать хорошего для общества? А обсудив этот интересный вопрос, скидываются, кто сколько может, кладут деньги на поднос и расходятся. Такое вот у людей хобби...

Во всем мире ротари-движение расцветает пышным цветом, объединив сегодня в 25 000 клубах более миллиона человек. В странах с рыночной экономикой основную часть членов этого клуба составляют предприниматели — так называемый средний слой, бюргерство, проще говоря — обыватели.

Ротарианцы должны быть сытыми, умными, интеллигентными. Они должны в своем клубе объединить деятельных представителей популярных в данной местности профессий, научиться любить друг друга и, основываясь на этом, создать маленькую, но действующую модель того общества, к которому они стремятся. Понятно, как непросто даются азы ротарианства его советским последователям. Хотя, по подсчетам вице-президента Московского Ротари-клуба А. Тарнавского, количество потенциальных ротарианцев в одной лишь Москве более миллиона. Правда, предпринимателей маловато, но зато есть оставшиеся интеллигенты и всегда испытывавшие к ним родственные чувства высокопоставленные чиновники, которых в Москве огромное количество.

Впрочем, ротарианцы сами себя ограничивают: среди членов клуба на каждую профессию есть своя квота, которая расширяется только для журналистов и дипломатов.

Говорят, прежде чем принять СССР в международную организацию «Ротари Интернейшнл», президент этой организации обратился в ЦК КПСС — он хотел получить гарантии, что в случае изменения курса страны советские ротарианцы не будут подвергнуты репрессиям за свою деятельность, что уже бывало при изменениях курса некоторых стран в сторону тоталитаризма.

Главный принцип ротари-движения — невмешательство в политику — требует от его членов соблюдения различных требований и условий. Ротарианцы не должны «тратить энергию на членство в других организациях», нельзя создавать новый Ротари-клуб в той местности, где один уже есть. Всего таких заповедей около 150, так что у кого попало тут деньги не берут. Чего стоит обязанность посещать все заседания клуба! Пропустил даже одно — членство может быть приостановлено. Правда, в московском «Ротари» этот принцип не очень соблюдается, но даже при льготном режиме три кандидата на исключение уже есть. По имеющимся сведениям, может «погореть» из-за своих частых пропусков председатель Мосгорисполкома Юрий Лужков. Но с кем же тогда останутся московские ротарианцы?

СКАНДАЛ В БЛАГОРОДНОМ СЕМЕЙСТВЕ

Члены королевских семей, президенты, премьеры и вся аристократия давно и надолго остановили свой выбор на большом теннисе. В Советском Союзе за отсутствием королей большую склонность к теннису проявляли дипкорпус, люди искусства и космонавты. Представитель последней профессии, летчик-космонавт Игорь Волк до недавнего времени вершил судьбы советского тенниса, возглавляя Всесоюзную федерацию этого вида спорта.

До недавнего времени. Пока не услышал: «Поцарствовали — и хватит!» Советский «теннисный двор» взбунтовался, и монарх был повержен. Не стерпев всеобщего осуждения за «снятие сливок с отечественного тенниса» и отсутствие общественно полезных действий, И. Волк покинул заседание Федерации задолго до его конца.

Свято место пусто не бывает. На сей раз теннисная общественность отказалась от выбора «свадебного генерала». Президента-космонавта сменил президент-профессионал Шамиль Тарпищев, бывший старший тренер мужской сборной СССР. Правда, еще один непрофессионал в теннисных верхах остался, но ему, похоже, насильственное свержение не грозит. Кинорежиссер Никита Михалков, глава российской федерации тенниса, вошел в роль лучше своего бывшего коллеги.

К теннисной короне, правда, совсем другой пробы, примерилась мастер спорта Елена Макарова, победительница первого в СССР турнира советских теннисистов-профессионалов с призовым фондом 40 000 рублей. Победительнице из этих денег досталось 5 тысяч. И Золоченая корона — эмблема организатора турнира, теннисного клуба «Петровский парк». Кстати, столь аристократическое название и дворцовая атрибутика сменили довольно прозаическую символику московского «Динамо», на базе которого возник как малое предприятие новый клуб.

В придачу к конверту с советскими рублями победительница получила несоветский чехол для ракеток новейшей модели фирмы «Про Кеннекс». Если бы Лена выступала под флагом «Петровского парка», а не ЦСКА, к чехлу получила бы полную теннисную экипировку от «Про Кеннекса» и полную независимость от превратностей борьбы за власть на вершине пирамиды советского тенниса. Малый бизнес бросает перчатку большому Госкомспорту?

РОССИЙСКИЕ КУПОЛА

В Киноцентре состоялась презентация театра-лаборатории моды «Антре». В каких пропорциях там лаборатория, театр и мода — каждый из присутствовавших может решить сам. Одно можно сказать наверняка: коллекции одежды, созданные художником Сергеем Ворониным, представляют интерес. Особенно в сопровождении трогательного комментария: «А вот ткань бумазея по два девяносто метр, а вот ткань бельевая, давали на Ленинском проспекте по двенадцать метров в руки, стояли всем театром...» Надо заметить, что глобальный дефицит здорово отразился на моделях. Коллекция платьев из белой хлопчатобумажной ткани, которую авторы любовно называют «Наволочки», ни на что другое и не могла быть похожа.

Совершенно другое дело — коллекция, посвященная тысячелетию крещения Руси. Шелка, золото, камни... Художник тот же, но ведь создавалась коллекция два года назад... Интересны модели по мотивам древнерусской архитектуры — представьте себе девушку в белом платье, напоминающем по силуэту церковь, на голове — золотая шапочка в виде церковного купола. Веселое оживление в зрительном зале вызвало платье, где два выпуклых купола расположились немного пониже спины...

В антракте было шампанское. И вдоволь...

ЕВРОПА ПЛЮС ФЕДОРОВ

Пятизвездочным бывает не только коньяк, но и отели. И не только «у них», но уже и у нас. А Святослав Федоров, оказывается, не только хирург экстра-класса, но и владелец 51% акций недавно открытого в Москве отеля «Pulman». Это один из разветвленной сети отелей «Hotel Pulman iris», открытых во многих городах мира, и, как уверяют, самый дорогой отель в Европе (правда, Восточной). Цена одного из 211 номеров (десять из них предназначены только для клиентов Федорова) — от 1500 до 4500 французских франков. Актовый зал (он же благодаря убирающимся креслам танцевальный), автопарк из 40

автомобилей «рено», французский парикмахер, сауна, бассейн — все, как в лучших домах. Ресторан «Елисейские поля», кафе «Французское», бар, не без выдумки названный «Pulman»... Все продукты доставляются из Франции. К услугам деловых людей — бизнес-центр. Жить, конечно, простому человеку в таких условиях непривычно, но посмотреть есть на что. Репродукции и гравюры в номерах и ресторане оцениваются приблизительно в тысячу долларов каждая. В настоящее время идет доделка семикомнатного президентского номера с отдельной кухней... Нельзя поручиться за кухарок, но здешние горничные, пожалуй, не оплошали бы в смысле управления государством: высшее образование, обязательное знание двух-трех языков. Возраст — от 21 до 26 лет... Так что работать в таком отеле, пожалуй, еще и престижнее, чем управлять государством. Правда, персонал недоволен: работа тяжелая, платят мало... Единственный довольный человек — повар: «Да я бы на таких продуктах бесплатно мог работать...» После создания своего профсоюза персонал «Pulman» собирается начать бороться за свои права. В общем, все, как у людей...

МУЗЫКАЛЬНАЯ ДОРОЖКА

ИГРАЙ, ОДНОГЛАЗЫЙ!

Никто так хорошо не осведомлен о музыкальных вкусах конкретных представителей абстрактной советской мафии, как музыканты ресторанных ансамблей.

Среди любимых песен «хозяев жизни» такие, как «А нам все равно», «Не кочегары мы, не плотники...», «Эх, хорошо в стране советской жить». С тем, что в стране советской жить хорошо, вряд ли согласятся музыканты. Для них речь идет не о том, как жить, а о том, как выжить. Причина их пессимизма в том, что порой любовь к музыке посетителей столичных ресторанов принимает самые необычные формы.

...До пяти утра по убедительной просьбе хорошо вооруженных любителей эстрады продолжался вечер с песнями в ресторане гостиницы «Космос». Солировал у микрофона метрдотель ресторана, видимо, пользующийся особой любовью клиентов. Милиция несла охрану снаружи. К счастью, обошлось без жертв.

Любовь к музыке порой трансформируется в любовь к музыкантам. Точнее — к певицам ресторанных ансамблей. Не выдержав бремени мафиозной любви, певица ансамбля ресторана «Урал» вынуждена была срочно уехать на гастроли в провинцию, чтобы не огорчить отказом предводителя мафиозного клана, предложившего ей руку и сердце. Так же сложилась судьба певицы ресторана «София» — ей пришлось срочно менять место работы.

Довольно часто отечественные мафиози, обсуждая с музыкантами репертуар — что играть, почем и что в первую очередь,— достают из-за пазухи оружие, как холодное, так и огнестрельное. Правда, чаще ограничиваются тем, что просто демонстрируют его. Тем не менее чувство юмора покидает музыкантов, и все чаще им приходится обращаться за помощью к милиции. Ее платные услуги (5 рублей в час на человека) достаточно эффективны, но где взять деньги? После операции по обмену 50- и 100-рублевых купюр опустели столичные рестораны, если не считать все тех же «хозяев жизни». Так что — играй, одноглазый!..

НА ТУ ЖЕ «ТЕМУ»...

Еще не успел утихнуть скандал, связанный с регистрацией Моссоветом газеты «Тема», а жизнь идет своим чередом и подбрасывает нам новые факты, вызывающие самые разные чувства...

Впрочем, видавшую виды московскую публику трудно чем-нибудь удивить. Гражданин Союза Советских Социалистических Республик Сергей Рошаль, в прошлом известный как администратор множества популярных музыкантов, ныне один из издателей журналов «Душа и тело» и «Рошаль», один из организаторов музыкальной группы «Рошаль-мод шоу» объявил о своем намерении принять предложение руки и сердца от гражданина Дании. Бракосочетание должно состояться в мае этого года в городе Копенгагене, где это считается вполне обычным делом. Оттуда новобрачные отправятся в Сан-Франциско, куда они приглашены для участия в так называемом гей-параде.

Дальнейшую свою жизнь Сергей Рошаль намерен построить следующим образом: заняться изданием журнала «Европолис», вырученные деньги вложить в производство в Советском Союзе баночного пива «Рошаль», а по достижении тридцати пяти лет баллотироваться от радикальной партии в Общеевропейский парламент.

Рисунки Евгении ДВОСКИНОЙ.
Фото Юрия ФЕКЛИСТОВА.

Выпуск подготовили Светлана Бавыкина и Юлия Сударенко.
Им помогали Наталья Латушкина, Инна Вальковская, Михаил Ростошанский, Павел Астахов.
Будем благодарны вам за информацию о сенсациях, интересных фактах и событиях.
Ее можно сообщить по телефону 212-23-07.

ПАСТОРАЛЬ

Алла БОССАРТ

А здорово он придумал, любимый нашим поколением Вася: параллельная Россия. Как лихо и весело помчалась бы она по капиталистическим рельсам, играя голубой белогвардейской кровью в жилах, кабы высадились поручики и корнеты на райском острове вместо того, чтобы сгинуть в гнилой жиже Сиваша. Одно лишь маленькое географическое допущение — и благоденствие для нации. Пусть и не для всей, пусть лишь для российской почки,— но хоть было бы куда эмигрировать. Я понимаю русского писателя Аксенова: рвануть в Америку — не штука. Смоделировать Америку, и даже лучше, у себя, среди своих; есть, пить, ездить, покупать, работать и отдыхать, как весь Общий рынок, но при этом говорить и писать по-русски — вот хрустальная мечта российского интеллигента. Он сочинил лучшую из утопий, и я бы первая туда сбежала, будучи принципиальным противником эмиграции, ибо нет для нас, потерянных и обманутых родиной беспризорников, иной земли обетованной, кроме Острова Крым. Кроме выдуманной белогвардейской России. Которая, впрочем, тоже ненадежна, ибо безнадежны мы в своем мазохизме, своей доверчивости, в своей ностальгии, которая, как гемофилия, раньше нас родилась и гонит нас в пасть Общей Судьбы. Прощай, Остров Крым, я ищу и не нахожу тебя, ибо правила игры такие, что проигрывает здравый смысл, и нам не выкарабкаться... Но мы играем. Хотя бы неделю в году дайте пожить нам выдуманной жизнью, сделайте нам красиво, вдохните йод в наши бронхи, причастите нас теплым кагором на солнечной террасе, чтобы задрожало в знойном мареве и раскололось солеными брызгами наше чадное проклятие с запахом помойки и тухлой рыбы и хриплой частушкой у забора автобазы. Кто не любит Крым, Василий Палыч! Какой русский, украинский и татарский, какой немецкий и польский не любит его! Лучшего места для вашей процветающей альтернативы не найти...

Но нет, не высаживались юнкера, падали, раскинув руки, поручики в береговой прибой, и кипела розовая вода за кормой последнего парохода на Стамбул, и пьяный штабс-капитан на палубе размазывал слезы и крыл по матери распаренную истерикой и шубой певичку варьете.

Стой, вернись, Мими, или как там тебя, Жужу! Мы отмотаем пару сотен метров назад, мы все-таки рискнем. Ну, пошла давай, ноги из-под мышек, перья и каблуки — а больше ничего. И офици-

ант скользит черной тенью, сверкая во тьме белым пластроном и манжетами; звякает лед в бокале, крутые мужики с загривками делают себе Париж, что под их градусом и в их трактовке легко достигается темнотой и высвеченной прожектором серебристой ягодичкой.

Нам сложнее. У нас нет валюты, и нас не поят в этом баре, где девочки танцуют практически голые и дамы практически в соболях. Но нам тоже хочется Парижа или Острова Крым, и мы, рядовой совдеповский контингент, бросаем немытую посуду в своей хрущобе, бросаем свой прокуренный кабинет и слегка помятый, обслюнявленный рупор гласности и, отмахиваясь от очередей и митингов, забастовок и погромов, пленумов и разблачений, мчим на южный берег на абсолютно нелепую в этом контексте тусовку под названием, вообразите себе, «Ночная феерия», объявленную как фестиваль театров-варьете. Как хорошо быть журналистом...

Между прочим, в нашем корпусе есть, оказывается, специалисты по эстраде. Не надо думать, что они отгородились от проблем, ищут, прыг-скок, легкой жизни. Про эстраду, как и про футбол, и про секс, и про школу, и про кино, и про армию, и про торговлю, и про суд, и про церковь, и про коммерцию, и про баню, и про укладку кабеля на оживленной магистрали в часы пик, можно сказать, что это — зеркало общества, или зеркало перестройки, как вам больше нравится. Мой приятель, например, взялся отрецензировать «Ласковый май» — и угодил на месяц в больницу с переломами ребер.

Такая мафия, такие нравы, вы, девчонки, себе представить не можете, что за прелесть! Приглашенный балетмейстер ставит номер в одном валютном шоу. А потом тот же номер берет и ставит в своей собственной программе. «Какой цинизм!» — изумляется коммерческий директор валютного шоу, Крестный Отец отечественного варьете, и посылает к балетмейстеру двух молотобойцев. Впоследствии балетмейстер со своей труппой, как заяц, мечется по стране, зализывая раны, и Крестный Отец достает его повсюду, давая вздохнуть только в радиусе Полярного круга.

Вот это жизнь!

Я не специалист по эстраде, но мой жизненный опыт подсказывал мне, что Ялта в начале октября — шаг к реализации утопии, и приглашение Союзконцерта было принято. Идея провести фестиваль именно варьете именно в Ялте приближалась к гениальной. Самое злачное зрелище в самом злачном месте — вы догадываетесь, какие птицы слетелись сюда? Приобщиться к изумительной, социально пассивной полноценной неге не просто приятно. На наших глазах отдельно взятая территория вступала в противоречие с законами природы и общества: из-под официальной проступала островная версия, островной вариант если и не Крыма, то по крайней мере города Ялты, или уж, во всяком случае, одноименной гостиницы, где заселился и грянул фестиваль.

Дамы и господа, товарищи! Оторвитесь от котлеты и посмотрите направо, налево или даже назад, в зависимости от расположения вашего столика. То, что вы видите, не просто ноги, ноги, ноги, переходящие в шляпки. Варьете как театральный жанр существует, господа, ровно двести лет, и ни разу за эти годы перед ним не ставилось социальных, политических и революционных задач. Сугубо досужий характер и развлекательный пафос кабацких шоу привели этот жанр в полный упадок в стране победившего социализма в отличие от родины варьете Франции, где социализм, возникнув примерно тогда же, когда и варьете, к счастью, не победил. Русские шансонетки и кордебалет даже не пытались доносить до молодой советской республики идеи Октября, полагая, что в этот месяц умирают только хризантемы. Они уплыли в Марсель и Константинополь, а те, что остались, нанялись барышнями в конторы.

Поэтому, когда рестораны нашей страны вновь запросили песен и новые девочки, выше ростом и площе в груди, вышли в перьях на подиум, такого театрального жанра уже никто не помнил, и варьете стало приложением к кухне — во всех смыслах. Реальными хозяевами артистов варьете стали хозяева ресторанов — директор, шеф-повар, метрдотель, начальник треста или другой общепитовский мафиозо. Когда агитбригаду ставят на коммерческие рельсы, она неизбежно перерождается в порнографию. Так произошло с советским варьете. Оно перестало быть не только почтенным зрелищем, в истории которого записаны имена Марлен Дитрих и Эдит Пиаф, но и зрелищем просто приличным. Отечественное варьете вы, господа, рассматриваете обычно как команду платных красоток, для которых ночевка дома не является наиболее строгим из принципов. И вы не так уж резко не правы. В зарубежных контрактах советских варьете специально оговаривается пункт дополнительной оплаты за «беседу» герлз со спонсорами. Собеседницы из них, конечно, бесприемные.

Художественный руководитель объединения «Творческий эксперимент» при Союзконцерте Анатолий Пилюгин сказал себе, а впоследствии мне: надо вывести жанр на тот уровень, чтобы в нем не распоряжались швейцары и повара. Чтобы эстрадная мафия не обкладывала варьете оброком при попытке вырваться с кухни на концертную площадку. Чтобы вывинтить красный фонарь над кордебалетом. Чтобы варьете вписалось в контекст советского искусства и — шире — культуры.

Но культура — это одно, а советская культура — совсем другое. Поэтому, пока культура остается советской — а я не вижу способов изменить ее качество в обозримое время,— варьете останется при кухне. Причем при советской кухне. Со всеми вытекающими из нее последствиями. Не забудем, право же, на чем наш ресторан делает план.

И поэтому я рукоплещу простодушному мужеству утопистов, которые вместе со мной решили поиграть в Остров Крым, ибо только на острове, на части суши, со всех (обязательно со всех) сторон окруженной водой, можно сохранить сегодня рассудок и душу. А уж из чего сделан остров — из огорода, из ядерной физики, из литературы или из маленькой эстрадки, со всех сторон окруженной пьяными мордами,— вопрос второй. И, может быть, легкомысленный остров варьете особенно обаятелен потому, что ведь это трогательно и неожиданно, что в нашей чуме кто-то беспокоится о красивом удовольствии.

— У нас собираются вводить чрезвычайное положение,— ворчала крымская журналистка,— а тут... Для нас, крымчаков, все это мероприятие — пир во время чумы.

В упомянутом мероприятии — я имею в виду пир, а не фестиваль — привычно усматривать разгул цинизма. А ведь это ренессансный образ и ренессансная идея. Не знаю, мне нравится. Во всяком случае, больше, чем митинги, на которых так легко и приятно почувствовать себя борцом и героем. Спорим, что если КГБ сейчас подведет манифестации под достопамятную 58-ю статью — а несколько подряд выступлений их руководителей ох и взбодрили нашу память,— вот спорим, что на площадях столицы останутся стоять те же семь человек, что и в 68-м году. Хотя и их ряды поредели. В Крыму тоже митингуют. Но за что? Вернее, против чего? Против татар, которые самовольно вернулись из Сибири и селятся во времянках на землях своих недавних предков. Пока митингуют. Хотя времянки уже горят...

А в это время...— как сообщалось в титрах немого кино — ...под увертюру Чайковского носилось по сцене войско Мышильды в тюлевых плащ-палатках (и только — если не считать крупных мышиных голов). Позднее те же барышни принимали воздушные ванны в кошачьем обличье, при тех же великолепных бюстах, что, правда, мало приближало их к бродвейским «Кэтс», если судить с позиций не только зоологии, но также искусства и культуры.

...пикантная русская гречаночка по имени, клянусь, Афина, в желтеньком намеке на платье, голосом Патриции Каас шпарила прямо по-французски весь ее репертуар, и моя дочка таращилась на нее во все глаза, онемев от восторга. Столь же искушенные зрители разделяли дочкины чувства, но, разгоряченные ассортиментом бара, пошумнее. Пожалуй, пошумнее самой Афины.

...восточный деспот оприходовал свой гарем, и, надо признать, у них было чему поучиться. Я боялась, что советами замучают, но ничего, обошлось. Пресса и участники, как и я, пытались отвлечь своих детей шоколадом. Дети шоколад поедали, но бдительности не теряли.

...еврей плясал свой грустный танец, доставал лаковые башмаки из шелкового узелка и дышал на них, и прижимал к сердцу, а скрипка визжала пронзительно, и башмаки сверкали на ногах плясуна, откалывающих свои горемычные еврейские коленца. «Хэ,— сказал Илья Резник,— надо бы, чтоб они жали!»

...и ламбада, конечно, которую тактичные рижане умудрились начисто лишить эротики. Такая вежливая, окультуренная ламбада...

И так далее, а на самом деле — во многом весело, красиво и даже сексуально в наилучшем смысле этого слова, впрочем, все его смыслы хороши.

По утрам же я брала свою малограмотную, но чрезвычайно благовоспитанную дочь, школьные будни которой оказались так дерзко взломаны, словно в мультфильме, где с книжной страницы в класс обрушивается синяя волна, и мы скакали на пляж. На людной набережной она мои скачки категорически обрывала, шипя: «Перестань же, подумают, что ты сумасшедшая!» Однако никто так не думал, потому что легкое помешательство, некий сдвиг были присущи тут всем и самому пространству. Оно казалось нарисованным на стекле, за которым осталась злая, худосочная и пасмурная жизнь. В нее нельзя было поверить, хотя она пыталась напомнить о себе. Жизнь врывалась нелепыми и дикими ночными истериками наших соседей — через общий балкон к нам летели порывы мата и рыдания, и женщина с утомительным однообразием скандировала: «Сволочь, сволочь, обещал — не брошу!» Жизнь вползала тенями затянутых в кожу громил — чьих-то телохранителей, которые, щелкая красными корочками, проникали всюду, и девочки из варьете, даже эти бедовые девочки, шарахались от них, одергивая набедренные повязки, символизирующие юбки. Но и эти мелочи как-то вписывались в Остров Крым, если вы помните. В маленьких открытых кафе свободно продавалось дешевое сладкое крымское вино. Женщины делали массаж. Мужчины, с утра слегка подшофе, мило ухаживали. Спущенные с поводков загорелые дети успокаивались, не хамили, хорошо ели, всюду лазили. Ничего не болело. Спалось сладко. Мысли о судьбах родины, как и вообще мысли, не мучали. У Махмуда Эсамбаева, председателя жюри фестиваля, сперли из номера шестьсот рублей и Звезду Героя. Махмуд улыбнулся. Его барашковая папаха плыла над голоногой, голоплечей, гологрудой толпой, он изысканно гулял по набережной, в галстуке, в сильно приталенном пиджаке, в ботинках на высоких каблуках, в окружении свиты прихлебателей. Махмуд всех поил и кормил. Махмуд говорил: «Дети мои! Я увидел Париж 32 года назад — Лидо, Фоли-Бержер, Мулен-Руж... Потом я увидел «Тропикана», когда на Кубе был Батиста. Потом я приехал при Фиделе, там был уже другой «Тропикана»... Что такое варьете и кабаре? Это то же самое, что Большой театр Союза ССР. Но у Большого театра есть только прошлое. Он держится на былой славе и разрушает ее на профсоюзных собраниях. А у варьете — будущее. Если у кого-то из нас есть будущее. Я умный человек и всю жизнь сижу в Верховном Совете. Что я там делаю? Ничего. Чем я отличаюсь от остальных его членов? Тем, что сижу в папахе. Дети мои! Мне 66 лет, и еще пятнадцать лет я буду блистательно танцевать. Танцуйте, дети мои! Мы прорвемся, как эти рок-шмок прорвались и жить нам не дают, нечесаные. Нам в варьете придется причесаться. Нам надо уметь петь и танцевать — блистательно, как я. И плюс мы должны показывать, как надо одеваться и ходить. Ходить надо, дети мои, туда и сюда...»

На Остров трудно добраться. Такси из Симферополя не ходят, потому что дороги пикетируются населением, охваченным чумой национальной борьбы. Частники ломят по полсотни за место. С Острова трудно выбраться — стада самолетов пасутся без керосина. Всюду жизнь, как реалистично изобразил художник Ярошенко.

Но жить на Острове легко.

Туда и сюда ходит по Острову элегантный пожилой чеченец, и свита смотрит ему в рот. И все, грубые, равнодушные и циничные на материке, здесь — обаятельны и безумны. В безумных декорациях какого-то безумного фильма что-то кричит в мегафон до безумия красивый режиссер, и какие-то безумные женщины безумно поводят своими длинными руками на фоне неба, и длинные плети искусственного плюща оплетают белую террасу, и белого господина с мегафоном, и долгоногих девушек в цвету, и всю эту картинку на стекле, обрамляют ее стеблями в стиле модерн. И нарисованное море тихонько плещется. Шуршат в сухом кустарнике маленькие грызуны. Маленькие птицы в холмах перепархивают небольшие расстояния. А в левом верхнем углу плавится в софитах солнце из желтой фольги. И — ни души.

Только моя золотистая девочка с волосами до колен прыгает в прибое, как ветка крымского кустарника в осенней паутине.

Танцуйте, дети мои!

Конец фильма.

Ах да, а что же фестиваль? Отмечены, конечно, лауреаты... Кто-кто... ну какая вам разница? Все равно вы ничего не видели. Меньше митингуйте. Специальный приз прессы, по моей просьбе, вручен, пока не поздно, виртуозному музыкальному дуэту из прелестного ялтинского шоу Аркадия Бернштейна — Давиду Эстерману (скрипка) и Роберту Саянову (кларнет). А то виртуозы имеют обыкновение уплывать на другие острова и материки.

Общая стоимость фестиваля — 80 тысяч. До встречи в будущем году, дети мои!

...Жаль, что вас не было с нами. Жаль, что география безвариантна — как история.

КРАСНЫЙ ОСТРОВ

Начало на стр. 6.

Е-516: он фермерам канцлера Коля теперь на́ дух не нужен, а мне, начинающему, в самый раз. И с транспортом не стану я, простите, пятилетками ожидать нового «газона», пока свекла теряет сахар, но в лепешку разобьюсь, чтоб заполучить (по бросовой *для них* цене) «форды» из списанного «эквипмента» армии США. Должен же я что-то иметь со списания наших танков, на которые почти сорок лет трубил? Не-ет, и техникой обзаведусь другой, и в агростратегии вас копировать не стану. Зачем — чтоб с вами катиться вниз? Вот вы все сырьем сдаете, а мне это противоестественно и смешно, потому что я знаю: простейшая переработка удваивает доход с гектара. Поэтому «Кормилец Нижнего» или «Нижегородская ярмарка» (не решаю за вольных фермеров, как точно будет зваться их ассоциация в пятьсот га) непременнейшим образом будет иметь и сыроварню (район летом не знает, как переработать-сбыть сто тонн молока ежедневно! Отбор одного молочного жира на примитивных заводах — все равно, что использование из яблока только семечек), и крупорушку для превращения здешней гречихи в ядрицу, и всесезонный колбасно-коптильный цех, где каждый мастер будет давать чистого дохода за троих свинарей как минимум.

Я понимаю, четверть века назад уже писал, что система боится перемен в технологии, как перемен во власти. С отклонений в технологии как раз и начинали Снимщиков, да Худенко, да Белоконь: единожды ослушался — и как тебя потом вгонишь в колею? Судили не только за глубину вспашки, это только при Сталине,— судили и сажали за отклонения в технологии и в заданной структуре хозяйства, ибо здесь тоже элемент освобождения... Но ничего от вас скрывать наши люди не станут — в этом и будет основа состязания в режиме наибольшего благоприятствования.

— Люди? Какие люди? Откуда вы их хотите брать?

А это уж мое дело, Загид-ага. И условия, на каких пройдет прием в ассоциацию,— исключительно мое дело. А сколько будут зарабатывать — их дело, Загид-ага, личное и даже интимное дело. Вот вы на подряде пла́тите по пятьсот на семью — говорите: много. А это как в среднем у колхозника по РСФСР (246 рублей в 1990 году) — и телята худые. А у доктора Федорова доярки стали зарабатывать по тысяче — и коровы справные, и давать стали много...

Взорвался Айсин! Оказывается, ему не *люди* нужны были под боком, а я, лично я единолично: чтобы сам вкалывал на пятистах гектарах, как, скажем, канадский фермер, сам хлебнул бы колхозного бытия — и еще попробовал бы, связанный по рукам и ногам, дотянуться до итогов Айсина! А зарабатывать «сколько выйдет» рядом с Красным Островом он не позволит: может, выйдет по сто рублей в день, так что — и с этим мириться?

Загид-ага, мне незачем проверять, покатится ли ваша система вниз. Это любая пенсионерка в Нижнем проверила. Зачем же мне повторять ваш опыт? Вот вы заявляете, что аренда провалилась, разметена без остатка, как зола под ветром. Я не согласен, что так уж и вся, но что у вас она бы рассыпалась еще до зачатия — сразу же киваю. От вас и свои-то, кто посмышленей, уходят, сами жалуетесь: много дебильных стало. Надеюсь, меня-то вы полным кретином не считаете, вы ведь сам умный человек, верно, Загид-ага? А достижения, отправившие вас на съезд... Лет тридцать назад я тоже кричал бы «ура» двадцати центнерам, но месяца три назад беседовал с кооператором, агродельцом из Италии, и тот уверял меня, что зерновые в две тонны на гектаре молотить нет смысла. Уборка обойдется дороже. «Амброзио,— кричал я (а его звали Амброзио),— вы сошли с ума, да это прекрасный сбор — две тонны, человечество шло к нему века!» — «Человечество никогда не платило комбайнеру даже десяти тысяч лир в час,— печально отвечал кооператор.— Без шестидесяти центнеров пшеницы с га я вылечу в трубу со скоростью ракеты»...

Под занавес Айсин нес уже меня одной левой — будто не он меня одарил, а я месяца полтора добивался аудиенции у него на Красном Острове! Впрочем, де-юре и тут виновен оказался Ельцин. Первую телеграмму Айсин отослал до съезда РСФСР, когда землею еще распоряжался колхоз. А теперь дать нельзя ничего: хозяином Ельцин сделал районные Советы! Почему и пошла вторая телеграмма в ЦК КП РСФСР о референдуме.

Вождь Красного Острова, видно, не знал, что телеграфистки помечают время. Простота, я говорю, неиспорченность...

III

Приезжал я не один, а с двумя спутниками. Один, доктор С. Н. Федоров, привлечен был умозрительно, как модель, действующий пример. Второй, зовут его Игорем Алексеевичем, был реальностью, ехал посмотреть как деловой и денежный человек: может ли из этого взаимного политического надувательства получиться что-нибудь путное? По дороге он купил в сельпо хомут — для нового землевладельца. Я отбивался, хотя хомут был дефицитом.

Доктор Федоров показал, что́ такое мотивация сельского труда. Когда Институт микрохирургии глаза брал себе тысячу с чем-то гектаров под Икшей, я публично остерег мужиков в Протасове: новый хозяин выгонит четырех из каждых пяти — пьяницы и несуны ему не нужны. Характерно: народ не возражал, тактично безмолвствовал. Но пошла в замечательном совхозе «Борец» эта самая мотивация — стал Федоров платить семьсот в месяц там, где с приписками наскребали двести, потом устроил, что можно стало зарабатывать и тысячу, если доишь действительно корову, а не голову крупного рогатого скота — и горизонт уже показал как реальность две тысячи в месяц. Деревянных, инфляционных! Новации с нуждою в валюте затронули едва ли десятую часть, а удвоение валовки за два года достигнуто именно получением *смысла нормально работать.* Но народ в общем и целом остался тем же самым народом, живущим вдоль древней дороги на Дмитров. Доктор и церковь в родовом имении Суворовых восстановил — ходят, интересуются. Тот же народ, только открыл грани характера, колхозно-совхозной системе ненужные. Я был не прав — прав оказался Федоров. И «архангельский мужик» Сивков уже его компаньон, и ярославец Ежиков тоже!

Согласен с Айсиным: Федоров один такой. Если бы институт в Бескудниках был нищим с паперти, вроде десятков медучреждений, если бы он не был для Протасова донором в деньгах и идеях, не гарантировал бы всем своим достоянием жизненность акций-затей (вроде замысла выращивать вместо привычной черной *белую* голландскую картошку!) — никакая мотивация бы не проклюнулась, факт. Тут прямой марксизм: нарождающемуся укладу нужен этап первоначального накопления, необходим опекун, донор.

Крестьянство России — уклад родившийся: на 1 января 1991 года количество крестьянских (фермерских) хозяйств составило 4400, им предоставлено 202,5 тысячи га, что в среднем означает 46 га на хозяйство. Восемь процентов хозяйств имеют участки размером более ста гектаров — вполне товарный, скажем так, простор. Одни считают, младенец недоношенный, есть и более мрачный взгляд: плод находился в утробе дольше, чем это безопасно для жизни. Увидим. Миллиард рублей, торжественно обещанный И. С. Силаевым на российском «земельном» съезде,— чисто символический объем вложений, одноразовый шприц, без опекуна-донора младенцу не выжить.

Одновременно стал реальностью внекомандный хозяйственный уклад. На конец девяностого года в РСФСР зарегистрировано около двух тысяч совместных предприятий, 73 концерна, 66 консорциумов, 252 акционерных общества, 842 ассоциации и более 15 тысяч малых предприятий. Опять-таки: молва очередей именует этот сектор бандитским, сам же сектор считает бандитскими приемы казенного воздействия. И тут судья — время. Но чтобы выжить и первому младенцу, и второму, нужен их альянс.

Идея внушена Федоровым: связать рыночную инфраструктуру, новые хозяйственные формирования с аграрной альтернативой. Не суеверная боязнь «отмывания» в чистой воде колхозно-совхозного идеализма, но самопрокорм рыночной экономики. Финансирование крестьян, фермерских ассоциаций и кооперативов, смычка, способная максимально быстро сделать фермерство экономической реальностью. Потому что спуск с пика, отмеченный Айсиным, не только правда, но и очень быстрая, к сожалению, правда. Несмотря на сказочное везение с урожаем, объем производства в колхозах-совхозах России снизился за год на 4 процента, численность скота сокращается, кормов меньше, они хуже прежнего. Надой за зимовку упал на 10 процентов и т. д. и т. п. — ускорение налицо, и только враг человеческий пожелает, чтобы кризис перешел в обвал, в лавину. Фондовое распределение замещается первобытным бартером, меновой троглодитской торговлей. Но и тут: меновыми ценностями Сеченовского, скажем, района остаются только 20 процентов способного уйти на сторону. А восемьдесят процентов велено отдавать как продналог (40 процентов) и как госзаказ (остальное). Замечательны теоретические тонкости конфуциев эпохи упадка: и госзаказ отдай, и продналог отдай, и там и тут встречное обеспечение — вилами по воде, но разница-то какая изящная! Если без этих игр, то менять район может пятую часть гречи, сахара в натуроплату, поскребыши муки и мяса — не позавидуешь пришедшим не идеи блюсти, а карточки отоваривать. На известных иерархических ступенях самоцель политики редеет, ландшафт становится виднее — нужда учит калачи есть.

Игорь Алексеевич изобрел базальтовую вату, и на этом основании у него ассоциация. Или консорциум? Или он входит в консорциум, а у самого только концерн? Шут его знает, я пока путаюсь. Главное, он, Игорь, и в давнее-то время Государственную премию отхватил, и тогда-то тридцать и пятьдесят тысяч км высоковольток построил, и судили его ровно тринадцать раз — а присудить ни к чему не смогли! У тертого этого калача есть артель исследователей-проектировщиков, способная обсчитать с высокой дозой гарантии, чем, как и кому следует заняться на выщелоченных черноземах по соседству с пушкинским Болдином, чтобы и кредиты вернуть, и дом возвести, и дочке приданое было. У Айсина, насколько знаю, никогда такого обсчета не делалось, что, в частности, и привело к съезду с горы. Сейчас на счету у колхоза Красного Острова 350 тысяч рублей, а у Игоря с концерном (консорциумом) на несколько порядков больше, почему Айсин и назвал гостя в лицо за столом проходимцем. Аллах простит Загида Самиулловича: тут сфера не людских обычаев, а политического страха. Не знаю, что́ такое вата из базальта, не ведаю, как и почем дают деньги в банке, но Игорь сразу заговорил о шестидесяти (как минимум) центнерах нужного сбора, о сотне гектаров на фермерский двор — это факт. И что Николаю Романову такой лоцман, финансовый опекун социально необходим— факт тоже. И что без альянса с пахарем внеколхозного уклада ярмарка Нижегородская может гарантировать деловым людям только пост и карточки — тоже ясно как день. Словом, беритесь за руки, друзья, чтоб не пропасть поодиночке.

Итак, фермер Черниченко не состоялся, об этом сообщили *все* средства массовой информации СССР и ряд агентств за бугром,— и это плохо. Зато Айсин не получил зловредного соседа — хорошо. Журналистки из Нижнего не увезли из колхоза «договоренного» мяса — худо, но Игорь Алексеевич не смог натянуть на меня сельповский хомут — хорошо. Россия получила к концу 1990 года 6,9 тысячи тонн милостыни, в том числе более пяти тысяч тонн из стран, которые победила во второй мировой войне (ФРГ, Австрия, Италия),— вроде плохо, но больше никто не идет за нами путем огосударствления земли — хорошо...

— Чего он воду мутит? Газеты, ТАСС — черт-те что... Хочет земли — пускай нам одну страничку напишет, и будут ему пятьсот га без всякой трескотни.

Будто бы именно так сказало в Нижнем Новгороде одно ответственное лицо молодому и очень нестандартному депутату России, и я, давно усвоив, что у нас ничего не получишь, предварительно не попросив, взялся писать прошение.

«Председателю Нижегородского облисполкома
народному депутату СССР тов. Соколову А. А.
Уважаемый Александр Александрович!

Настоящим прошу предоставить мне 500 гектаров пашни, чернозема, возле дороги (железной или асфальтовой) для создания ассоциации крестьян-фермеров. Цель ассоциации — поставка продовольствия высшего качества Всероссийской ярмарке в Нижнем Новгороде, социальный уклад — рыночные отношения. Ассоциацию составят выдержавшие конкурс граждане РСФСР, согласные с принципом «свободный труд на свободной земле».

Лично я желал бы получить в собственность 0,15 гектара земли с целью разбивки садового участка и нахождения при ассоциации — для посильной помощи, отражения в печати и получения уроков человековедения.

В моей просьбе прошу не отказать.

Ю. Черниченко, тележурналист, писатель.
20 января 1991 года».

СИМВОЛИЗМ В РОССИИ

(Выставка частных коллекций)

Константин БАЛЬМОНТ

АККОРДЫ

Мне снился мучительный Гойя, художник чудовищных грез, —
Больная насмешка над жизнью, над царством могилы вопрос.
Мне снился бессмертный Веласкес, Коэльо, Мурильо святой,
Создавший воздушность и холод и пламень мечты золотой.
И Винчи, спокойный, как Гете, и светлый, как сон, Рафаэль,
И нежный, как вздох, Боттичелли, нежней, чем весною свирель.
Мне снились волхвы откровений, любимцы грядущих времен,
Воззванья влекущих на битву, властительно-ярких знамен.
Намеки на сверхчеловека, обломки нездешних миров,
Аккорды бездонных значеньем, еще не разгаданных снов.

Б. Д. ГРИГОРЬЕВ (1886—1939). «МЕРТВЫЙ СЕЗОН В ПАРИЖЕ». 1913.

А. Я. ГОЛОВИН (1863—1930). «ИСПАНЦЫ». 1922.

А. А. АРАПОВ (1876—1949).
«СЕВЕРНАЯ ПЕСНЯ».
1908.

А. А. ЭКСТЕР (1882—1949). Эскиз костюма Фамиры Кифаред к постановке одноименной пьесы И. Анненского. 1916.

Л. Т. ЧУПЯТОВ (1890—1942). «БОГОМАТЕРЬ». 1920-е.

Я. М. РОЗЕНТАЛЬ (1866—1916). «АРКАДИЯ». 1915.

А. В. ШЕВЧЕНКО (1883—1948). «ДАМА С РОМАШКАМИ». 1910.

Константин СМИРНОВ

ГОСПОДИН «ДА»

В восьмом номере «Огонька» были опубликованы результаты социологического опроса «Человек месяца». В январе им был назван Эдуард Шеварднадзе — председатель недавно созданной Ассоциации внешней политики. Почта журнала содержит множество читательских просьб подробнее рассказать о его личности, о недавних событиях, связанных с пребыванием Э. Шеварднадзе на посту министра иностранных дел СССР, о его драматической отставке. К сожалению, Эдуард Амвросиевич пока не счел для себя возможным выступить с публичным заявлением по этим вопросам, пообещав, впрочем, в ближайшем будущем встретиться с нашим корреспондентом. И тогда мы решили обратиться к помощникам Эдуарда Шеварднадзе, людям, которые на протяжении всего периода его работы в МИД СССР находились рядом с ним, имея редкую возможность наблюдать стиль и методы его работы.

16 января в одиннадцать утра в зале заседаний коллегии МИД СССР собрались все члены коллегии и руководители основных подразделений министерства. В это же время у подъезда остановился президентский автомобиль. Через несколько минут Президент Горбачев в сопровождении Эдуарда Амвросиевича Шеварднадзе и Александра Александровича Бессмертных появился в зале.

Хотя в известном смысле представление коллегии нового министра иностранных дел СССР было делом чисто протокольным — Александр Александрович прекрасно известен всем собравшимся,— Президент решил собственным присутствием почтить это событие, значение которого выходило далеко за рамки обычной передачи полномочий одним государственным деятелем другому. Из президентского окружения уходил не просто один из главных героев пятилетнего периода возрождения, не просто второе лицо в государстве, уходил друг...

Участием в этой процедуре Президент как бы подчеркивал преемственность внешней политики страны и выражал свое отношение к бывшему министру и его преемнику.

Процедуру затягивать не стали: о чем, в сущности, говорить, если все и так понятно, тем более что внутренняя подоплека этого события как бы выносилась за скобки, да и Президент был стеснен во времени. Он и открыл эту встречу, сказав много добрых и подходящих к моменту слов, потом выступил Эдуард Амвросиевич, а в заключение говорил Александр Александрович Бессмертных...

Когда Президент уехал, Шеварднадзе обошел несколько кабинетов, в которых располагался его секретариат, попрощался, поблагодарил. На десяток минут они уединились с Бессмертных, и где-то около часу дня Эдуард Шеварднадзе навсегда покинул высотное здание на Смоленской площади.

Так завершилась в мировой политике «эра Шеварднадзе», продлившаяся пять лет, шесть месяцев и четырнадцать дней.

А через несколько часов тот же путь, только в обратном направлении, проделал я. Впрочем, мне не было надобности заходить в зал заседаний коллегии. За его стеной, в небольшом угловом кабинетике меня ждали Теймураз Георгиевич Степанов и Сергей Петрович Тарасенко, по рангу — чрезвычайные и полномочные послы, по должности — помощники Шеварднадзе.

Не подробности дипломатической карьеры моих собеседников интересовали меня. Мы говорили, впрочем, и об этом, но в основном — о человеке, ушедшем отсюда незадолго до нашей встречи.

Прежде чем поведать о нашем разговоре, хочу сделать одно пояснение. Вопросы я задавал обоим, и поскольку ответы были, что называется, единодушными, лишь дополняли друг друга, я не стал разделять моих собеседников — видно было, что они во многом одинаково смотрят на вещи, очевидно, сработавшись за последние пять лет до полной духовной близости. Кое-где, правда, мне все же пришлось «разводить» их, персонифицируя,— люди-то разные.

Теймураз Степанов родился в 1934-м в Тбилиси. После школы учился на юридическом факультете МГУ, потом вернулся в Грузию, но юриспруденции изменил, занявшись журналистикой. Начинал репортером в «Вечернем Тбилиси», потом последовали «Заря Востока» и «Молодежь Грузии», откуда Теймураз Георгиевич ушел в «Комсомольскую правду» — собственным корреспондентом по Грузии. Через несколько лет его перевели в Москву, в центральный аппарат «Комсомолки», где он стал членом редколлегии, редактором знаменитого в ту пору на всю страну отдела литературы и искусства.

Однако газета на глазах хирела — ей все ладили и ладили намордник... И когда Шеварднадзе, с которым он был в общем-то шапочно знаком, предложил ему вернуться в Тбилиси и возглавить информационное агентство Грузии, Степанов согласился. Было это в 78-м году.

Совсем иначе складывалась жизнь Сергея Тарасенко. Родился он в 1937-м в Липецке, в семье служащих. После школы собрался было поступать в инфизкульт, поскольку был весьма спортивен, но раздумал. В конце концов оказался в Липецком техучилище, где выучился на машиниста котельных установок. Попросту говоря, на кочегара высокого разряда. Там и в партию вступил. И тут вдруг крутой поворот: горком комсомола послал его по разнарядке поступать в «правительственный», как ему сказали, институт — МГИМО. Липецкий английский в исполнении Тарасенко потряс экзаменационную комиссию и даже поверг в уныние, но, видимо, что-то было в этом парне, кроме подходящего социального происхождения. Его приняли. К концу первого курса его английскому завидовали.

Потом в МИДе Сергей Тарасенко прошел по ступеням всех дипломатических рангов, трудился в Египте и в США, затем работал практически со всеми, кто реально делал внешнюю политику, со временем возглавил Управление оценок и планирования МИД СССР. Он — то, что называется «карьерный дипломат».

— Так как же все-таки становятся помощниками министра иностранных дел? Что это такое? Я помню, у Брежнева был такой генерал, весь в орденах, который ему открывал дверь и подавал очки. Ну тогда такое время было... Потом я знаю еще одного помощника министра — отвечает на звонки, бумажки сортирует «к докладу» и тому подобное. Ну и, конечно, кивает всю дорогу.

— Ну зачем же так? У того же Брежнева были помощники — весьма достойные люди и профессионалы высокого класса. Многие крупные наши дипломаты, руководители МИД СССР, кстати, и Александр Александрович Бессмертных, были когда-то в должности помощников министра. А насчет бумажек... Если главная «продукция» ведомства — внешнеполитическая мысль, интеллект, формулирование политики, то бумажки, как вы изволили заметить,— основное средство их фиксации и распространения. И работать с такими документами должны только хорошо подготовленные, предельно собранные, ответственные люди.

Мы имеем в виду наших коллег, хотя, очевидно, есть и те, о ком вы говорите.

Наверное, каждый руководитель выбирает помощников по себе, как, впрочем, и помощники — руководителя. Во всяком случае, у нас было так. Так что правильнее было бы говорить не вообще о помощниках министра иностранных дел, а о помощниках Эдуарда Шеварднадзе.

Мы, как и многие, работали с ним над текстами официальных документов и выступлений, но было и другое... Делясь с нами своими мыслями, он постоянно требовал: «Говорите прямо, что вы об этом думаете. Говорите правду...»

— И вы говорили?! Я едва ли не впервые слышу подобное о высокопоставленном советском деятеле. Хотя, конечно, на словах «правду» требовали все, однако же с удовольствием клевали на «туфту», отправляя ее дальше по инстанции, или вообще руководствовались принципом, основополагающим в нашем отечестве: «Я начальник, ты — дурак»...

Т. Степанов: — Насчет дураков не знаю... А Шеварднадзе требовал правду — не только от нас,— потому что считал: ложь непроизводительна. Быть честным, в политике ли, в деловых отношениях, выгодно. И он всегда был готов выслушать любое мнение, сколь бы нелицеприятным оно ни было.

Давайте условимся: я не апологет Шеварднадзе, но и не слуга. А он отнюдь не ангел, но и не господин. Однажды возник конфликт, в котором, как мне казалось, я был прав. И я тогда сказал: «Если вам нужен помощник для поддакивания, то я для этой роли не гожусь». Эдуард Амвросиевич ответил: «Нет, в таком помощнике я не нуждаюсь».

Может, именно поэтому я и согласился работать с ним. И за эти годы я утвердился во мнении, что он открыт для самых разных взглядов, слушает и слышит собеседника, даже если и не разделяет его точку зрения.

С. Тарасенко: — Если не разделяет, стоит «насмерть». Охочие до прозвищ западные журналисты назвали Шеварднадзе «господином «Да», очевидно, по контрасту с псевдонимом, сочиненным для его предшественника,— «господин «Нет». Но сколько раз — и я сам тому свидетель — на весьма важных переговорах, когда дым коромыслом шел, Шеварднадзе говорил «нет» и выигрывал. А все дело в том, как он это говорил. Его «нет» никогда не означало невозможности дальнейшего поиска развязок. Естественно, это встречало у оппонентов ответную реакцию — готовность к компромиссу.

Расскажу вам один эпизод из этой серии. Дело было поздним вечером накануне подписания договора о германском урегулировании. Сами понимаете — весь мир застыл в ожидании этого события. И вот вдруг мы узнаем, что наши западные партнеры по переговорам выдвинули новое неожиданное условие: они потребовали оговорить возможность проводить на территории бывшей ГДР маневры войск НАТО. Мы ответили категорическим отказом. На той стороне продолжали настаивать, рассчитывая, очевидно, что за несколько часов до объявленного на весь мир подписания мы не решимся обострять ситуацию. В этих условиях министр проявил железную волю. Послу Квинскому было предложено сообщить, что в таком случае договор не состоится... В результате интенсивнейших консультаций, продлившихся всю ночь, оппоненты наши сняли свое условие, и договор был подписан в срок.

— А вообще, как вы попали сюда? Я спрашиваю Теймураза Георгиевича. Вы ведь профессиональный журналист — и вдруг такой невероятный поворот карьеры!

Т. С.: — Честно говоря, для меня это тоже в немалой степени загадка. Мои пути не пересекались с Шеварднадзе. Разве что после возвращения в Тбилиси, на работу в информационное агентство.

Но до того был один случай, который очень меня к нему расположил. Был я тогда собкором «Комсомолки». В Тбилиси проходил очередной съезд комсомола Грузии. На нем присутствовал тогдашний главный редактор «Комсомольской правды» Б. Д. Панкин. В своем выступлении, произнеся панегирик грузинскому комсомолу, он затем его покритиковал. Мало того, в кулуарах позволил себе оспорить мнение Василия Павловича Мжаванадзе о «Новом мире» Твардовского...

Сразу же вокруг него образовался вакуум. Пустота. Никто не подходит, как к зачумленному. Вдруг вижу: идет к нему седой мужчина и пожимает руку. Это был Шеварднадзе, тогда министр внутренних дел республики. Я понял, что это был не просто жест поддержки — несогласия со всеобщей готовностью подлаживаться под «верховное» мнение. Движение против течения, наперекор ему. В тогдашних условиях, когда от первого лица зависело все и вся, такой поступок требовал недюжинного мужества.

Шеварднадзе его не занимать. Он всегда действовал согласно своим представлениям о долге, в чем я не раз мог потом убедиться и в Тбилиси, и в Москве, и в других местах.

Мое уважение к нему намного возросло после того, как он сформулировал свои требования к информации, кстати, совпавшие с моими представлениями о том, какой она должна быть. Это тема для отдельного рассказа, если же коротко: информация в том виде, в каком она тиражируется, бесчеловечна. Иными словами, в ней нет человека: героя,

автора и адресованности читателю. Она асоциальна, ибо не отвечает общественным ожиданиям, надеждам, установкам. Но ведь она должна отвечать им! С точки зрения общепринятой нормы — журналистика обязана выражать волю партии,— тогда этот подход был сущей ересью...

Словом, с 78-го года я работал в Грузинформ. А потом, в июле 85-го, когда мы уже знали, что Шеварднадзе уходит в Москву «на МИД», он вдруг вызвал меня. Я был в малоподходящем для «ковра» виде — в джинсах, кроссовках, какой-то майке, поэтому пришлось «стрельнуть» у кого-то из ребят пиджак и в таком виде явиться. Я считал, что вызвал он меня, чтобы попрощаться. Каково же было мое удивление, когда он вдруг сказал: а как ты отнесешься к предложению поехать в Москву и поработать со мной? Я, понятно, онемел. Тут он добавил: я, правда, пока не знаю, в каком качестве, но думаю, что ты мне будешь нужен. Не торопись с ответом, посоветуйся дома и через неделю дашь ответ. Я согласился. Если отбросить всякие «высокие материи», по одной причине: для меня, журналиста, это был уникальный шанс. А кроме того, сознаюсь, мне было просто интересно посмотреть, как деятель республиканского масштаба станет — или не станет — министром иностранных дел великой державы... Все-таки я сказал Шеварднадзе: справлюсь ли? Он заметил, что этот вопрос стоит, причем куда более остро, и перед ним. Что он говорил о том же Горбачеву. Что нам обоим придется много и напряженно трудиться, чтобы стать своими людьми в сложном мире дипломатии.

С. Т.: — Уже через несколько месяцев после назначения Шеварднадзе был признан в этом мире достойным и равным партнером своих зарубежных коллег. В МИДе, где его поначалу встретили весьма настороженно, тоже очень скоро признали в нем лидера. Он, надо сказать, не спешил стать «новой метлой», долго присматривался, наблюдая, оценивая, и только потом предложил программу действий. Между прочим, при абсолютно уважительном отношении к своему предшественнику. Сейчас его обвиняют в некомпетентности. Говорят, например, о незнании языков. Госсекретарь Бейкер владеет одним языком — английским. Генри Киссинджер вообще говорит по-английски с сильнейшим акцентом. И если это нам не указ, то давайте оглянемся вокруг себя. Конечно, языки знать хорошо, но при обязательном для дипломата условии: мыслить быстро, точно, глубоко. Брать проблему во всесторонней ее сцепке с другими проблемами, безошибочно вычленять суть. Этим «языком» Шеварднадзе владеет блестяще. При этом он умеет работать по восемнадцать — двадцать часов в сутки и всегда сохраняет свежесть ума. Так овладеть колоссальным объемом материала и знаний, причем нередко на экспертном уровне, как это сделал он, немногим дано. Добавьте к этому и врожденные свойства политика и дипломата, благодаря которым недоверие к нам сменилось доверием.

Считается, будто в дипломатии первое дело — обмануть, перехитрить, надуть партнера... Глубочайшее заблуждение, никому не снискавшее лавров. Шеварднадзе был честен с партнерами, и если это ставить ему в вину, значит тем самым признаваться в собственной нечестности. А ведь честность — это отнюдь не уступчивость, это потребность, настаивая на своем, постараться понять партнера, дать ему понять, что и он понят, и тем самым воззвать к его пониманию наших интересов. Только так в дипломатии — искусстве и науке двух- и многостороннего согласования и защиты интересов — можно прийти к их балансу.

— Однако критики Шеварднадзе утверждают, что он нарушил этот баланс не в нашу пользу. Делал неоправданные уступки. И опять-таки идут ссылки на некомпетентность: не дипломат, не то образование... Ну хорошо, ну ошибся Горбачев и не того, кого надо было, «посадил» на это место. У нас, слава Богу, по этой части опыт имеется — кто только не заправлял внешней политикой: и музыкальный критик, и юрист, и аграрий. Даже сексот и палач погрел это теплое кресло. Профессионалов, правда, не было. Но ведь ничего, справлялись? И врагов классовых, как хотели, одной левой убирали, и в министерском кресле до морковкиных заговен сидели, пока на заслуженный отдых не отправят или на вечный покой не снесут. И никто их некомпетентностью не гвоздил. Не могу понять, что это: то ли эпоха гласности, то ли зоркость ребят из «Союза» и подпевающего им хора мальчиков из консервативных изданий?

С. Т.: — Для Шеварднадзе любая критика нормальна. Но при одном условии — если это нормальная критика. Уважая чужое мнение, он был вправе требовать уважения к своему. Увы, никто из «критиков» не слышал его аргументов — игра шла не в мяч, а в игрока.

И разговоры о некомпетентности — из того же ряда. Министрами иностранных дел нашей страны действительно были и аграрий, и юрист, и профессиональный партийный работник. Виднейшие дипломаты пришли в наш «цех» из других профессий. Мало нам этих примеров? Давайте изучим зарубежную практику. Дипломатия любого государства набирает в свои ряды цвет нации, самых толковых, самых талантливых людей — со специальным образованием и без. Кстати, далеко не во всех странах существуют специальные учебные заведения, где готовят «на дипломатов». Их рождает сама жизнь, работа, высокопрофессиональная деятельность на любом поприще.

И не только о том надо нам печалиться, что иные посты замещаются у нас непрофессионалами... Куда печальнее истонченность, истощенность культурного слоя, на котором трудно прорасти таланту.

Нас десятилетиями держали в состоянии поголовного неведения об абсолютно необходимых вещах. Даже во многих странах «третьего мира» компьютерная грамотность населения — уже не проблема. Разве не обидно должно быть нам за катастрофическое отставание в этой области?

Мне всегда бывает не по себе, когда я вижу, что западный дипломат, занимающийся, скажем, Россией, знает русскую литературу, философию, искусство зачастую намного лучше своего советского коллеги. Он читал все, что у нас было запрещено, гноилось в спецхранах, десятилетиями не издавалось. Если мы что и урывали, так по-тихому, под одеялом, под строгим секретом от окружающих или за границей, опять же с оглядкой... Так что и здесь не надо обманываться и обманывать других: напротив вас сидят люди в высшей степени подготовленные и компетентные. Их на мякине не проведешь и «за так» авторитета и уважения у них не заработаешь. Нет пророка в отечестве своем? Есть. Не только наши отечественные дипломаты-профессионалы уважают Эдуарда Амвросиевича, у него масса друзей среди военных, работников оборонной промышленности, ученых... Но если и это не аргумент, то спросите зарубежных политиков, какого партнера они имели в его лице. Впрочем, в глазах иных его антагонистов восхищение зарубежной общественности — огромный изъян.

Истина, однако, состоит в том, что он достойно представлял нашу страну, ее политику, которую справедливо связывают не только с именем Горбачева, но и с именем Шеварднадзе. Как сказал сегодня на прощальной церемонии Президент, «он всегда был рядом, самым близким товарищем во всех сложнейших ситуациях и, самое главное, в выборе».

—Но почему же тогда отставка? Да еще если вспомнить обстоятельства, которые ее сопровождали! Мы все видим, что корабль лег на правый галс, чувствуем, как противный ветер гонит его назад, к водовороту, что дрогнул капитан. И что же первый помощник? Когда он впервые почувствовал падение барометра? И сообщил ли он вам — своей команде — о том, что собирается покинуть корабль?..

— Падение барометра... Давайте обойдемся без морской терминологии. Поймите нас верно: помимо служебной этики, существует еще и обычная, человеческая. По нормам и одной, и другой мы можем говорить лишь о себе. О том, что касается нас. Так вот, впервые о решении Эдуарда Амвросиевича подать в отставку нам стало известно в декабре 1989 года.

В страшные апрельские дни того года мы были с ним в Тбилиси и знаем, что положение тогда удалось нормализовать во многом благодаря его твердому обещанию провести самое строгое и беспристрастное расследование причин и обстоятельств тбилисской трагедии, чтобы виновные в ней, кем бы они ни были, понесли заслуженное наказание. Люди поверили ему.

По сути, тогда должны были сформироваться принципы оценки подобных экстремальных ситуаций, которые должны были бы действовать в будущем, и время доказало их абсолютную необходимость. Как вы помните, Верховным Советом СССР была образована комиссия во главе с Анатолием Собчаком, которой предстояло дать политическую оценку происшедшему в Тбилиси. Результаты ее работы, доклад этой комиссии единогласно, что подчеркнул Собчак, подписали все ее участники. Но тогда же возникла идея параллельного содоклада военной юстиции. Атмосфера, в которой это произошло, была, мягко говоря, нездоровой. Шеварднадзе доказывал, что ни к чему хорошему это не приведет. Вроде бы с ним согласились. И вдруг после этого — сообщение по материалам незаконченного следствия, в сущности, возложившее всю тяжесть вины на жертв трагедии. Шеварднадзе увидел в этом нечто гораздо большее, нежели простое столкновение мнений. А главное, он считал, что невольно обманул людей, которым в апреле обещал справедливость. Они не дождались ее и по сей день...

— Но насколько серьезны были эти разговоры об отставке? И ведь с тех пор прошел год?

— Более чем серьезны. Настолько серьезны, что мы весь минувший год жили с предчувствием такого исхода. Но нам очевидно, что в этой отсрочке сказалось глубоко присущее Шеварднадзе чувство долга.

Оставались дела, которые надо было довести до конца. Он не мог уйти, не выполнив целый ряд важнейших поручений высшего руководства страны. Надо было готовить общеевропейское совещание в верхах, которому предстояло заложить основы новой системы безопасности в Европе, приблизить к завершению подготовку Договора о сокращении стратегических наступательных вооружений...

Работать приходилось в тяжелейших условиях. Давление возрастало. Внешняя политика сильна внутренними своими корнями. Если их перерубают, она слабеет. Так представлялось Шеварднадзе. Мы достаточно хорошо знаем его, чтобы серьезно относиться к его видению. На этот раз мы не спорили с ним, не отговаривали... Оставалось только поддержать его.

Может, кому-то это и трудно понять, но он не мог работать в разладе с установленными для себя нормами. Может, кто-то и сочтет это анахронизмом — честность в политике, но для него это не просто и не только нравственный канон — рабочий норматив. Ведь, повторим, по Шеварднадзе, быть честным выгодно.

— То есть вы хотите сказать, что в основе его решения — соображения нравственного порядка?

— Именно так. В апреле 1989 года в Тбилиси он говорил о том, что у нас не принято добровольно уходить в отставку. Это прерогатива партии — решать, быть или не быть тебе на твоем месте. Но перестройка, резко повышающая персональную ответственность, ставит перед каждым проблему личного выбора, в том числе нравственного.

Он и сделал такой выбор.

— Я, может быть, не совсем прав, но, по-моему, это первый случай в советской истории, когда человек, занимающий такой пост, находясь на гребне славы, известности, признания, сам покидает эту высоту и при этом руководствуется велениями совести. У нас ведь в ходу иной термин — «партийная совесть», как будто совесть бывает нескольких видов — для партийного пользования и прочие. Честное слово, сегодня, когда этакие «друзья народа», желающие еще посидеть на его шее, опять «достают из широких штанин» эту свою партийную совесть и пытаются всучить ее вконец одурелым людям, радостно думать, что не все разделяют эту «многообещающую» позицию и живут, продолжают, несмотря ни на что, жить по совести...

Но вот вопрос: почему же он ушел сейчас? В такой нестерпимо трудный, тяжелый момент, когда судьба всей страны, кажется, поставлена на карту? Ведь он мог, наверное, что-то изменить, помочь, остановить?

— Он и хотел изменить, остановить... Ему виднее, мог ли он сделать это подругому, нежели так, как сделал это 20 декабря 1990 года. Наверное, не мог. Иначе бы не ушел. Не такой это человек, чтобы покидать поле боя.

— И что же дальше?

— У Эдуарда Амвросиевича есть давний проект — Ассоциация внешней политики. Создав ее, он нарушит печальную традицию, по которой человек, покидающий высокий пост, уходит в небытие. Перестает служить делу своей жизни, стране, людям. Шеварднадзе хочет по-прежнему работать на перестройку. Но в ином качестве. Ассоциация даст ему такую возможность. Это будет неправительственная, независимая общественная организация, которая займется разработкой и анализом внешнеполитических концепций, прогнозированием, будет консультировать и проводить экспертизу различных проектов. Такие структуры работают во многих странах и чрезвычайно полезно взаимодействуют с государственными институтами. У нас же существует огромное число высококлассных специалистов в самых разных областях знаний, чей интеллект может быть востребован с большей эффективностью.

— А вы? Ведь Ассоциация — неправительственная организация, а вы — государственные служащие...

— Нас никто не гонит из министерства. Здесь работают наши друзья, мы прожили с ними трудные, но прекрасные годы. Но по причинам, о которых говорили вначале, впереди отставка.

— И кем же вы будете?

— Помощниками Эдуарда Шеварднадзе...

●

■

26 декабря 1989 года со мной произошел несчастный случай, в результате которого я потерял руки и ноги. Но это оказалось не самым страшным, с чем в дальнейшем мне пришлось столкнуться.

И вот я инвалид I группы, требующий постоянного ухода и помощи, лишенный возможности как-то зарабатывать на жизнь, общаться с людьми. Пенсия очень маленькая, коляски нет, и не уверен, будет ли она у меня, протезы, которые сделали в городе Свердловске, вызывают больше сострадания, чем отрезанные ноги. Я один, оторван от жизни, от всего, что происходит вокруг, а мне 29 лет. Мне очень тяжело. Рядом бабушка-инвалид и мама, проработавшая всю свою жизнь учителем начальных классов и накопившая только кучу болезней. При всем их огромном желании они не могут помочь мне материально.

Может быть, найдутся люди, которые захотят мне помочь, возможно, предприятия или кооперативы, которым моя судьба не будет безразлична? Не думайте, что я забыл о чести и о совести, но положение мое безвыходно. Я надеюсь, что люди откликнутся на мое горе.

Игорь ПЕТРОВ

Мой адрес: 623400, г. Каменск-Уральский Свердловской обл., пр. Победы, д. 23, кв. 1.

■

Воровство на мясокомбинатах — благодатная тема для журналистов. Любой материал на эту тему в условиях жесточайшего дефицита мясопродуктов проглатывается обывателем без малейшего возражения, ибо падает на заранее подготовленную почву давно укоренившегося предрассудка.

Слов нет, предприятия мясной отрасли стали объектом повышенной криминогенности. Ситуация с хищениями мяса — логическое следствие чиновничьего кретинизма, приведшего отрасль на грань распада.

В отрасли до восьмидесяти процентов ручного труда в условиях повышенной влажности, опасности заражения тяжелыми заболеваниями (ящур, бруцеллез, трихинеллез и т. п.). Техническое оснащение убогое, большинство предприятий, особенно крупных, построено в тридцатые годы, а есть и «деды», возведенные в начале века, такие, как Астраханский или Ростовский-на-Дону мясокомбинат. И при этом ставки заработной платы на предприятиях мясной промышленности значительно ниже, чем на предприятиях машиностроения и металлообработки. А ведь условия труда, скажем, обвальщика и токаря далеко не сопоставимы по физической нагрузке.

В отрасли давно ходит легенда о том, как А. И. Микояну, бывшему наркому пищевой промышленности, был задан вопрос о причинах установления мизерных зарплат работникам его отрасли. Анастас Иванович ответил, как говорят, кратко и энергично: «У нас едят!»

Как всякая легенда, эта история родилась не на пустом месте и отражает точку зрения определенных кругов на этот вопрос. Ложность самой посылки в доказательствах не нуждается. Но тем не менее мы имеем то, что имеем. Отрасль в тяжелейшем, критическом состоянии.

В. БУРЧЕНКО,

заместитель начальника Управления бухгалтерского учета и отчетности Министерства сельского хозяйства и продовольствия РСФСР

СОЛНЦЕ СВОБОДЫ НАД КУВЕЙТОМ

Ответы посла Государства Кувейт в СССР г-на Абдулмохсина Юсефа аль-Дуайджа на вопросы Владимира НИКОЛАЕВА (журнал «Огонек»)

— Г-н посол! Средства информации во всем мире широко освещают события в районе Персидского залива, но при этом, как мне кажется, мало сообщают о положении в Кувейте сегодня и его участии в борьбе за освобождение. Не могли бы вы восполнить этот пробел?

— Как вам, видимо, хорошо известно, Кувейт в течение полугода полностью контролировался фашистским режимом Ирака. Кувейт был закрыт и отрезан от остального мира. И единственная информация поступала лишь из Ирака. Мы, кувейтяне, находящиеся за пределами Кувейта, имели систему связи с кувейтским сопротивлением внутри страны. Участники кувейтского сопротивления вне страны доставляли нелегально на территорию Кувейта продукты питания, деньги, лекарства и малогабаритное вооружение типа гранат, взрывчатки, пулеметов и т. п., разумеется, в небольших количествах, преимущественно для ведения ночного боя. Кувейтское движение сопротивления, зародившееся в августе прошлого года на достаточно примитивном уровне, превратилось в хорошо организованную силу, связанную с кувейтской армией, базировавшейся у южных границ Кувейта. И, насколько мне известно, дела у них идут весьма и весьма успешно.

— Коалиция стран, выполняющих волю мирового содружества, выраженную в известных решениях ООН, пользуется широкой поддержкой на всех континентах. Как вы оцениваете эти усилия? Каковы связи правительства Кувейта со всеми силами, выступающими против иракской агрессии?

— Пожалуй, впервые в истории международное сообщество государств, представленное в Организации Объединенных Наций, приняло двенадцать резолюций в Совете Безопасности, направленных против деяний Ирака и его режима, преступно поправших нормы международного права. И, разумеется, все эти резолюции и их воплощение в жизнь опираются на твердую решимость народа и правительства Кувейта добиться восстановления суверенитета своего государства. Между правительством Кувейта и международной коалицией существует прочная связь, и нам известно, что, когда началась битва на суше, первым, кто вступил на территорию Кувейта к северу от Эль-Кувейта, были части кувейтской армии, поддержанные войсками международной коалиции во главе с США. Именно кувейтское правительство главным образом финансирует союзную армию, и мы полны решимости бороться за освобождение Кувейта, пока наша цель не будет полностью достигнута.

— Любая война, какой бы характер она ни носила,— жестокое и кровавое испытание, связанное со многими жертвами на фронте и в тылу. Понятно отрицательное отношение к военным конфликтам, особенно в наш ядерный век. Понятно желание мировой общественности как можно быстрее восстановить справедливость и вернуть независимость Кувейту. Но в ближневосточном регионе отношение к событиям в Персидском заливе неоднозначно. Не могли бы вы вкратце охарактеризовать позиции главных сил, влияющих на политический климат в этом регионе?

— Ваш вопрос имеет некоторый философский подтекст, поэтому я изложу мое личное мнение. Я совершенно согласен, что никто не любит войну, в том числе и мы, кувейтяне. Мы — небольшое преуспевающее государство, и мы хорошие члены международного сообщества. Каждый год 6% нашего национального дохода мы отдаем на помощь бедным государствам и странам третьего мира, это, кстати, самый высокий процент в мире. За последние 15 лет Кувейт истратил 15 миллиардов долларов на помощь и программы экономического развития для нуждающихся в них стран, особенно арабского мира. Надо отметить, что речь идет о помощи, помимо тех займов, что мы предоставляем. Для меня было совершенно ясно, что Кувейт возвратит свою суверенность с той же неизбежностью, с какой солнце ежедневно всходит и заходит. Возвращаясь к вашему вопросу о неоднозначном подходе к кувейтской проблеме среди арабских стран Ближнего Востока, думаю, вам известно, что среди них существуют два типа мышления: к первому относятся те, кто верит в новый политический порядок, а ко второму — те, кто счастлив и без него. Иначе говоря, те, кто желает окончания «холодной» войны, и те, кто не может существовать без нее. Ведь, по сути дела, то же самое происходит и в СССР сейчас. Мы, кувейтяне, верим в новый политический порядок, счастливы, что «холодная» война окончилась, и возможно, что одним из результатов войны за освобождение Кувейта явится перестройка в арабских странах. По моему мнению, Саддам Хусейн — главное звено в определенной цепи, которая сразу же рассыплется, как только он выпадет из игры.

— Каково ваше мнение о позиции Советского Союза как государства в этом конфликте? Что вы можете сказать об отношении к нему советской общественности и средств массовой информации?

— Мое правительство официально выражает благодарность Советскому правительству за его стремление активно участвовать в антииракской коалиции. Я уверен, что СССР останется в этой коалиции, пока не будет достигнута конечная цель. В конце концов именно Президент М. Горбачев является инициатором создания нового политического порядка и прекращения «холодной» войны. И его позиция в данный момент соответствует тому, во что он верит. Ну, а что касается советской общественности, то мы, кувейтяне, живущие среди вас с самых первых дней вторжения, никогда не чувствовали себя более защищенными и никогда не получали столько проявлений симпатии и сочувствия со стороны советских людей. К нам ежедневно приходят письма, звонят с предложениями оказать помощь в освобождении Кувейта и защите наших жилищ. В отношении средств массовой информации следует отметить, что у вас демократическое общество и каждый имеет право на свое собственное мнение. Возможно, те, кто защищает Саддама Хусейна, уверены в своей правоте, но будущее покажет, что это не так, что «холодная» война окончена и милитаризм Саддама преступен. Но в целом, считаем, около 80 процентов прессы с нами и постоянно поддерживает нас.

— Мы всегда верили в то, что справедливость восторжествует и Кувейт обретет независимость. Я бывал в Кувейте и убежден в его жизнеспособности и богатых перспективах, в его возможностях обеспечить достойную жизнь своим гражданам, в его стремлении к подлинно демократическому развитию. Каковы могут быть первые шаги по восстановлению страны в ее экономике и политике?

— Первая задача — это воссоздать статус кувейтского гражданина, в большей степени, чем ранее, полагающегося на свои собственные силы. До вторжения примерно 60 процентов населения Кувейта не являлось кувейтянами по своему происхождению. Нам следует серьезно позаботиться о восстановлении демографического баланса в стране, с тем чтобы превалировали в ней кувейтяне. Кувейт останется истинно арабской и мусульманской страной, но при этом отношения с другими странами должны базироваться на сбалансированности интересов. Кувейт будет стоять на страже безопасности залива и арабских членов Совета сотрудничества государств залива. Что касается экономики Кувейта, то, мне кажется, весь мир имел возможность убедиться, что метод, используемый правительством Кувейта для усиления его экономики, ведет Кувейт к процветанию, и мы не собираемся сворачивать с этого пути. На границе с Саудовской Аравией мы держали наготове грузовики с продовольствием, медикаментами, необходимым оборудованием и экспертами, частью кувейтскими, частью иностранными, которые по первому же сигналу вошли в Кувейт. У меня есть и личное желание: поскорее бы восстановилась телефонная связь между Кувейтом и Москвой, чтобы я смог услышать голос моей освобожденной земли и пригласить советских людей посетить Кувейт.

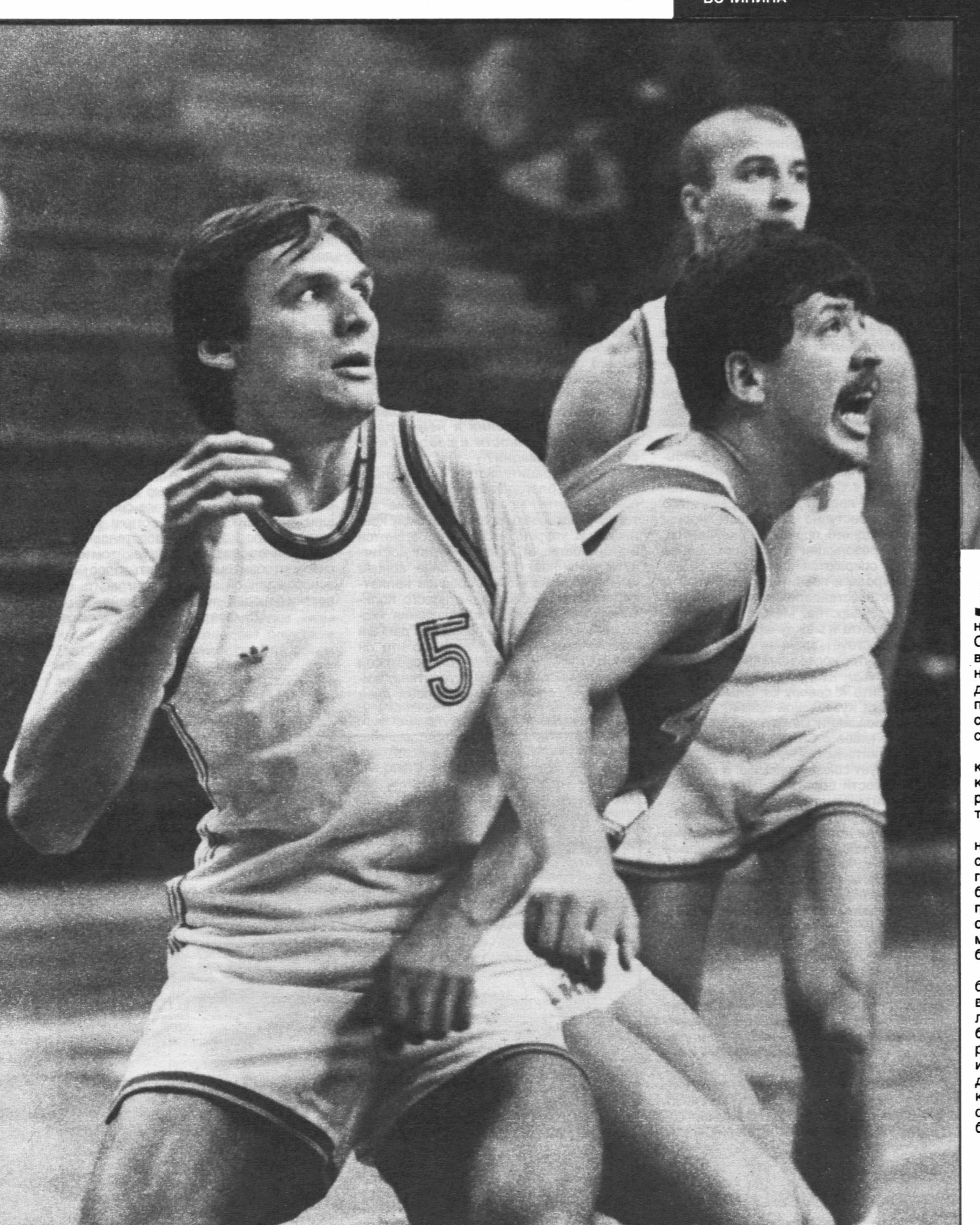
25 февраля 1991 г., Москва

Американские солдаты на боевой позиции.
Телефото АП — ТАСС

ЛИДЕР ВЫХОДИТ ИЗ ТЕНИ

Фото Анатолия БОЧИНИНА

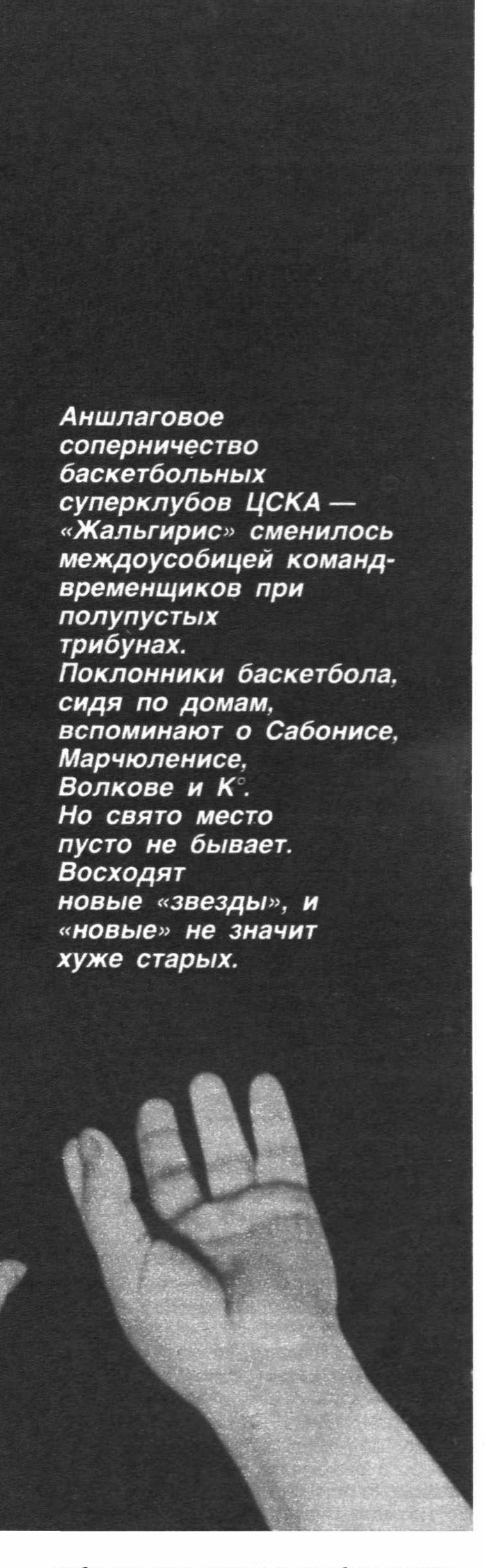

Лидер — единственное спортивное звание, которым наградить невозможно. Виктор Бережной, крайний нападающий ЦСКА и сборной СССР, наверное, с ним и родился. Во всех командах, за которые выступал, начиная с юниорской, он лидер. Но при двухметровом росте и самом высоком, по оценкам специалистов, кпд среди советских игроков умудряется держаться в тени.

Звезда баскетболиста взошла ближе к тридцати годам. Как раз в то время, когда большинство спортсменов собираются на заслуженный отдых. Почему так поздно?

«Я думаю, Витя не обидится, если назову его «спящей красавицей», проспавшей в киевском СКА свои лучшие годы»,— объяснил Станислав Еремин, бывший первый разыгрывающий, а теперь второй тренер армейцев.— Прояви он в молодости побольше честолюбия, мог уже тогда на равных играть в любой, самой звездной команде».

...В красно-желто-зеленом баскетбольном зале ЦСКА мелькали оранжевые мячи, и с высоты трибун баскетболисты казались обычными людьми. Габариты проявлялись только на близком расстоянии, и тогда самый маленький и худой вырастал в супермена. За судейским столиком следил за тренировкой врач команды Александр Завьялов с айболитовским чемоданом и краснобелым спартаковским морозильником,

набитым пакетиками с голубым гелием. Станислав Еремин до хрипоты разбирал очередную тактическую комбинацию.

«Начинает команда Бережного»,— крикнул Стас и бросил мяч пятому номеру. Итак, он все-таки выделялся, пятый номер, Виктор Бережной, несмотря на все стремление к незаметности. Среди пестроты тренировочной одежды, маек навыпуск и спущенных носков его строгий вид не мог не привлечь внимания. Однотонная темная форма и наглухо застегнутая тренировочная кофта невольно вызывали предчувствие, что разговорить их обладателя будет трудно. Не зря Евгений Коваленко, заслуженный тренер РСФСР, заметил мимоходом: «Виктор довольно закрытый и немногословный по натуре человек. Считает, что о нем должны судить по игре».

«О чем будем говорить? — Вопросы в этом интервью начала задавать не я.— Долгой беседы у нас не получится.— Виктор кивнул головой в сторону семилетней подвижной девочки.— Дочь надо в девять укладывать спать».

Катя Бережная была не единственным ребенком в баскетбольном зале. Во время тренировки вокруг площадки бегало еще трое детей. Их мамы, наверное, дома наслаждались редкими минутами отдыха.

Но мой первый вопрос был не о семье, а о баскетболе. Он вертелся у меня в голове и не давал покоя:

— Десять лет назад вы считались лучшим советским юниором, но во взрослой сборной закрепились лишь в 1989-м...

— До 1986 года десять лет выступал за СКА (Киев). Несколько раз приглашали в сборную, звали и в ЦСКА, но переходить не торопился. Боялся конкуренции, того, что большую часть времени придется сидеть на скамейке запасных, а мне очень хотелось играть. Лучше быть лидером в средней команде, чем затеряться среди «звезд», рассуждал я тогда.

— Правильно ли я поняла, что играть в высшей лиге вы начали с пятнадцати лет?

— Начал я все-таки не с высшей лиги, а с переходного турнира, в котором СКА боролся за выход в нее. За такую возможность надо поблагодарить принятое тогда постановление, которое обязало клубы ставить на каждый матч по два юниора. Мы должны были проводить на площадке не меньше двадцати минут за игру.

Такой ранний дебют в команде мастеров — явление редкое, если не сказать уникальное, в мужском баскетболе. Но он был в какой-то степени предопределен. Виктор родился в баскетбольной семье, где родители — игроки высокого класса: отец выступал за СКА (Киев) и «Сталь» (Днепропетровск), а мама играла в сборной страны.

Правда, сначала, традиционно для всех киевских мальчишек, был футбол: прыгучего и уже тогда высокого мальчишку определили на ворота. Потом пришло увлечение плаванием, но в конце концов гены взяли свое. С тех пор пятнадцать сезонов в большом баскетболе.

В прошлом году при определении лучшего баскетболиста СССР вопрос стоял так: Валерий Тихоненко или Виктор Бережной? Хотя выбрали Валерия, Евгений Коваленко голосовал за Бережного: «Это единственный баскетболист, способный одинаково здорово провести весь сезон. Он напоминает Модестаса Паулаускаса, исключительно полезного игрока. Не жаден до мяча и в отличие, например, от Александра Волкова легко отдает пас партнеру, часто даже в ущерб себе. В трудных матчах именно Бережной берет игру на себя и может «завести» команду».

— Чтобы в тридцатилетнем возрасте переигрывать молодых, вам, наверное, приходится вдвое больше тренироваться, чем раньше?

— Совсем нет. Но в отношении режима и диеты действительно стал к себе строже.

— Вы упомянули про диету. Как вам удается ее придерживаться в наши голодные времена?

— По-разному. Недавно, например, Гундарс Ветра, коллега по сборной СССР, привез из Риги копчености и творог, а так хожу на рынок. Дорого, конечно, но на магазинные очереди времени нет. По ним у меня Наташа специалист. Когда жили в Киеве, жена работала, она филолог по образованию, но в Москве у нас родственников нет, дочку никому не подбросишь. И Наташа стала домохозяйкой.

— Говорят, к нашему лучшему теннисисту Чеснокову уже подбирались рэкетиры, а как с этим у баскетбольных лидеров?

— За коммерческие турниры получаем по триста инвалютных рублей, суточные на зарубежных турнирах от пяти до семи долларов в день. Может быть, после этой информации на меня ктонибудь польстится. Впрочем, уже польстились: в прошлом году угнали машину. Стояла, как обычно, около универсального спортивного зала ЦСКА, пока я играл. После матча вышел — домой ехать не на чем. А вокруг полно милиции. Живем в обычной двухкомнатной квартире, не лучше киевской.

— Что вас радует в жизни?

— Я счастлив, когда семья здорова, когда хорошая погода и можно вместе съездить за город. Живя в Строгине, в армейском общежитии, мы в свободное время садились на речной трамвайчик и отправлялись в Серебряный бор. Там очень красиво, и для меня это лучший отдых. На какие-то особые развлечения времени не хватает. Часто приезжаешь домой среди ночи и успеваешь только загрузить формой стиральную машину, а утром опять на тренировку. Хотя я не поклонник долгих отлучек из дома и в общем-то человек домашний, знаю, что играю лучше, когда много тренируюсь, не отвлекаюсь на посторонние дела. Поэтому со сборами приходится мириться.

Подошла Катя: «Папа, я хочу пить». Девочка надула губки и была настроена очень решительно. «Подожди немного, скоро поедем домой».— «Я хочу пить».— Катя упрямо тряхнула распущенными волосами.

Катино фото отец всегда берет с собой в дальние поездки. Катя — самый главный человек. Ее здоровье после ядерного апреля 1986-го было главным аргументом при решении вопроса о переходе в ЦСКА.

— Самое главное событие прошлого года?

— Дочь пошла в первый класс. А из спортивной жизни, конечно, второе место на чемпионате мира. Это мое первое мировое первенство, и я рад, что в серебряных медалях есть и мой труд.

— Приходилось ли вам, начав игру, жалеть, что впереди целых 40 минут матча?

— Конечно, например, в Нерюнгри. Когда соперник заведомо слабее и матч сводится к простому бегу, никакого удовольствия от игры не получаешь. Мой любимый баскетбол — контактная борьба под щитом. И чем труднее игра, тем мне интереснее.

— Легко ли вас вывести из себя?

— Я начинаю злиться, если вижу, что кто-то просто отбывает номер. Очень хорошо чувствую любое очковтирательство, могу не сдержаться и высказать все, что думаю по этому поводу. Хотя знаю: лезу не в свое дело. Замечания должен делать тренер.

Встреча чемпионата страны ЦСКА — «Спартак» (Ленинград). За пять секунд до конца второго тайма армейцы проигрывают семь очков. Результат ясен. Баскетболисты по инерции доигрывают матч, зрители тянутся к выходу. Но мяч у Бережного. Рывок — и впереди свободный щит. Можно под занавес эффектно, двумя руками, положить мяч в корзину. Это принесет проигравшим два верных, хотя ничего не значащих очка. Но следует остановка на трехочковой линии, пауза, и с набежавшими соперниками на плечах Бережной выбивает три очка. Одновременно звучит сирена. 81:85. ЦСКА все равно проиграл. Как объяснить, зачем был нужен Бережному этот рискованный дальний трехочковый бросок? Но он такой, и каждая секунда для него решающая. Одно слово — профессионал.

— Всегда ли удается быть сдержанным и хладнокровным во время матча?

— Игра есть игра, и люди не роботы. Меня тоже удаляют с площадки, правда, не так часто. Получал и технический фол за пререкания с судьей. Когда вижу, что он явно не прав, пытаюсь объяснить судье, что он ошибся. Но баскетбол не теннис, и свои решения судья никогда не меняет. Какой же смысл спорить? Наверное, такой, чтобы облегчить душу, выплеснуть эмоции и разрядиться в какой-то степени. По-другому напряжения в матче не снимешь. Даже на кольце повиснуть нельзя — фол.

— Бедный судья!

— Да, ему не позавидуешь. Но все-таки на судью особенно не крикнешь. Кроме технического фола, за пререкания на игрока налагается денежный штраф 100 рублей. Провинившийся платит из своего кармана.

— А как насчет отношений вне площадки?

— Вообще-то я неконфликтный человек. Всю жизнь играя в армейских командах, понял, что это та же армия, где приказ начальства обсуждать не привыкли. Я мог высказать свое мнение, но к нему не прислушивались.

Хорошо помню, как в 1988 году после проигрыша московскому «Динамо» команда пришла на утренние броски. В зал вошли люди в военной форме, наше военно-спортивное начальство, и объявили о назначении нового тренера. Наше мнение было не в счет. Хотел заступиться за Селихова, но это был мой второй сезон в ЦСКА, и я рассудил, что первое слово должны сказать те, у кого на это больше прав,— старожилы команды. Но они молчали. Значит, так надо, решил я.

— Вы играли и при застое, и при перестройке. Изменилось ли что-нибудь в нашем баскетболе по сравнению с прежними временами?

— Пожалуй, кроме новой системы штрафов, все осталось как есть. Так же, как и раньше, нет у команд своих спортивных баз, так же трудно достать железнодорожные и авиабилеты на матчи в другие города. Так же крутятся администраторы, используя личные связи. Правда, ввели официальную ставку игрока высшей лиги — 250 рублей в месяц. И зарплату теперь получаем согласно официальной профессии «баскетболист», а не прежних мифических инструкторов и методистов, которыми мы числились. Но оттого, что нас наконец-то признали профессионалами, зрителей на матчах не прибавилось, даже наоборот. Приятного, конечно, мало. Но, по-моему, это общая тенденция: сейчас в стране не до развлечений.

— Вы суеверный человек?

— Наверное. Но больше верю в собственные приметы, чем в общепринятые. Например, проигрывая, обязательно сменю форму. Действительно помогает, успокаиваюсь по крайней мере на несколько минут. Кстати, помните самую дальнюю скамейку в баскетбольном зале ЦСКА? На матчах мы всегда ее занимаем. Тоже счастливая примета.

— Кто из великих спортсменов вызывает у вас наибольший интерес?

— Сергей Бубка и Гарри Каспаров. Каспаров очень незаурядный человек. У него смелые мысли и огромная жизненная активность. Он очень напорист в достижении цели и уверен в себе. Может быть, именно этого не хватает мне.

— Как вы относитесь к установлению возрастного ценза на выезд наших баскетболистов за рубеж?

— Мне кажется, у человека всегда должен быть выбор, где ему играть, и право решать это самостоятельно. Возрастной ценз в какой-то степени оправдан, но, с другой стороны, если упустишь шанс поиграть в профессиональном зарубежном баскетболе в двадцать лет, то в тридцать ты просто никому не нужен. К тому же приспособиться к новой жизни в зрелом возрасте гораздо труднее.

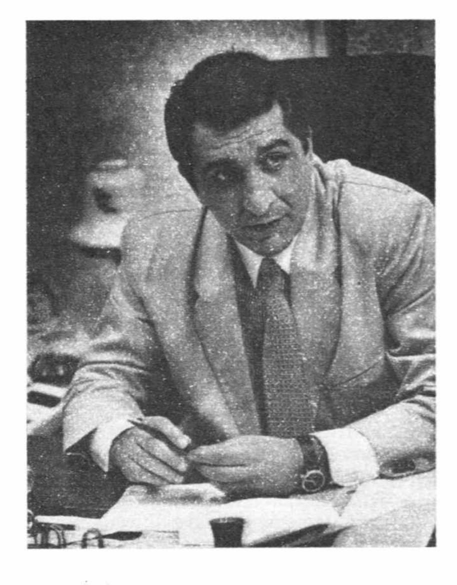
— Молодым игроком вы упустили подобный шанс перейти в сильнейший, правда, советский клуб ЦСКА. Значит ли, что с возрастом ваши взгляды изменились?

— Если попал в состав сильной профессиональной команды, это уже большая школа, независимо от того, проводишь на площадке пять минут или сорок. Надо рисковать и бороться за место в основном составе. Жаль, что раньше я так не думал.

«Последним из могикан» назвал Виктора Бережного меткий на характеристики Станислав Еремин. Последний — из старой баскетбольной гвардии, которую, несмотря на статус «любителей», отличали высочайший профессионализм и хороший фанатизм на тренировках. «Старики» уходят. Вполне возможно, что место крайнего нападающего Бережного тоже окажется скоро вакантным. После прошлогодних кубковых турниров на Виктора пришли заявки от зарубежных клубов.

Наталья БЫКАНОВА

КИНО С КОММУНИСТИЧЕСКИМ ЛИЦОМ

Мы уважаем миллионеров. Особенно когда они признаются во взаимности, жалуются на нелегкую жизнь и бытовую неустроенность. Одним словом, когда они оказываются такими же, как мы, только немного побогаче. Мы привыкли к ним и не относимся как к экзотическим экземплярам, которых следует изолировать от общества для их же собственного душевного спокойствия. Оставляем им право на причуды — все-таки богатые люди, надо же им как-то развлекаться. Но, как выяснилось, среди них есть и те, кто с трудом вписывается в уже ставший привычным образ усталого и борющегося с советскими обстоятельствами миллионера. Имя кандидата искусствоведения Исмаила ТАГИ-ЗАДЕ замелькало в последнее время на страницах газет в связи с тем, что он, как председатель Всесоюзной государственно-общественной киновидеоассоциации (АСКИН СССР), собирается стать монополистом на внутреннем кинорынке. Кто же тот человек, который будет определять, какое нам смотреть кино?

СОЦИАЛИЗМ МНЕ НЕ МЕШАЕТ ЖИТЬ

— Скажите, где написано, что я не имею права быть коммунистом? Социализм не мешает мне работать по двадцать часов в сутки и делать то, что считаю нужным. Почему же я должен быть против него? Коммунисты отказываются от родной партии, так и не разобравшись, а при чем тут она. Пусть каждый спросит себя, что он сделал для нее. Ежемесячно сдавал пять рублей взносов да спал на собраниях? А теперь ему кто-то сказал, что на эти деньги где-то построены дачи, и он вышел из ее рядов — и это отношение к партии? Капиталист вкладывает в свою партию миллионы и при этом верит ей, а ты — пять рублей и думаешь, что имеешь право хаять ее? Как я могу поверить человеку, который ничего не сделал в одной партии, стал лидером другой и теперь ему нужна финансовая поддержка?

Людям, насквозь пропитанным мифами идеологии, наверное, непонятно, как я, гражданин СССР и член КПСС, являюсь президентом двух американских корпораций. Там это никого не смущает и не мешает давать мне кредит в 73 миллиона долларов. В первую очередь я деловой человек, которому доверяют партнеры, а уж они-то умеют разбираться в кадрах. Беда же нашей страны в том, что мы их не видим.

— А вам не кажется, что эта слепота — результат партийно-бюрократической селекции, идеалом которой был исполнитель?

— Нет, не кажется. А почему вы считаете, что коммунист не может быть хозяином?

— Отдельно взятый коммунист в отдельно взятой отрасли, наверное, может. Но вот сама система оказалась на удивление бесхозяйственной.

— Объясняю причины: у нас нет ни культуры, ни дисциплины. Пройдите днем по улицам — почему люди стоят в очередях, а не работают? Почему им больше нравится выстаивать длинные очереди за дешевыми государственными продуктами, а не сделать самим за это время какую-нибудь вещь, продать ее и на вырученные деньги купить те же продукты, но уже без очереди на рынке? Люди должны научиться уважать себя, а потом уж рассуждать, что лучше — социализм или капитализм. До сих пор все рассуждения сводятся к тому, что бездельничать на Западе приятнее, чем у нас, а потому давайте откроем границу и поедем туда.

— Мне кажется, у людей слишком мало возможностей открыть собственное дело. Системы же с либеральной экономикой позволяют любому браться и воплощать свою идею от начала и до конца, не опасаясь того, что срежут фонды, отнимут лимиты, подведут поставщики и так далее...

— Ерунда. Я оставил свой кабинет, который только обставил финской мебелью, и открыл свое дело не в США, а в Москве. Думаете, мне просто было организовать торговлю гвоздиками в Московском метрополитене, если все инструкции с 1930 года запрещают любую продажу в нем? Но мне удалось сломать эту стену, затем я занялся разведением лошадей, взял в аренду швейную фабрику и только потом вернулся в кинопрокат, вложив заработанные деньги в историю русской культуры. И теперь я имею право называть себя продюсером, потому что вкладываю собственные деньги. Что такое Ассоциация независимого кино? От кого они независимы — от кредита банка?

— Но у них нет ваших миллионов...

— Что? А знаете ли вы, что я проработал в системе кинопроката 18 лет, прошел все ступеньки. Был директором кинотеатра, получал зарплату 90 рублей, был директором объединения киносети, первым заместителем управляющего московским кинопрокатом, крупнейшим в стране, получал 136 рублей. А сегодня, когда идет перестройка, вы хотите, чтобы я к вам присоединился лозунги носить? Нет, у меня есть дети, есть желание по-человечески одеться под старость, хотя мне еще сорок лет, хочу почувствовать себя человеком.

Вот вы пугаете меня партией и государством, а я не боюсь. Меня ничем не напугаешь. Я в жизни видел все и самое худшее уже прошел. Я вырос с семи лет без родителей, в интернате, голодал студентом со стипендией в 28 рублей... А сейчас езжу на «мерседесе», но купил его на свои трудовые деньги и при этом никогда и никого не ругал и не ругаю.

До тех пор, пока не побывал в Америке, я относился к ней с опаской. А сейчас знаю, почему она великая. У нее великий народ. Слова «нация» в этом государстве нет. Когда я читаю, что у нас люди убивают друг друга потому, что не могут поделить землю, я прихожу в ужас. Земля-то ведь неделима. Для того, чтобы жить в Америке или Европе, не нужно их захватывать. Приезжай, работай, создай капитал и живи себе на здоровье. Но если ты бездельник и демагог, то ни одна страна тебя не примет.

Однажды в Калифорнии я вышел после банкета к лимузину, и по дороге меня остановил негр, попросил доллар. Но как он попросил! С каким достоинством и независимостью! И я почувствовал, что даже нищий гордится, что он нищий Соединенных Штатов.

А у нас нормальный человек выходит с транспарантом и говорит, что все плохо. Я сделал вывод: в Америке работают, чтобы жить, мы же жили, чтобы работать. А сейчас мы живем, чтобы бездельничать и обливать всех грязью. В первую очередь Горбачева. Уверен, что когда он уйдет, то его обвинят так, как никого прежде. Он единственный окажется виноват во всем. И ни один не спросит себя, а пошел бы он сам по такому пути или предпочел бы жить прежней райской жизнью Генерального секретаря.

— Вы очень красноречиво защищаете социализм. Но не кажется ли вам, что сами как личность, как тип бизнесмена могли появиться только в этап «поздней» перестройки, когда разрушаются основы социализма и появляются новые возможности?

— А какие новые возможности появились? Объясните мне как директору предприятия.

— Во всяком случае, появилась возможность более-менее самостоятельно распоряжаться конечным продуктом или частью его.

— Теперь послушайте меня. Когда я взял в аренду крупнейшее бакинское швейное объединение имени Али Байрамова, то у него было около 18 миллионов рублей долга да еще 6,9 миллиона недостачи оборотных средств. Одних только процентов с долгов трудовой коллектив платил около 2 миллионов — это была цена бесхозяйственности прежнего руководства. Люди получали по 20—30 рублей в месяц. Вы можете себе представить самочувствие многодетных матерей, которые занимали по пятьдесят копеек в день, чтобы купить вечером хлеб детям? И кто был виноват в их положении — Брежнев, Черненко, Горбачев? Или все-таки руководители фабрики, которые не развивали, а тихо год за годом гробили фабрику? Кто мешал им шить современные модели, держаться на уровне мировой моды?

Я поднял расценки оплаты труда на 45 процентов за счет того, что годовой план в 7 миллионов сделал за полгода. Сегодня работницы получают по семьсот — восемьсот рублей, и на них любо-дорого посмотреть. Им нравится жить, а ведь я никакой революции не устраивал, просто правильно организовал работу. Разве партия должна была это делать?

— С такой энергией вы, пожалуй, добьетесь восстановления ее руководящей и направляющей роли. Да вот только, если в райкомах возникнут вновь промышленные отделы и их инструкторы будут указывать вам, как жить и работать, что тогда будете делать?

— Разве КПСС против законов о кооперации, аренде, предприятии, которые приняты? На нашей фабрике секретарь партийной организации был неосвобожденный, мы освободили его от всех работ, и зарплату он получает 350 рублей, а будет — 700—800, даю слово. И ни один человек не скажет нам, что он не нужен...

— Он у вас выполняет функции психолога?

— Зачем психолога? Я сам психолог в бизнесе. Моя позиция как капиталиста: я хочу делать все то, что я хочу делать. И какое право вы имеете запретить иметь секретарей партийной и комсомольской организаций, если мы хотим?

— Если так сильно хотите, то запретить нельзя. Но вообще-то это должность выборная, а мнения ваше и коллектива могут разойтись.

— Там все нормально. Коллектив его и выбирает. Мне нужен секретарь, к которому бы люди сами тянулись и от которого бы веяло добротой. Если он правильно понимает Программу партии, то не может быть плохим человеком. В наше время перестройки мы до сих пор не можем понять простой вещи. Помните, как написано в учебниках политэкономии: экономические отношения — это есть основа общественной жизни. Помните?

— Да.

— А знаете, чего там не хватает? Когда они взаимовыгодны! И тогда мы будем работать, чтобы жить. В один месяц я заработал 37 миллионов рублей...

— И, обогнав А. Тарасова, заплатили партийный взнос в миллион?

— Не я лично заработал, а моя организация. Но это все равно мои деньги. И ни один Минфин, ни один другой орган ничего не сделает с ними, потому что они заработаны моим каторжным трудом. Но такого не произойдет, потому что мы правильно строим отношения с бюджетом и со своим коллективом.

Скажите, разве правильно платить зарплату в десять, двадцать, сорок тысяч рублей? Правильно, когда мой начальник отдела получает тысячу пятьсот, а я — две тысячи. И мы работаем столько, сколько нужно для процветания фирмы. Теперь у нас есть возможность в любой момент поехать в любую страну мира. Например, недавно ездили в Англию. И каждой нашей сотруднице на шесть дней дали по 1200 долларов. И они достойно чувствовали себя там и смогли купить себе шубы, подарки детям и внукам. Я был горд, что советские женщины едут в шубах, пошитых в Англии. А мех наверняка наш.

КИНО ОТ ТАГИ-ЗАДЕ

— Что такое АСКИН?

— АСКИН — это мощнейшая организация, равны которой в Советском Союзе единицы. Мы объединяем всех киновидеопрокатчиков страны, и при этом мы ни копейки не взяли ни у государства, ни у учредителей. АСКИН сам зарабатывает деньги. Недавно мы провели свой второй съезд в Кремлевском Дворце съездов. Союз писателей не смог, а мы смогли. И сделали все на одном дыхании. Это был плодотворный, рабочий съезд, а нам ставят в упрек, что делегаты икру ели. Да, ели и икру, и рыбу. Да, бесплатно. Но они ее не украли, а ели за счет своих заработанных средств. Почему же это плохо? Почему все норовят смотреть в чужой карман, когда свой ближе?

Сегодня мы не просто АСКИН, есть еще и банк, страховая компания, прокатная служба, заводы и фабрики, корпорации за рубежом. И это за восемь месяцев работы! Посмотрите, что может сделать человек, который правильно подбирает кадры и сам желает работать.

Мы хотим в конце августа в Кремле же открыть фестиваль советского многонационального кино и уехать всем вместе из Ленинграда в зарубежный круиз на теплоходе. В течение двух недель жюри на теплоходе должно присудить премии. Крупнейшая премия от оргкомитета — в пределах двух миллионов — будет присуждена киностудии. За лучшее исполнение мужской и женской роли — по сто тысяч. Сто тысяч же, но долларов, выделяется студии, поставившей лучшую сложнопостановочную картину. На них она сможет закупить технику, пленки, химикаты, все, что пожелает, но не имеет права тратить их на гонорары. В каждой стране, где мы будем останавливаться, проведем фестивали советского кино. И поможет сделать все это авторитет АСКИН.

— На съезде АСКИН вы обещали захватить в свои руки всю киносеть страны. Не велика ли шапка?

— Как раз по размеру. Мы действительно никому не дадим советский кинопрокат и будем биться за свою монополию. На Западе каждая фирма, каждая корпорация бьется за свою монополию. Это имя, слава! Звание монополиста нужно заслужить долгой и тяжелой работой...

— А потом, когда все конкуренты будут вытеснены с рынка, можно почивать на лаврах, уже не обращая внимания на зрителей. Освобождаясь от монополизма государства в системе кинопроката, мы попадем в вашу?

— Поймите, если я буду плохо работать, то меня вытеснит другой, более сильный. Бездельник встать во главе этой системы не сможет, он все растеряет, и его задушат более талантливые и сильные.

— Сильный сможет пройти только, если у него будут возможности для конкурентной работы.

— Достаточно одного желания, если он сильный. Сегодня в Европе идет американизация кино. Кто мешает французам, англичанам, итальянцам удерживать свой рынок? А кто помог японцам внедриться на американский кинорынок с помощью своих лент о каратэ? У них было желание войти на рынок, и они осуществили его.

— Но во всем мире общепризнано, что монополия губительна для экономики. Не случайно же после «великой депрессии» в США было принято антитрестовское, то есть антимонопольное, законодательство. В той же Японии, которую вы собираетесь не пускать на наш рынок, крупные корпорации сознательно поддерживают своих слабосильных соперников. Конкуренция — двигатель прогресса, не так ли?

— Я понимаю монополизм по-своему, как цель, сверхзадачу. Вот те же японцы продают у себя «тоёты» за 50 тысяч долларов. А те, которые они в масле везут в США,— за 35 тысяч. Дешевле на 15 тысяч! Они сбивают цену, чтобы вытеснить «форд». Это я и называю стремлением к монополизму.

Теперь о слабосильных организациях. На съезде зашла речь о том, что сельская киносеть убыточна. На селе у нас работают 12,8 миллиона человек, и если я, кинопрокатчик, лишаю их единственного культурного досуга, то какое право имею говорить о том, что они меня не накормили, продают мясо за тридцать рублей килограмм. Они обязаны делать так...

— Конечно, ведь вы и они поступаете так, как выгодно.

— Скажите, а что запрещает мне как директору государственного киновидеообъединения создать при себе кооператив, хозрасчетный центр, малое предприятие? Сельсовет района освободит его от налога в бюджет, лишь бы он обеспечивал культурный досуг в каждой деревне. Может быть, так там будет выгоднее?

Но мы еще не знаем, где лежит наша выгода. Именно поэтому большая делегация АСКИН в 75 человек едет на кинорынок в Лос-Анджелес. Едут прокатчики и творцы всех 15 республик. Там они познакомятся с настоящим рынком, посмотрят, как живет и работает американская киноиндустрия. Они будут знать, какие фильмы есть и сколько стоят, смогут компетентно определять то, что нужно для нашего внутреннего рынка.

— А потом тихо задушат, не покупая даже и талантливую продукцию тех студий, работы которых не нравятся или не будут иметь коммерческого успеха?

— Надо быть дураком, чтобы сделать это. Я, например, вложил деньги не в создание шумных боевиков или эротических лент, а в сложнопостановочную картину «Князь Серебряный» из истории России. Так мы даже бороду для Ивана Грозного вынуждены были покупать в Англии!

Когда я вышел на трибуну съезда АСКИН, то растерялся. Я вдруг оказался в кресле Президента страны. Стою на трибуне, где стоит Президент и где всю свою сознательную жизнь я видел проходящие съезды партии, теперь — народных депутатов. Огромный зал, набитый ждущими людьми, на повестке дня доклад: «Состояние и развитие кинопроката в СССР». Подумалось: а вправе ли я говорить за всю отрасль? Пусть первый секретарь Союза кинематографистов Худоназаров расскажет, довольна ли наша творческая интеллигенция новой моделью, а Камшалов, председатель Госкино,— каково общее состояние отрасли? Почему в стране нет пленки, химикатов? Почему долго говорили о хозрасчете, а оказались с протянутой рукой к бюджету? Дайте нам на кинопроизводство 250 миллионов рублей. Дайте, дайте, дайте...

Считаю, что только такие, как мы, смогут создать современную киноиндустрию в стране, которая будет удовлетворять потребности всех зрителей.

Итак, в нашу жизнь пришли новые люди, которые во многом будут определять, что нам носить, смотреть, читать. Они появились из лона тотальной монополии государства и, как все мы — верные его сыны, стремятся уже к собственной монополии. Они появляются из разных слоев общества: из «теневиков», которые умеют жить и работать при любом строе, из чрезмерно инициативных, не вписавшихся в государственно-плановое народное хозяйство, из партийных и комсомольских функционеров, испытавших прелести большого бизнеса. Они отодвигают свои идеологические предпочтения перед Делом и заставляют себя уважать. Хотелось только, чтобы они были тоже «честных правил».

Смотрите внимательнее, кто идет, чтобы потом не удивляться тем, кто пришел.

Сергей ФИЛИППОВ

«ЛЕНИНГРАД» В ОГНЕ. ЕСТЬ ЖЕРТВЫ

Одна из крупнейших трагедий последнего времени произошла 23 февраля. Начавшийся в 8 утра пожар в гостинице «Интуриста» «Ленинград» удалось потушить только через 5 часов. Огонь полностью уничтожил 7-й и 8-й этажи вытянутого в длину корпуса. Едва не погибла актриса Марина Влади. Погиб находившийся в командировке «Огонька» журналист Марк Григорьев.

Первоначально возникшая версия о пожаре в результате взрыва цветного телевизора советского производства, похоже, отпадает. В гостиницах «Интуриста» устанавливаются, как ни странно, черно-белые телевизоры: они не взрываются. Цветные — только в «люксах». Однако пожар в «Ленинграде» начался не с «люкса», а с обычного двухместного номера 773, занимаемого шведскими тележурналистами.

К горевшему номеру первыми бросились дежурная по этажу Людмила Тимофеева и подносчик багажа, сработала сигнализация. Стоит отметить, что неделей раньше в гостинице проводилось обучение обслуживающего персонала на случай пожара. Универсальным ключом дежурная открыла номер. Он был пуст, дым заполнил уже весь номер. Восемь утра — обычное время пробуждения и деловых людей, и туристов. С восьми начинается завтрак. Дежурная пыталась вытащить какие-то вещи, и в этот момент взорвался кинескоп телевизора — вероятно, не выдержав высокой температуры.

По свидетельству очевидцев, пламя вырвалось из номера в коридор столь стремительно, что через полчаса горел весь этаж, на котором расположено около 80 номеров.

Отели, увы, горят во всех странах мира при любых политических системах. Пожары отличаются размерами и действиями обслуживающего персонала. В том, что многие спасены, заслуга ленинградских дежурных и горничных: они шли по номерам, поднимали и выводили людей, едва уже не задыхаясь сами (номера «Ленинграда», построенные из финских материалов в 1970 году, не оборудованы ни переговорными пультами, ни сиренами оповещения об опасности). Однако стремительность продвижения огня и неизбежно возникшая паника делали свое дело. 15 погибших — цифра, сообщенная через двое суток после случившегося. Однако нет уверенности, что это число окончательное. Огонь расплавил все. В чудовищной температуре перекорежены оконные рамы и металл несущих конструкций. Рассыпалась в прах мраморная облицовка, прогорели перекрытия потолка. Здесь был ад. Несколько пожарных погибло потому, что из раскрывшихся на седьмом этаже дверей лифта они шагнули сразу в доменную печь. Только по расплавленной каске у 756-го, ближнего к лифту номера можно было установить место случившегося.

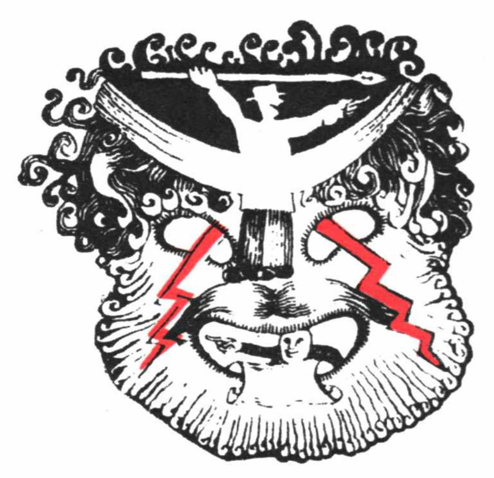
Пока ведется следствие, начатое городской прокуратурой, ленинградцев, естественно, интересует основной вопрос: отчего произошел пожар? В версиях недостатка нет: от антиамериканской акции проиракских экстремистов до попытки устроить скандал в день 23 февраля (характерно, что предыдущий пожар — правда, очень быстро потушенный — произошел в гостинице 22 апреля). Но практически версии сходятся на преднамеренном поджоге. Однако не исключено, что старт пожару дало и какое-нибудь банальное короткое замыкание, а дальше люди оказались в ловушке: чтобы не задохнуться от дыма, они открывали окна, а врывающийся ветер раздувал огонь. «Мы попали в огненный воздуходув»,— сказал один из свидетелей. Противопожарных дверей, разделяющих коридор на изолированные отсеки, проектом не предусмотрено.

Как бы то ни было, гостиницы «Ленинград» на сегодняшний момент больше не существует. Одна из крупнейших гостиниц города, постоянный источник валюты, надолго выведена из строя.

И последнее. Мы пережили время до перестройки, когда о пожарах и катастрофах нам не сообщалось. Мы пережили время перестройки, когда о них мы узнавали из ближайшего выпуска новостей. Но, может быть, пора вступить во время, когда из наших знаний будут наконец-то делаться практические выводы?

Дмитрий ГУБИН,
собственный корреспондент «Огонька»
Фото Дмитрия КУЗНЕЦОВА

Мих. КАЗОВСКИЙ

КУДА ВЕДУТ ВСЕ ДОРОГИ?

Новый документ из спецхрана

Наконец-то дождались: медленно, но верно открываются двери наших архивов, и уже можно обнародовать манускрипт, хранившийся за семью печатями с 27-го года (до нашей эры). Это фрагмент заседания Римского сената.

...ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Начинаем прения. Слово предоставляется сенатору от двести двадцать второго округа Юнию Марку.

Ю. МАРК. Господин Октавиан Август! Господин председательствующий! Господа сенаторы! Мы прослушали доклад академика Публия Квинта о переходе на рельсы феодальной экономики. Он считает: наши рабы трудятся потому из рук вон плохо, что в труде не заинтересованы. Стоит их наделить землей — и они будут сеять и пахать от зари до зари. И привел в пример близлежащих соседей, давших рабам вольную: страны эти завалены теперь мясом, виноградом, птицей и яйцом... Вроде бы все понятно... Но позвольте себя спросить: а куда девать в таком случае наши принципы? Кто, как не мы, записали в своем Римском праве: будем всемерно укреплять наш рабовладельческий строй, наиболее близкий римской психологии? Смею вас заверить: в рабстве еще скрыты грандиознейшие резервы! Надо только поприжать население, выпороть зачинщиков и укоротить языки. Я уверен, что феодализм вообще невозможен на нашей почве. Не позволим лихим академикам типа Публия Квинта развалить всем известные завоевания рабовладельчества!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Внеочередное слово предоставляется первому среди равных — принцепсу Октавиану Августу.

О. АВГУСТ. Господа... Не хотел пока выступать, надо было послушать, так сказать, взвесить и определиться... Но вот после того, как отдельные сенаторы, так сказать, начали тут подбрасывать неприемлемые сегодня идейки, чтобы повернуть, так сказать, начавшийся процесс — он идет, и его не остановить! — мы же знаем, кто такие эти сенаторы, и еще будем разбираться, для кого это выгодно! — я решил, что пора вмешаться. Я вам так скажу: план академика Публия Квинта и меня не во всем устраивает. Но ведь, господа! Посмотрите, что происходит в нашей Римской республике! Греция хочет отделиться, говорит, что мы ее присоединили насильно. В Иудее волнения без конца, ждут какого-то мессию, понимаете, левоэкстремистские и сепаратистские устремления без конца. А дакийцы все дерутся с финикийцами... Докатились до того, что не можем осуществить наш великий лозунг «Хлеба и зрелищ!», так как есть в наличии только одно зрелище — отсутствие хлеба... Возле Колизея разбит палаточный городок... Должен констатировать: рабство себя изжило. Но другое дело, что решать надо постепенно, взвешенно, так сказать, и без разорения самых бедных. Но и без популизма. Это же серьезный вопрос! Юний Марк правильно его формулирует: мы не собираемся пренебречь Римским правом. Если в нем записано «рабовладение»,— нам теперь нельзя это трогать. Просто мы должны от тоталитарного рабства плавно перейти к рабству с человеческим лицом. Пусть рабы берут землю, так сказать, это мы облегчим, пусть начнут ее обрабатывать — но под неусыпным контролем прежних рабовладельцев... В целях необратимости перемен я прошу предоставить мне особые полномочия: всю проконсульскую, трибунскую и военную власть, звание верховного жреца и почетный титул Отца Отечества.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. От межконсульской сенаторской группы слово имеет Туллий Тит.

Т. ТИТ. Господа! Римская республика в опасности. Первый среди равных хочет стать императором. Знаете ли вы, что уже из Помпеи, Регия и Таренты к Риму движутся легионы в полной боевой выкладке? В то же время у нас в столице искусственно создают дефицит фиников, меда и золы в термах. Нам действительно нужен переход — от прогнившего рабства к феодализму, по законам которого развиваются государства всей цивилизованной Европы и Азии. Я поддерживаю радикальный план академика Публия Квинта! «Нет» — авторитаризму! «Да» — парламентаризму!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Принцепс Октавиан Август снова просит выступить вне очереди.

О. АВГУСТ. Для начала я хотел бы дать справку: легионы Помпеи и Таренты движутся вовсе не на Рим, а в Предримье, чтобы поучаствовать в сборе фиников. А вооружены они для удобства: стрелами будут сбивать плоды, копьями раскачивать пальмы, на щитах подносить урожай к корзинам. Легион же из Регия проведет запланированные учения, цель которых — отобрать мед у бастующих пасечников. А зола в термах кончилась потому, что внезапно во всех городах Римской республики подзатухли костры по ее производству. Костровые же разбежались из-за низкой зарплаты. Никакой трагедии, господа!.. Но, как видно, кое-кому очень хочется увести нас от главного. Дестабилизировать обстановку, так сказать, лодку раскачать и дискредитировать то немногое, что мы все-таки совершили. Знаете, я вот слушал господина сенатора Туллия Тита и поймал себя на чудовищной мысли: не подать ли в отставку? Сесть в свою галеру, так сказать, и уехать в Колхиду, на мою третью дачу... Но скажу откровенно: я не буду поддаваться эмоциям. В этот трудный, судьбоносный для всех нас момент кое-кому хотелось бы самому дорваться до власти. И поэтому мне еще не один год, понимаете, надо пребывать на моих постах, чтобы довести Римскую республику уже окончательно до намеченной точки. Будем корректировать план академика Квинта, так сказать, с учетом момента, после его обсудим всенародно, подытожим полученные мнения, а с начала уже новой эры, до которой и осталось-то всего ничего, мы приступим к осуществлению...

По свидетельству современников, Публий Квинт вскоре оказался не у дел. Словно сумасшедший, он бродил по улицам великого города, повторяя бессмысленные слова: «рынок рабочей силы», «фермерство» и «достаток». Говорят, именно тогда появилась присказка: «вешать нос на квинту». Римская же республика, превратившись при Октавиане Августе в Римскую империю, оставалась рабовладельческой целых пять веков.

БУДЕМ ВСЕМЕРНО УКРЕПЛЯТЬ

Сергей САТИН

СЦЕНКА ИЗ РЫЦАРСКИХ ВРЕМЕН
(видение)

В пыльных латах, в шлеме пыльном
рыцарь скачет на турнир.
На щите его фамильном
дерзкий лозунг: «Миру — мир!»

Веселы у черни лица,
тычет чернь в него персты.

Нет, не будешь понят, рыцарь
современниками ты.

Ах, боюсь, без сожаленья
сгубит век, что так жесток,
этот нового мышленья
робкий, маленький росток!

* * *

Я стою среди коз и берез,
плодовитый и дерзкий,
как вирус.
Здесь я долго и вдумчиво рос.
Здесь в конечном итоге я вырос.

Здесь люблю я творить поутру.
Здесь люблю я бродить вечерами.
Здесь когда-нибудь я и умру.
Здесь, заметьте, умру —
не в Майами.

Пусть привычная пара ракит —
а не пальма в субтропиках
где-то,—
исполняя свой долг, шелестит
над последним жилищем поэта.

И пускай я удобрю собой
не десяток заморских былинок —
а колхозно-нитратный,
родной
среднерусский отцовский суглинок.

ИСТОРИЧЕСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ НА КРУТОМ ВОЛЖСКОМ БЕРЕГУ

Плавать следует учиться
не формально, а всерьез.
Зарубежную девицу
в этом смысле жаль до слез.

Стенька Разин! Стенька Разин!
Твой поступок безобразен!
Джентльмен топить княжон,
безусловно, не должон.

И вообще есть, Стенька, мненье —
в свете нового мышленья,—
что катил ить бочку зря
ты на батюшку-царя.

Царь есть царь. Цари — от Бога.
Мы теперь за них горой.
Так что, Стенька, если строго —
далеко ты не герой.

Вон какой сидишь ты хмурый
на музейном полотне!
С политической культурой,
сразу видно,— не вполне.

Скольких ты поставил к стенке!
Скольких в Волгу покидал!
Популист ты, братец Стенька,
демагог и радикал!

Слава Богу, слово Божье
ныне вновь в ходу у нас.
Не-ет, не поднял бы Поволжье,
как бывало, ты сейчас!

Что на это скажешь, Стенька?..
Что увлекся я маленько?..
Что мол, дело не мое?..
Черт с тобой! Топи ее.

ИЗ ЦИКЛА «КАРТИНКИ ЗАВТРАШНЕГО ДНЯ»

Ночь. Улица. Фонарь. Аптека.
Начало будущего века.
Маячит тень городового.
Зажав под мышкою обрез,
я на стене пишу три слова:
«ДА ЗДРАВСТВУЕТ КПСС!»

«МЫ ГОВОРИМ»

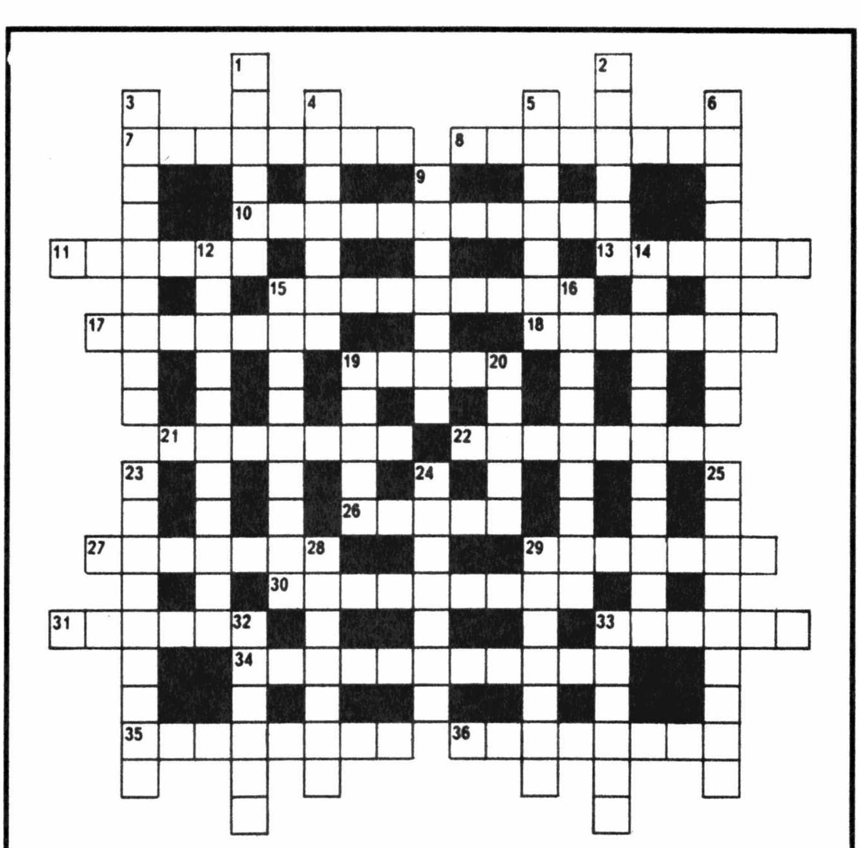
● Вкралась опечатка: вместо «Инородные депутаты» следует читать «И народные депутаны».

● С каждым днем живем все лучше и лучше — скоро окажемся в раю...

● Империя зла — полюбишь и козла.

Игорь ДВИНСКИЙ

Материалы подготовил Игорь Двинский.
Рисовал Виктор Коваль.

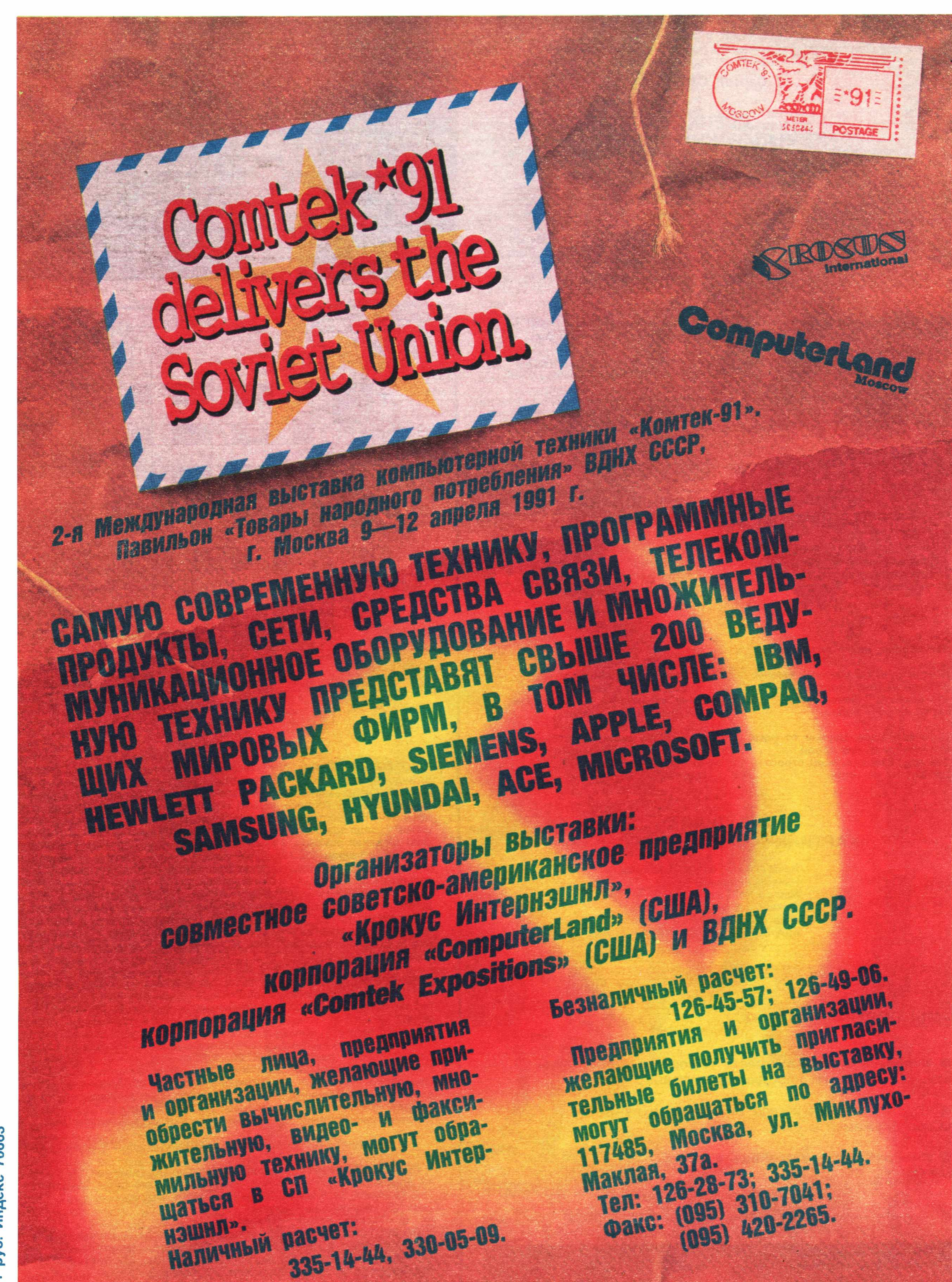
ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Оркестровое вступление к опере, балету. 8. Художница XIX века, автор иллюстраций к русским народным сказкам. 10. Центр нефтяной промышленности в Татарстане. 11. Сильное впечатление. 13. Актриса, первый председатель Русского театрального общества. 15. Действующее лицо в опере Ш. Ф. Гуно «Фауст». 17. Завершение фасада здания. 18. Русский поэт, на стихи которого П. И. Чайковский создавал романсы. 19. Спортивный бег. 21. Текстильное изделие с ажурным узором. 22. Народный артист РСФСР, первый исполнитель ряда ролей в опереттах советских композиторов. 26. Степень жизнедеятельности организма. 27. Сатирический отдел в журнале «Современник», созданный Н. А. Добролюбовым. 29. Татарский драматург, автор драмы о Мусе Джалиле «Бессмертная песнь». 30. Первая русская женщина — доктор права. 31. Помещение в земле для хранения припасов. 33. Разменная монета Заира. 34. Обучение, просвещение. 35. Произведение Н. Г. Гарина-Михайловского. 36. Вечеринка в народном свадебном обряде.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Размер книги, листа бумаги. 2. Южное созвездие. 3. Предметы в сценической обстановке. 4. Декоративное луковичное растение, цветок. 5. Город в Хмельницкой области. 6. Остров в Вест-Индии. 9. Геолог, академик, лауреат Ленинской премии. 12. Артист эстрады, ведущий концерт. 14. Строительное искусство, зодчество. 15. Охлажденное кушанье из сливок, сока, ягод. 16. Рассказ А. П. Чехова. 19. Канава вдоль дороги. 20. Тригонометрическая функция. 23. Период судоходства. 24. Заслуженный летчик-испытатель СССР, Герой Советского Союза. 25. Скульптурная фигурка. 28. Музыкальный ансамбль из четырех исполнителей. 29. Бригадир животноводческого хозяйства «Караваево», дважды Герой Социалистического Труда. 32. Испанский парный танец. 33. Первая чемпионка мира по шахматам.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 9

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Корабль. 6. Бартоло. 10. Гармония. 11. Орбита. 13. Дракон. 15. Корнет. 16. Струг. 18. Пчела. 19. Свиристель. 21. Болотников. 24. Кулон. 25. «Нерон». 27. Байкал. 29. Палата. 31. Бобина. 32. Глиптика. 33. Крапива. 34. Кислота.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Трембита. 2. Ольга. 3. Наряд. 4. Молекула. 5. Кубок. 7. Окунь. 8. Преобразование. 9. Инвентаризация. 12. «Трус». 14. Речь. 17. Гвидон. 18. Плутон. 20. Дубликат. 21. Борт. 22. Вето. 23. Полиглот. 26. Оптик. 28. Байка. 30. Агава. 31. Барий.

1 руб. Индекс 70663